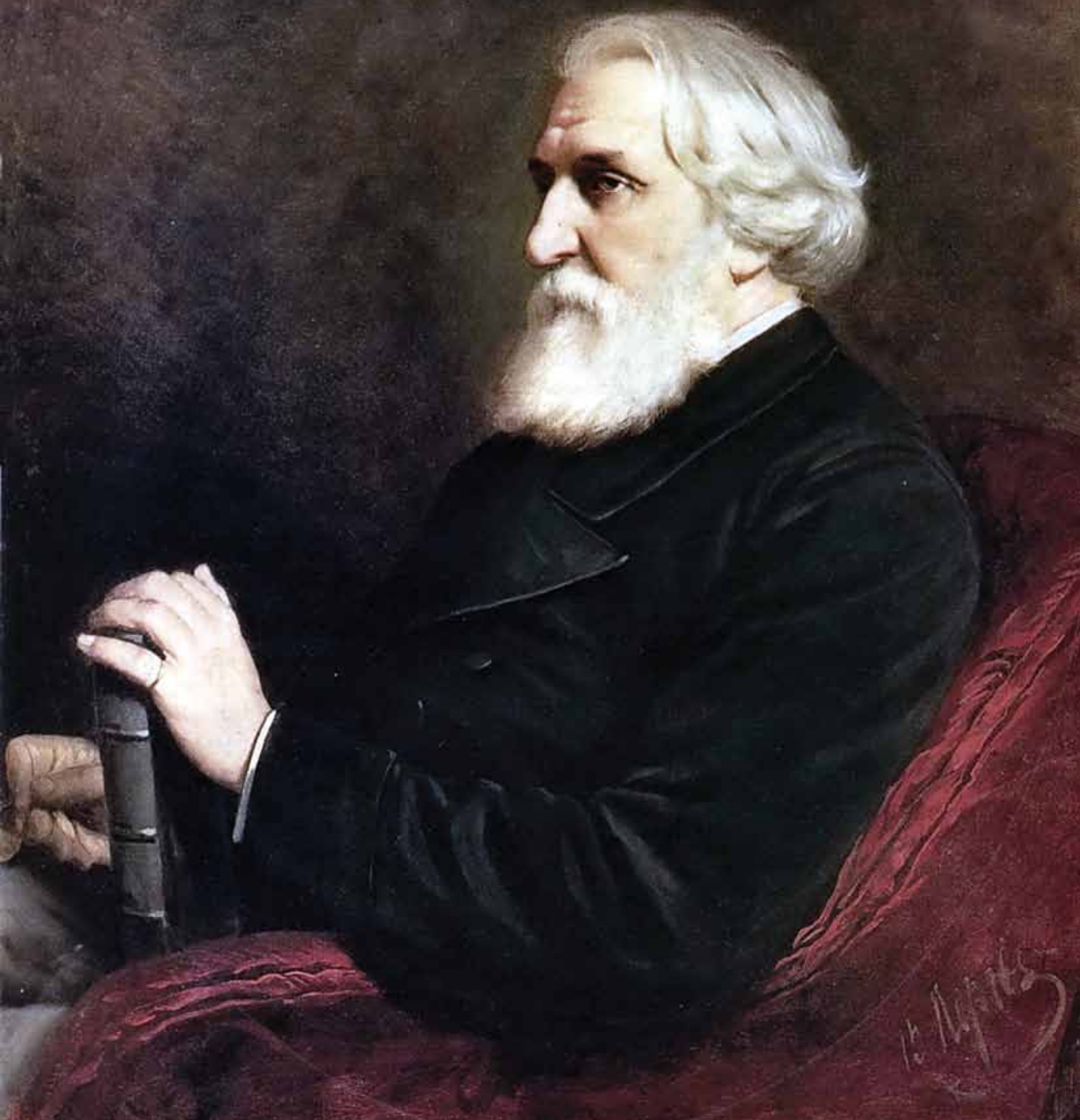

№11
Ноябрь 2013

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Мир без преград

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Арсен ЕРЕМЯН

Редакционная коллегия:
Вера ЦЕРЕТЕЛИ
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Донара КАНДЕЛАКИ
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ
Владимир ГОЛОВИН

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Важа АЗАРАШВИЛИ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Гоги КАВТАРАДЗЕ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Гулбат ТОРАДЗЕ
Джансуг ЧАРКВИАНИ

Армения
Михаил БАГДАСАРОВ

Белоруссия
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Венгрия
Олег ВОЛОВИК

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Михаил НОСОВ
Александр ЭБАНОИДЗЕ
Елен ДОРИС

США
Алексей ЦВЕТКОВ

Франция
граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№11⁽¹⁹⁷⁾
Ноябрь 2013

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ВЕЧНЫЙ ШАХ НА ЛИТЕРАТУРНОМ ПОЛЕ
ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ
- 10 ЗАЧЕМ МЫ ТОГДА ОБНИМАЕМСЯ?
АННА САЕД-ШАХ
- 12 ТЕАТР КАК РЕВОЛЮЦИОННО-КОСМИЧЕСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 16 ПО ЗОВУ ДУШИ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 18 ДЕНЬ ДЛИННЕЕ НОЧИ
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ
- 22 «СВЕЧЕЙ НА ИКОНАХ ОТБЛЕСКИ БЛЕКЛЫЕ...»
ИРИНА ШЕЛИЯ
- 29 «ПОЭТ ПОЭТУ ЕСТЬ КУНАК»
- 30 ЖИЗНЬ КАК ШАХМАТНАЯ ПАРТИЯ
АРСЕН ЕРЕМЯН
- 34 «Я ТРОГАЮ СТАРЫЕ СТЕНЫ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 39 «И ТО ЖЕ В ВАС ОЧАРОВАНЬЕ...»
ИРИНА ВЛАДИСЛАВСКАЯ
- 44 ВОРОТА ЗИМЫ
АЛЕНА ДЕНЯГА
- 46 ТВОЙ СЫН, ЗЕМЛЯ
НИНА ШАДУРИ
- 50 «НЕ МОГУ ЖИТЬ ВДАЛИ ОТ ВАС»
МАРИЯ КИРАКОСОВА
- 53 КАК ФРАНЦУЗ ПАТЛЕН СТАЛ МЕЛАДЗЕ
НАТАЛЬЯ ОРЛОВСКАЯ
- 54 ВСПОМИНАЯ МАРИНУ ЯШВИЛИ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ

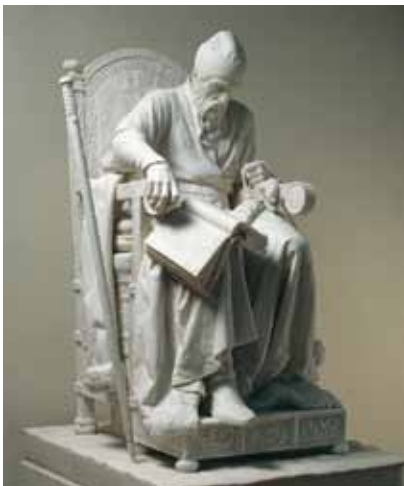
На обложке – В.Перов. Портрет Ивана Сергеевича Тургенева

ОТ ДО

ИСТОРИЯ ОТ МАРКА

2 ноября исполняется 170 лет со дня рождения выдающемуся русскому скульптору Марку Матвеевичу Антокольскому, который прославился своими изображениями крупных исторических деятелей: Петра Первого, Нестора-летописца, Ярослава Мудрого, Ермака и многих других. Его называли гением ваяния при жизни. И он многое успел, став самым знаменитым российским скульптором-реалистом второй половины девятнадцатого века. Его первую же большую работу «Иван Грозный» приобрели для Эрмитажа по личному распоряжению государя императора Александра II за очень крупную по тем временам сумму в восемь тысяч рублей. Совет Академии художеств присвоил ему звание академика в неполные двадцать семь лет и направил его за границу, чтобы он окупился в культурную атмосферу и увидел воочию работы классиков. А на Всемирной выставке в Париже в 1878 году он получил высшую награду и орден Почетного легиона. Вскоре он стал почетным членом многих европейских академий: Парижской, Венской, Берлинской, Лондонской и других. Он оставил после себя немало работ по теории искусства, статей, мемуаров и даже один роман, который был издан с

предисловием знаменитого критика Стасова. И все это при том, что русским он овладел только в юности, когда учился в скромном художественном училище в литовском городе Вильно. Будучи седьмым сыном в небогатой еврейской семье, в детстве он разговаривал только на идише и немного на литовском и польском. А религиозные родители не разрешали ему рисовать – их пришлось долго уговаривать отдать талантливому мальчишка учеником резчика по дереву. К счастью, Россия всегда славилась щедростью своих меценатов, и Марк Антокольский скоро оказался столичным студентом, что помогло ему получить блестящие разносторонние знания и стать одним из самых образованных людей своего времени.

Невзирая на позднейшие рассказы в коммунистическую эпоху о царской России, как тюрьме народов, по-настоящему одаренный человек почти всегда мог найти в ней свою дорогу в жизни. Антокольскому даже не пришлось выходить из веры отцов, чтобы преодолеть пресловутую черту оседлости. Он стал гордостью своей страны, хоть и прожил большую часть жизни за границей. Его почитали самые высокие ценители и коллеги по искусству. Роден считал его работу «Смерть Сократа» самым замечательным скульптурным творением после знаменитого «Умиряющего раба» и «Пьеты» Микеланджело.

ОТ БЛАГОДАРНОЙ РОССИИ

«От благодарной России» - так написано на памятнике, стоящем на Красной площади перед Храмом Василия Блаженного. Скульптурный портрет двух спасителей отечества всегда привлекал внимание гостей Москвы. Около него даже фотографировались молодожены. И советские люди настолько привыкли к нему, что даже шутили на тему того, кому из героев надлежит сидеть, а кому стоять, и совсем перестали воспринимать Минина и Пожарского в историческом контексте. А зря... Это были выдающиеся люди, которые приложили много сил, чтобы спасти разваливающуюся в вихрях Смутного времени страну. Это была непростая эпоха, когда безответственные властители схватились в смертельной битве за право владеть землей, когда в самом сердце России засели польские и шведские войска. И потребовалось немалое мужество, чтобы не ошибиться, сплотить народ, создать боеспособное ополчение и выгнать иноземных захватчиков из Кремля. Князь и простолюдин Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский,

воин и купец. России всегда везло на нужных людей, которые появлялись в самый опасный для ее истории момент. Первого ноября мы будем отмечать 435-ю годовщину со дня рождения князя Пожарского. И, между прочим, его первое имя было Кузьма, как и у будущего соратника. Род Пожарских происходил от одного из сыновей основателя Москвы Юрия Долгорукого, то есть, напрямую от Юриковичей. Но эти князья не были ни богатыми, ни близкими к трону. Более того, при Грозном они даже утратили свои родовые земли – их забрали в опричнину. Наш герой появился только при дворе Бориса Годунова, но вскоре попал в опалу и у него. Выдвижение Пожарского началось при царе Василии Шуйском, когда его назначили воеводой в Зарайске. В Смутное время явно не хватало квалифицированных военных и государственных кадров из числа старинной аристократии, а те, что были, разбежались по разным сторонам баррикад. И Дмитрий Михайлович пришелся как нельзя кстати. Он был очень хорошо образован и обладал приятным характером, был незлобив и не спесив, разговаривал с людьми без княжеского чванства. К тому же он был, как бы сейчас сказали, настоящим государственным человеком. То есть, Родина – это все, а законный царь может быть только один. И когда свергли пусть и не лучшего самодержца Шуйского, в пользу то ли очередного Лжедмитрия, то ли польского королевича Владислава, русские люди не выдержали и взялись за оружие. Ополчение возглавил Кузьма Минин, а воеводой позвали Пожарского. И они, как мы знаем из учебников истории, победили. К чести Дмитрия Михайловича, он не стал сам претендовать на трон, хоть его на Соборе и выдвигали, а высказал свое мнение, что править должны родственники последних царей – Ивана Грозного и Федора Иоановича. Авторитет спасителя Отечества оказался достаточно высок, и на Соборе решили звать на царство Романовых. А князь Пожарский продолжил верно служить Родине на новых важных постах.

100 лет назад родился выдающийся французский писатель-гуманист Альбер Камю, которого справедливо называли «совестью западного мира». Он родился в бедной семье эльзасца и испанки в Алжире и совсем не помнил отца, погибшего в Первую мировую. Его одаренность заметили учителя еще в начальной школе. Они с трудом убедили неграмотную мать, что ребенка надо продолжать учить, чтобы обеспечить его будущее. В итоге, Альбер закончил и среднюю школу, и алжирский университет, написав научную работу и став магистром философии. Тогда же он начал писать свои эссе. Но до Второй мировой он так и продолжал жить в Алжире и только в 1940 году перебрался в Париж. С началом немецкой оккупации, он вступил в движение Сопротивления и занялся подпольной работой. Но при этом ухитрялся еще и писать, ведь давно известно, что музы не молчат, когда грохочут пушки. Многие свои лучшие

произведения писатели написали в военное время. Так и Камю. За этот период были созданы повесть «Посторонний», «Миф о Сизифе», «Письма к немецкому другу», «Чума» - необычайная работоспособность! При этом он не останавливается в поисках себя, пройдя путь от увлечения экзистенциализмом, леворадикальными идеями, анархизмом и атеизмом. После войны он продолжает писать и заниматься общественной деятельностью, часто вызывая гнев политических противников, бывших друзей по борьбе с фашизмом. Он активно выступал в защиту французского населения в Алжире и против национально-освободительного движения, выступал против просоветских настроений во французском обществе, указывая на судьбу Восточной Европы. Он пишет своего «Бунтующего человека», а потом «Падение». В 1957 году Камю была присуждена Нобелевская премия по литературе. Современникам пришла по душе мысль, высказанная писателем, что важен просто труд, пусть даже это труд Сизифа – закачивать в гору камень, зная, что он

непрерывно скатится снова вниз. Только труд способен заставить думать и быть по-настоящему свободным. Камю говорил, что он со всеми в мире плывет на галере и не может себе позволить не грести, хоть и понимает, что мировая галера пропахла селедкой, что на ней многовато надсмотрщиков, а сама она явно плывет не туда... Он погиб в автокатастрофе, не дожив до пятидесяти.

«ПОЛОВЕЦКИЕ ПЛЯСКИ» ХИМИКА

Исполняется 180 лет со дня рождения великого русского композитора и выдающегося ученого-химика Александра Порфирьевича Бородина. На самом деле, фамилия его отца была Гедеванишвили. Шестидесятидвулетний имеретинский князь Лука Степанович влюбился в двадцатипятилетнюю Авдотью Антонову. Но родившегося ребенка никак было невозможно признать – законы не позволяли. Пришлось записать его сыном крепостного слуги князя Порфирия Бородина и его жены Татьяны. Конечно же, престарелый отец постарался обеспечить ребенка от своей возлюбленной – он дал ему вольную, купил огромный дом и оплатил самое лучшее домашнее образование – учиться в гимназии происхождение не позволяло. В итоге, Бородин свободно разговаривал на нескольких языках и стал блестяще образованным человеком. В детстве он также получил начатки музыкального образования – вовремя заметили его музыкальную одаренность. Но мальчика притягивали к себе естественные науки и медицина. Он поступил в Медицинско-хирургическую академию и стал учеником знаменитого химика Николая Зинина. Позже он учился за границей в Гейдельберге вместе с Менделеевым. В итоге незаконный сын грузинского князя стал профессором химии и выдающимся ученым. Но всемирную славу ему все же принесла не наука, а музыка. Этот очень занятой человек все-таки нашел время и за восемнадцать лет написал гениальную русскую эпическую оперу «Князь Игорь». Жаль только, что как композитор он успел так мало – одна опера, несколько квартетов и знаменитая «Богатырская симфония».

Судя по фотографиям, он был красавцем. Хорошо одевался, любил приятные и умные компании, обожал литературные розыгрыши и псевдонимы – например, Платон (а иногда Иеремиа) Недобобов... А на самом деле, звали его Иван Сергеевич Тургенев.

Иван Тургенев оставил множество образцов первоклассной прозы – «Отцы и дети», «Накануне», «Дым», «Вешние воды», «Ася», «Первую любовь». Это великолепные произведения, а сам он, конечно же, выдающийся русский писатель. Но так уж случилось, что теперь он пребывает в тени своих великих соотечественников-современников Льва Толстого и Федора Достоевского. И это несправедливо... Но так было не всегда. В середине позапрошлого века Иван Сергеевич, которому в этом месяце исполняется сто девяносто пять лет, был в Европе самым знаменитым русским литератором – и совершенно заслуженно. Потомок татарского хана Тургена и сын красавца – отставного кирасира, женившегося по расчету на богатой, но некрасивой женщине, Тургенев получил прекрасное домашнее воспитание, а позднее учился на отделении словесности Московского университета и философском факультете Петербургского университета. А потом стал знаменитым писателем, критиком и журналистом. Он много и подолгу жил в Европе, поддерживая знакомство с самыми выдающимися отечественными и зарубежными литераторами, став своеобразным полпредом русской культуры. Его международные знакомства позволили представить европейскому читателю многие вершины русской литературы – и это одна из важнейших заслуг Тургенева. А как писатель Иван Сергеевич сумел стать голосом своего поколения. Но сам себя он считал сыном эпохи отмены крепостного права, ведь при Николае I его почти совсем не печатали. Так он и жил на две страны – между Россией и Францией. А соотечественники судачили о его любви к замужней женщине Полине Виардо, о его несостоявшейся дуэли со Львом Толстым, о его спасении с тонущего корабля, когда он якобы повел себя не совсем мужественно. Впрочем, нет пророка в своем Отечестве.

ВЕЧНЫЙ ШАХ НА ЛИТЕРАТУРНОМ ПОЛЕ

▲ Сергей Чупринин

Что такое наблюдательность без остроумия? Это тост без вина, и далее по Гайдаю. На VI Международном русско-грузинском поэтическом фестивале «Во весь голос» Сергей Иванович огласил занимательную, но невыдуманную статистику: если для расселения по всему миру евреям потребовалось 2000 лет, китайцам – 200 лет, то русскоязычным поэтам это удалось сделать всего лишь за 20 лет, и данный рекорд вряд ли возможно превзойти.

Вот и беседа наша потекла из этого информационно-го устья, и продолжалась, пока «недремлющий брегет» не сообщил – готов обед. Поначалу завернула она в лучину исторической ретроспективы.

- Литературные журналы в России – это особая институция с более чем 250-летней историей, особая область культуры, с богатым тематическим спектром. Российские литературные журналы, возникшие вслед за французскими и немецкими, имели особенность: они создавались вокруг одной из знаковых фигур и служили трибуной для провозглашения тех или иных творческих позиций. Их возглавляли такие разные по своим литературным воззрениям личности, как Новиков, Карамзин, Пушкин, Крылов, Некрасов и Салтыков-Щедрин... Или преследующие совершенно непохожие задачи «Днев-

ник писателя» во главе с Достоевским и просветительская «Ясная Поляна» Льва Толстого.

- И в Грузии литературные журналы с середины позапрошлого века стали формировать вкусы и пристрастия просвещенной общественности. Пионером был «Цискари», выразитель грузинской общественной мысли. На его страницах развернулась полемика «отцов»-романтиков и «детей», выдвинувших принципы реализма и идейности в литературе и искусстве. В 1863 году молодежь организовала журнал «Сакартвелос моамбе», который возглавил Илья Чавчавадзе. Это крыло вступило в идейное противостояние с писателями-романтиками и консервативными тенденциями. Так что и тут есть у нас некая общность. Эта общность пустила корни и в прошлом веке, когда именно толстые журна-

лы – тот же «Цискари», «Мнатоби», «Литературная Грузия» - были своего рода оазисами свободомыслия...

- Как и в России – «Новый мир», «Юность», «Знамя»... Правда, в 1970-80-е годы, вплоть до так называемой перестройки, гайки были закручены, и они превратились в официоз. Но уже со второй половины 80-х пробили звездный час толстых журналов, их тиражи доходили до 3-6 (!) миллионов, приходилось даже искусственно сдерживать. Литература была гувернером общества. И у всех сложилось романтическое представление – ах, какой же он жадный до высокой литературы, этот русский и русскоязычный читатель! Но оказалось, что это – в значительной мере – блеф. В 6-м номере «Нового мира» за 1987 год, который просто невозможно было не то что приобрести, а даже одолжить, – был опубликован «Котлован» Андрея Платонова. И все думали, что такой бешеный спрос – из-за этого романа. А оказалось – во все нет. Всех свела с ума статья экономиста Шмелева «Авансы и долги», где доказательно объяснялось, почему в эпоху развитого социализма на прилавках нет и не будет колбасы. То есть миллионы людей разыскивали этот номер ради новостей о колбасе, и лишь тысячи – чтобы прочитать Платонова.

Да, эпоха повального увлечения чтением толстых журналов миновала, но они были не столько пристанищем высокохудожественных произведений, сколько служили заменой партийным мандатам. По принципу: скажи, какой ты читаешь журнал, и я скажу – за какую партию ты голосуешь. Мир толстых журналов образовывал своего рода протопарламент, в котором, пусть и карикатурно, но реально отображалась полная картина общественного мнения. В России, замечу между прочим, в отличие от старых европейских демократий, литература нередко брала на себя роль суда, школы и церкви.

Сейчас тиражи упали в 100-200 раз. И когда мне го-

мир. Книгоиздательства выживают за счет учебников, словарей-разговорников и бестселлеров, зачастую печатающихся с пиратских матриц и дурно переведенных. Вы спросите – зачем же тогда толстые журналы? Ответ – в век отсутствия или частичного отсутствия идеологической цензуры они играют роль своеобразного художественно-эстетического фильтра. Ведь какой мы наблюдаем парадокс – по количеству наименований книг новое время превзошло советскую эпоху. Теперь, входя в книжный магазин в надежде приобрести качественную литературу, не можешь понять – что купить. Аннотации обманывают – какую ни открой – все гениальные романы и гениальные стихи. А в толстых журналах сохранился институт редактора, подчеркиваю, не цензора, а редактора. Вкус, профессионализм, чутье редактора от Бога (таковые еще остались, но профессия умирает, и пора бить в колокола), совершенно необходимы, когда речь заходит о художественной литературе. Даже боль-

▲ На вручении «Русской премии»

шие писатели не застрахованы от фактологических или даже стилистических несуразностей, ошибок памяти. И если они обладают адекватной самооценкой, то понимают необходимость работы с редактором.

- Я с удовольствием вспоминаю работу с редактором Ушанги Рижинашвили, помогавшим мне делать первые шаги в литературе. Его советы помню до сих пор. А нет ли сходства в сложившейся ситуации с эпохой захвата варварами Рима, когда, спасая подлинную культуру от разорения, монахи унесли рукописи, иконы и другие сакральные ценности в неприступные скиты и пещеры, чтобы спустя поколения вернуть их «поостывшему» человечеству?

- Аналогия вполне уместна. Сейчас и вправду на литературном рынке воцарился настоящий базар – один пытается угодить низменным вкусам толпы, другой выкладывает козырем занимательность повествования, третий бьет на эпатаж... Действительно, нужны «монахи», которые уберегут для потомков все подлинно ценное. «Гражданская война» в литературе, начавшаяся четверть века назад, продолжается, накал столкновения, идейного противостояния, острота «национальной», «патриотической» проблемы, не спадает и сегодня. На поле российской литературы – вечный шах, и если на черно-белой доске после его троекратного повторения фиксируется ничья, то в этой шахматной партии на мировую идти никто не желает. Добавьте к этому раскол Союза писателей – единый цеховой организм расчленен, что никогда не идет на пользу делу.

▲ С Натальей Ивановой и Георгием Кубатьяном. 2010

ворят, что век толстых журналов ушел в историю, целиком с этим согласиться не могу. Не будем забывать, что и тиражи книг упали обвально – Евтушенко и Вознесенский выходили 100-200-300 (!) тысячными тиражами, а сейчас норма – 500 экземпляров, 3-5 тысяч – праздник, а 10 000 – уже бесценно. Объяснение этому уже наблю оскомину – дискуссионная площадка и читательский интерес большей частью сместились в виртуальный

▲ Участники русско-грузинского поэтического фестиваля во Мцхета

- Идет ли между толстыми журналами борьба за авторов?

- Силки не расставляем, манков не мастерим. За других не буду говорить, но «Знамя» по праву гордится, что именно у нас, и более нигде, предпочитали или предпочитают публиковаться в последние годы такие авторы, как Белла Ахмадулина, Олег Чухонцев, Сергей Гандлевский. Последние двое пишут мало, публикуют в год 2-3 стихотворения, но великолепных! А вот у Александра Кушнера и Инны Лисянской другая органика, психосоматика, – они работают ежедневно и, стало быть, больше публикуются. Мы никогда не требуем от наших постоянных авторов определенного объема «сданной продукции». Понимаем, что писатель – не машина. Печальная история произошла у нас с замечательно одаренным Виктором Пелевиным, которого мы в свою пору и открыли. Перехватив его, издательство требует теперь от писателя по роману в год, невзирая на то, находится он в оптимальной творческой форме или нет.

- Бальзак как-то справлялся с подобным графиком, не понижая планки.

- Да и Достоевский тоже.

- Ой ли? «Игрок» - не самая его большая победа. Впрочем, как говорил один кинокритик после фильма «И корабль плывет»: «Мне неудача Феллини интереснее звездного часа какой-нибудь серой мышки».

- Вот я сразу вспомню недавний эпизод из редакционной жизни. Пришел ко мне молодой человек из Тамбова, принес «Грузинскую тетрадь» стихов, вполне благополучных. Я говорю – стихи-то книжные. А он: «Я никогда не бывал в Грузии». Но он написал эти стихи, он вымечтал и выстрадал молитвенный образ Грузии. И не с нас это началось – а с Пушкина, Лермонтова, Грибоедова... Залог наших будущих встреч – фестивали, подобные русско-грузинскому, издаваемые книги,

невзирая на то, что думают политики. А таких, как мой редакционный гость, сердцем тянущихся приобщиться к Грузии, я бы приглашал на подобные форумы.

- Да, пользы было бы для всех больше, чем от бессмысленных взаимных попреков в информационном и политическом контексте.

- Так вот, я по натуре – систематик. Составляю словари, занимаюсь литературной геополитикой, стремлюсь охватить весь ландшафт мировой русскоязычной литературы.

Современный период ее развития, минув эпоху «журнальную», перекочевал в эпоху «премиальную». Тут и «Букер» за лучший роман, и «Белкин» за лучшую повесть, и для российских авторов премии, и для зарубежных поэтов-переводчиков, служителей русской словесности. Я занимаюсь премией «Поэт», которая для того и создана, чтобы попытаться установить иерархию и показать читающему сословию, кого из поэтов нельзя, стыдно не знать.

А сейчас наступил «фестивальный» период. Я хотел бы отметить как одно из главных достоинств организаторов нашего фестиваля их чуткость и чувство веления времени. Они уловили момент, когда тенденция литературной жизни устремилась в сторону праздника. Могу выделить ряд очень важных отличительных моментов Международного русско-грузинского поэтического фестиваля. Во-первых, объединительно-коммуникационный. Фестиваль стимулирует взаимный интерес к переводам поэзии разных стран на разные языки, и в первую очередь – с грузинского и на грузинский. Раньше эта роль отводилась издательствам, литературным журналам, у вас была еще уникальная Коллегия по художественному переводу и литературным взаимосвязям. Теперь главную роль в этой пьесе эпоха поручила фестивалям. Второе. Известно, что мы стали читать

гораздо меньше. Это относится и к профессионалам – филологам и писателям. Мы плохо представляем себе, что происходит в республиках некогда единой страны. Раньше уследить за процессом можно было легко – единое литературное пространство, библиотеки, подписка. Сейчас, если и появится действительно достойное внимание произведению, – будь то роман или сборник стихотворений, невозможно даже обменяться мнениями. Кто-то пришел в восторг, а кто-то – ни сном, ни духом... Современная литература отдалена от школ, от вузов, в результате и самые яркие, одаренные писатели остаются неизвестными ни широкому, ни, подчас, даже узкому кругу.

- Так и оставаясь на своем «птичьем дворе» и не превращаясь в прекрасных лебедей...

- Вот поэтому фестиваль в Грузии – это еще и форум, своего рода смотровая площадка, где формируются творческие союзы, где есть возможность установить диалог с читателем.

И, наконец, третье, общее для всех фестивалей, – это праздник творческого общения. Это – и беседы в пути, и за чашкой кофе, совместные стихотворные чтения... Несколько «сюжетов на перспективу», контуры проектов зародились прямо на моих глазах.

Очень важно, что к грузинскому фестивалю подключен театральный мир – в рамках фестиваля проходят спектакли, даже премьеры. Это обогащает и содержание форума, и вариативность творческих союзов.

▲ С Борисом Херсонским

- Вы как-то заметили, что репутация чтения в обществе невысока, а репутация писания почему-то высока. И у нас в Грузии спасу нет от пишущих, как ни парадоксально, и по-русски, а не только по-грузински. Юлия Кима они на прошлом фестивале к себе затащили, он вернулся, сел за наш обеденный столик и выдохнул: «Володя, это был апофеоз графомании!» Я не могу объяснить этот феномен. Шендерович заметил по их поводу: «Прежде, чем начать писать, я кое-что прочитал». Нынешние столь качественной иронии не внемлют и продолжают свой носорожий бег в писатели. Что с этим делать? Как объяснить, что не писать тебе надо, а корову доить научиться, или детей научить – все больше пользы будет... А кому и кирку в руки не помешало бы...

- Я в третий раз на фестивале «Русского клуба». В предыдущие приезды меня не покидало ощущение неравноценности состава, бросались в глаза плохо сочетающиеся профессионализм и самодеятельность. Это

объяснялось стремлением уснастить список участников возможно большим количеством стран. Смешно прозвучит – вроде как «средний уровень температуры по больнице», но все же рейтинг художественности из-за этих случайных, а иногда и комических фигур, безусловно, страдал. Что касается вопроса борьбы с графоманами – никакой дихлофос тут не поможет, в отличие от борьбы с тараканами. Это – плата за свободу слова и книгоиздательства. За отказ от услуг редакторов.

- Но как защитить иерархичность литературы? Как избежать опасности читательского отношения к авторам как к «стоящим в одной шеренге сочинителей историй или рифмующих эмоции»? В этой шеренге читатель видит и Женю Абдуллаева, тонкого интеллектуала и занимательного рассказчика, и «женщину с прошлым» - буфетчицу, выпустившую слезливую историю. Как разработать модель воздаяния каждому по таланту и заслугам? Почему союзы композиторов ни за что не подпустят и близко баяниста с сельской лавочки, а мы – пожалуйста тебе, выступай... И не пора ли покончить с идиотским псевдодемократическим правилом о вступлении в Союз писателей при наличии трех книг и двух рекомендаций?

- В России это правило отменено. Что касается проблемы «куда ни плюнь – попадешь в писателя» - опять-таки, толстые журналы держат планку на должной высоте. Первая и главная на сегодня роль – сертифицирующий текст, то на нем, по нашему представлению, а также по мнению большого числа людей, даже тех, кто не читает журналы, ставится незримый знак качества. Это произведение может быть хорошим или не очень хорошим, но мы подтверждаем, что оно, безусловно, принадлежит собственно литературе. Вот вам и критерии. Поэтому сейчас с нами остались только те, кого интересует собственно современная русская художественная литература и мнения писателей о литературе и жизни. Поскольку журнал – это не только проза и поэзия, а еще и статьи, в том числе о жизни. Но не думайте, что удерживать эту планку не стоит усилий. Серьезные литературные журналы находятся в состоянии круговой обороны – графоманы осаждают редакции, пишут жалобы в ООН, в Европейский суд по правам человека, в полицию и в службы безопасности... Нужно время, чтобы пена эта осела. Ситуацию усложняет легкая дорога в члены Союза писателей – хоть какого-нибудь, о чем мы уже говорили. Был вот случай – на телеканале «Россия» наняли актера, дали ему книгу, написанную компьютером, он явился в Союз писателей, представился бизнесменом и попросил принять в объединение. За это дал ясно понять, что поможет организации не словом, а делом. Его обняли, расцеловали, приняли, вручили золотую медаль Есенина. Получился телефельетон.

- Мне не понравилась эта история. Скверный розыгрыш. Разве писатели виноваты, что никто в их сторону и не смотрит, - ни от государства, ни от частных спонсоров поддержки, кроме как случайной, нет.

- А честь мундира?

- Об этом легко говорить, когда дети не плачут от голода. А у нас заслуженные писатели на съезд приехать не могут – нет денег на маршрутку – встречаем, оплачиваем. Это ли дело?

- Не дело. И это – еще один, пожалуй, главный повод бить в колокола.

Владимир САРИШВИЛИ

ЗАЧЕМ МЫ ТОГДА ОБНИМАЕМСЯ?

День первый. В Тбилиси нас встречали как родных. И удивлялись, почему так давно мы не были, если в любой момент могли купить билеты на самолет и запросто прилететь. Дорого, конечно, но запросто. Грузины так не могут. Нормальную визу в консульстве (ту, что стоит 200 долларов!) получить почти нереально (и нам рассказывали душераздирающий случай, как старушка не смогла прилететь в Россию на похороны своей сестры). Правда, в нескольких метрах от консульства добрые люди из агентства предлагают помощь. Цена такой услуги — 2000 долларов.

Мы не были в Грузии «с тех самых пор». И если бы не инициатива журнала «Дружба народов» выпустить номер, посвященный юбилею Маяковского, родившегося, как известно, в Грузии, то не знаю, когда бы еще осмелились приехать. Ведь с пустыми руками к друзьям не ездят. А встречали нас так, будто каждый день ждали.

Днем нас принял министр культуры Грузии Гурам Одишария, сухумский грузин. Мы сразу бросились друг другу в объятия.

— А помнишь, как у тебя в Сухуми?

— А помнишь, как мы в Гульрипшах у Евтушенко?

Как он сейчас? Как его нога? Привет передавайте и скажите, что мы все очень сочувствуем.

Кто — мы? Кто — все?...

Вечером оказались в нескольких километрах от

Тбилиси, в древней Мцхете, где нас ужинал в своем ресторане известный винодел, который почему-то ежегодно помогает в организации фестивалей русской поэзии в Грузии. Я спросила, зачем ему это. Гуджа Бубутишвили улыбнулся: «Кушайте на здоровье, вы еще даже рыбу не попробовали». Я тогда подумала: он так гостеприимен из любви к искусству или из уважения к Николаю Свентицкому? Хотя это одно и то же: Николай Николаевич — директор известного Тбилисского государственного русского драматического театра им. Грибоедова, заслуженный деятель культуры РФ и при этом грузинский театральный и общественный деятель.

День второй. С утра отправились в РИА Новости. Шли через чистенький, почти безлюдный проспект Руставели. На самодельном книжном развале пожилой грузин торговал стоящими вперемежку грузинскими и русскими книгами. Все — секунд-хенд.

В РИА говорили о Маяковском, о любви и дружбе. Один журналист вдруг спросил: «А как вы, писатели, относитесь к тому, что одним из первых факелоносцев, которые несут огонь Олимпиады по России, стал Иван Нечаев, бомбивший Грузию в 2008 году?» Ну и что мы могли ответить?

Из РИА Новости отправились в Союз писателей. На встречу с нами пришли те, кто пишет по-русски. Их было много. Смотрели на нас с надеждой, жадно обменивались книжками. Мы-то, конечно, с интересом читаем. Но кто еще? А ведь грузинская литература не менее колоритна и вкусна, чем грузинское кино и грузинское вино. Хорошо еще, что есть в Москве журнал «Дружба народов», который публикует произведения наших «бывших» братьев и сестер. Но разве бывают былые братья, сестры, белки, соловьи?..

Александр Эбаноидзе, главный редактор «Дружбы народов», представил и раздарил номер, посвященный Маяковскому (где у меня, кстати, вышла повесть «Последний день Лили Брик»). И ничего, что номер вышел летом, а привезли журнал только в октябре. Рады,

что вообще привезли.

К концу встречи в зал на крыльях любви влетел наш старинный товарищ, замечательный художник Нугзар Мгалоблишвили, и повез показывать Тбилиси. Это тот самый Нугзар, у которого «тогда» в Сухуми бомба попала прямо в мастерскую, уничтожив все картины. Это тот Нугзар, который поставил на Переделкинском кладбище уникальный памятник своему и нашему другу, Юре Щекочихину. Сейчас Нугзар не живет в Сухуми. Живет в Тбилиси.

Его город — это не «тбилисский Монмартр», полностью отреставрированный и превращенный в гламурный туристический островок. Тбилиси Нугзара — это старые улочки с еще сохранившимися ветхими домами, которые сами по себе — произведения изящного искусства. Нугзар хочет успеть нарисовать их все, пока существуют.

Вечером смотрели в Русском театре Грибоедова «Холстомера». Постановка посвящена памяти Евгения Лебедева. Зал был полный. Спектакль отличный. Но цветов артистам не дарили. Я спросила, почему. Оказывается, отвыкли с «тех самых» пор, когда приходилось выбирать между букетом и куском хачапури.

После спектакля оказались на грандиозном ужине у красивой женщины, владелицы небольшого заведения и знакомой все того же Свентицкого. Она все говорила Николаю Николаевичу: «Подожди, Коля, не представляй гостей. Вот сейчас подруга придет с мужем... Подожди, сейчас еще дочка придет... еще должен товарищ прийти... А вот теперь рассказывайте!»

Но выяснилось, что и рассказывать-то ничего не надо. Они знали, кто к ним приехал: писатель (автор

▲ Александр Эбаноидзе на книжном развале в Тбилиси

знаменитого «Брака по-имеретински») и главный редактор журнала Александр Эбаноидзе, его коллега Елена Жирнова, отвечающая за связи с общественностью, прозаик Фарид Нагим, поэт Олег Хлебников да я, Анна Саед-Шах. Они хотели с нами поговорить. «А вот как вы относитесь к тому, что совсем недалеко от Тбилиси протягивают колючую проволоку — укрепляют границу с Южной Осетией? Тянут, не щадя домов, где живут люди. Рушат их, и арматуру продают как металлолом. А еще эта проволока отделяет людей от кладбища, на котором похоронены их предки. Как вы это объясните?» А как мы можем это объяснить? Но и не отвечать нельзя. Потому что, проснувшись утром и подойдя к зеркалу, хочется честно смотреть себе в глаза.

День третий. В кутаисскую гимназию, где учился Володя Маяковский в 1902—1906 годах, мы приехали с опозданием. Занятия в гимназии уже закончились. Директор встретил нас с горделивой недоверчивостью и, чуть помедлив, провел в свой просторный кабинет. Мы говорили о дружбе и языке, на котором мы все дружили. И о том, как жалко, что молодежь уже почти не говорит по-русски.

Директор сначала молчал, а потом буднично заметил, что в своей гимназии он снова ввел уроки русского языка.

Потом директор спросил: «А как вы относитесь к тому, что рядом с Тбилиси протягивают колючую проволоку? А как вы объясните, что один из факелоносцев Олимпиады — летчик, бомбивший Грузию в 2008 году? И почему же вы ничего не делаете? Зачем мы тогда обнимаемся?»

...Днем навестили дом в Багдади, родовое гнездо поэта.

Здесь юный Володя нашел способ перекричать стремительную горную речку Ханисцкали — он забирался на кевври (огромные глиняные кувшины, употребляемые для хранения вина в земле) и читал стихи, наслаждаясь удивительным резонансом.

В его не самом известном стихотворении, посвященном Грузии, есть такие строчки:

А дальше я видел: в пробоину скал
Вот с этих тропинок узких
На сакли, звеня, опускались войска
Золотопогонников русских.

Это он случайно не в 2008 году написал?

Кстати, Музей Маяковского в Багдади сейчас не стыдно показывать даже гостям из дальнего зарубежья. И это его нынешнее состояние — заслуга Фонда КАРТУ и Союза «Русский клуб».

...В Батуми мы попали поздно вечером. Когда наш микроавтобус плыл по ярко освещенной набережной мимо шикарных офисов и отелей, кто-то, протирая глаза, заметил: «А вы уверены, что мы в Батуми? Дайте навигатор, кажется, нас привезли в Арабские Эмираты».

День четвертый. Встречались со студентами (в основном девушками) русского отделения Университета имени Шота Руставели. Они охотно спели нам под гитару русскую песенку. А мы говорили о Маяковском, о любви и дружбе. Пили кофе и боржоми.

Есть такое выражение: «Поздно пить боржоми — почки отвалились». Но мы пили. Может, еще не поздно?

А в самолете Олег Хлебников написал стихотворение:

ПОСЛЕ ПОЕЗДКИ В ГРУЗИЮ

Перестают говорить на моем языке.

Раньше-то разве что — не всегда понимали,

как и сородичи, впрочем...

Но генацвале

и батано — даже с добрым бокалом в руке...

Ну не хотят продолжать на великом, могучем

тост благодарственный матери, дому, друзьям...

Стал он для них, как проволока, колючим,

этот свободный наш, отданный блатарям.

Перестают говорить на моем языке.

Как же я с ними смогу без него объясниться?

Что невиновен почти. Что мне

Грузия снится

раем потерянным —

где-то невдалеке.

Кто прочитает хотя бы вот эту

страницу? —

Перестают говорить на моем языке.

Анна САЕД-ШАХ

ТЕАТР КАК РЕВОЛЮЦИОННО- КОСМИЧЕСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ

Мы ждали этого события целый год и не разочаровались. Тбилисский международный театральный фестиваль, в пятый раз проводимый при поддержке Министерства культуры и охраны памятников Грузии (худрук фестиваля – Екатерина Мазмишвили), вновь восхитил разнообразием программы – тем, жанров, стилей, высоким уровнем спектаклей. Мы увидели как традиционный театр, так и сценические новации, расширили свое представление о том, чем сегодня жив мировой театр, как развивается и куда стремится.

**АВТОРСКИЙ ТЕАТР: РОБЕР ЛЕПАЖ,
ПИППО ДЕЛЬБОНО**

Как считает Робер Лепаж, остроумно названный «главным джокером мирового театра», сегодня зрителям недостаточно только театра, недостаточно им и просто кино. Знаменитый канадский режиссер превращает театр в мультимедийное пространство, соединив в своем моноспектакле «Обратная сторона луны» все виды искусства – от цирка до кино; философское и обыденное; грустное и смешное; мечту и реальность. В этом синтезе рождается высокое искусство. Иллюминатор космического корабля превращается то в люк стиральной машины, то в аквариум, и мы наблюдаем, как в окошке плещется вода или бесшумно плавают золотая рыбка. Обычная гладильная доска вдруг трансформируется то в велосипед, то в летательный аппарат. Через иллюминатор (стиральная машина?) из космоса выплывает маленький космонавт-младенец, которого укачивает «мамаша» - в нее перевоплощается герой спектакля. История сложных отношений двух братьев – ученого и телеведущего (в обеих ролях – Ив Жак) переплетена с историей покорения космоса советскими и американскими космонавтами и астронавтами. Начиная с открытий основоположника теоретической космонавтики Константина Циолковского и запуска первого искусственного спутника Земли 4 октября 1957 года и кончая первой высадкой американцев на Луну и совместного экспериментального пилотируемого полета советского корабля «Союз-19» и американского «Аполлона». В спектакле сопрягаются земная, повседневная жизнь и философия космической реальности. Золотая аквариумная рыбка Бетховен – воплощение нежности, хрупкости и недолговечности земного бытия. Она погибает, и это становится стимулом к примирению двух братьев, осознавших бренность человеческой жизни. Потрясает финал – герой парит в невесомости под «Лунную сонату» Бетховена... Сцениче-

ская фантазия с использованием новейших технологий (компания Ex Machina) способна творить невероятное.

На фестивале был также представлен авторский театр одного из лидеров европейского авангарда, лауреата европейской премии «Новая театральная реальность» Пиппо Дельбона, показавшего спектакль «После битвы» (Emilia Romagna Teatro). Стимулом для его создания стали три события, произошедшие одновременно и так или иначе повлиявшие на его жизнь: смерть матери, кончина великого немецкого хореографа Пины Бауш и нереализованная постановка оперы Верди, которую Дельбона собирался делать на Сицилии. «После битвы» - это впечатляющее зрелище, значительно раздвинувшее представление о возможностях театра, включает оперу, балет, драму, кино, анимацию, элементы шоу. «После битвы» - это театр абсолютной свободы, раскрепощенности, жизнеутверждающего начала. В нем есть нечто смелое, бунтарское. Иррациональность и живописность странных персонажей Дельбона напоминает стилистику фильмов Феллини. Неудержимая стихия буквально захлестывает сценическое пространство - она находит выражение в слове, хореографии, пластике, вокале, цвете и свете. Дельбона, кажется, не может ограничиться лишь одним способом самовыражения и ищет универсальный язык, способный отразить противоречивый внутренний мир современного человека - одинокого в жестоком, безумном мире. В спектакле «После битвы» отчетливо звучит патристический пафос, тревога за судьбу Италии («Посмотрите на Италию, где все имеет двойное дно, где все политики коррумпированы, а общество больно!» - говорит в интервью Пиппо Дельбона).

▲ Сцены из фестивальных спектаклей

ФИЗИЧЕСКИЙ ТЕАТР АМИТА ЛАХАВА

Театр, очевидно, перестал доверять слову и все больше обращается к жесту, движению, действию. Отсюда - физический театр, в котором слово играет в лучшем случае вспомогательную, фоновую роль. Как это происходит в британском театре «Геско». На первом тбилисском фестивале тбилисцы увидели его потрясающую «Шинель». И вот - новая встреча. На это раз - со спектаклем «Потерянная» в постановке актера и режиссера Амида Лахава. Нам явлен внутренний мир молодой женщины - ее комплексы, страхи, вытесненные в подсознание душевные конфликты, связанные с пережитым в детстве потрясением. Прошлое (родители, их сложные отношения) всплывает в оконных рамах, за стеклами. Они подвижны, и возникает эффект кинокадров памяти. Героиня Лили взаимодействует с окружающим миром и фантомами своего внутреннего мира через сложную экспрессивную пластику, на языке необычной хореографии, напоминающей эвритмию - «видимую речь». На сцене происходит сталкивание-отталкивание фантомов подсознания или реальных существ, электрические разряды передают нервно-психическое напряжение, а синяя дымка погружает в

ирреальный мир. В финале мы становимся свидетелями внутреннего освобождения молодой женщины - это находит выражение в эмоциональном, зажигающем танце. Лили наконец обретает саму себя.

Необычной формой привлекла внимание и постановка немецкого театра из румынского города Тимишоара «Derdiedans». Это авангардное представление, придуманное Флорин Фиериоу, отражает внутренний мир современного человека, его желания и страхи, стереотипы поведения и реакций. Это находит выражение во всем - словесных клише, определенных физических действиях, сложных, противоречивых взаимоотношениях с окружающими. Кто-то старается самоутвердиться, стать лидером и подчинить другого своему диктату, происходит столкновение воли и интересов. Об этом - спектакль физического действия «Derdiedans».

Театр - праздник! Этот посыл ощутили зрители, посетившие спектакль финского коллектива (Kallo Collective) «Members of our limbs». Трое артистов разыграли перед публикой веселую клоунаду. Разумеется, тоже - без слов.

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ТЕАТР СИЛЬВИО ПУРКАРЕТЕ

Физическое действие первично и в постановке румынского театра «Radu Stanca» «Приключения Гулливера» (режиссер - известный в Европе Сильвио Пуркарете). Сцены жестокости и насилия следуют здесь одна за другой. Происходящее в спектакле иногда за гранью добра и зла. Цель - показать глубину нравственного падения человека, превратившегося в йеху. А значит - в агрессивное, жестокое, жадное существо. В

романе Свифта «Приключения Гулливера» йеху - концентрированный образ природы человека, не обогащенной духовностью. «Я не хочу быть йеху!» - кричит в финале человек, напоминающий писателя Свифта. А в ответ бесстрастный голос вещает: «Ты есть то, что ты есть!» Запомнилась сцена, когда одинаково одетые люди с портфелями, плотным строем следующие друг за другом, в один момент из невозмутимых и законопослушных граждан превращаются в преступников, безжалостно расправляющихся с себе подобными. Это побоище ужасает и не оставляет никаких иллюзий относительно человеческой сущности. Страшнее всего то, что все это происходит на глазах ребенка. Он становится немым свидетелем всего того зла, что совершается взрослыми. Интересна не только тема спектакля, но и его форма. В постановке Сильвио Пуркарете прекрасно используется разнообразная фактура - песок, например. В эпизоде очередной расправы сыплющийся песок символизирует кровь. А в одной из сцен мы наблюдаем двойное действие - в левой части сценической площадки его выполняют актеры, с правой точно так же, зеркально, «работают» куклы...

ПРОВОКАТИВНЫЙ ТЕАТР МАЙИ КЛЕЧЕВСКОЙ

Театр жестокости представил нам и коллектив из польского города Ополе. На материале шекспировского «Макбета» знаменитый режиссер Майя Клечевская исследует природу человеческих пороков. Остро современному звучанию спектакля во многом способствует популярная музыка – шлягеры разных лет (одна только «Bang-Bang» в исполнении Нэнси Синатра чего стоит) и эстетика кабаре. Персонажи весьма экзотичны – это нынешние мафиози, рвущиеся во власть любой ценой, и трансвеститы. Все они участники безумной карнавала. Свойственные стилистике Клечевской жесткость и провокативность, поразившие тбилисцев еще в прошлом году, когда театр из Ополе показал «Гибель богов», – отражение нашей реальности. Майя Клечевская, по сути, мизантроп, и скептически относится к устройству существующего мира, основанного на насилии. Ведь это стало неотъемлемой частью повседневной жизни. Так что кровавые события, показанные в спектакле «Макбет», кажутся отнюдь не проявлением средневековой жестокости, а чем-то чуть ли не обыденным, во всяком случае, – знакомым.

ДОСТОЕВСКИЙ & ДОСТОЕВСКИЙ

Были представлены два спектакля по Федору Достоевскому. «Идиот. Возвращение» – так назвал свою постановку художественный руководитель санкт-петербургского театра «Мастерская» Григорий Козлов. Он ограничился только частью романа – первым, очень насыщенным днем князя Мышкина в Санкт-Петербурге. Впрочем, именно в этот день закладываются предпосылки трагического финала.

Не все удовлетворены версией «Мастерской», считая ее недостаточно глубокой и философской. Хотя, на наш взгляд, Григорий Козлов и не ставил перед собой этой задачи. Он стремился передать восприятие романа нашим современником – молодым человеком, впервые открывающим для себя этого автора и это произведение. Отсюда – внимательное вчитывание в текст, интерес к деталям и подробностям и отсутствие стереотипов в трактовке романа. Так, в спектакле питерского театра развернута швейцарская история бродяжки Мари, соблазненной и брошенной, а затем преданной анафеме жестокими людьми. Она не просто фигурирует в рассказе Мышкина – Козлов выводит девушку на сцену. И вдруг очевидной становится параллель этой темы с основной линией Настасьи Филипповны. Раскрывается суть отношения князя к обеим, таким разным и в то же время в чем-то похожим женщинам, которые «много страдали и из такого ада чистые вышли». Так что в истории дружбы Мышкина с Мари заложены его будущие, такие непростые, отношения с Настасьей Филипповной и Аглаей. И тут есть ответ на вечный вопрос, которым задаются читатели – зрители: «А кого он все-таки любил? Настасью Филипповну или Аглаю?»

«Мастерская» Козлова считает, что, по сути, никого. Отношение князя к обеим – это, скорее, сострадание, жалость. Такая христианская любовь. Евгений Шумейко в роли Мышкина юн и непосредствен. А шерстяные носки на ногах и непослушный вихор на голове дополняют трогательный, почти мальчишеский образ. Со своим детским простодушием князь – Шумейко явно не созрел для любви к двум вполне уже сформировавшимся женщинам – Настасьей Филипповне (Арина Лыкова) и Аглае (Полина Сидихина). Кстати, в спектакле санкт-петербургского театра подчеркивается особая связь Мышкина с детьми – еще в Швейцарии он понял, что ему хорошо только с ними: «Через детей душа лечится...»

В спектакле «Мастерской» Мышкин – это, прежде всего, человек европейской культуры, оказавшийся в новой для него сугубо российской ситуации. Забавна

сцена, когда князь обливается водой, напевая песенку на французском языке. Он еще наполовину там, в Швейцарии... вместе с детьми, да и сам, по сути, дитя.

Изумителен весь первый акт спектакля – в первую очередь, длинная, подробная, филигранно выстроенная и сыгранная сцена у Епанчиных. Благодаря невероятной органике молодых актеров она смотрится и слушается на одном дыхании. У каждого из них – свободный полет, позволяющий парить в своей роли. Шумейко легко справляется со сложнейшим монологом Мышкина о смертной казни – о том, что «убивать за убийство несоразмерно большее наказание, чем самое преступление. Убийство по приговору несоразмерно ужаснее, чем убийство разбойничье». Но, пожалуй, последующие сцены спектакля уступают этой, первой. Специфический дух театра Достоевского, его «фантастичность» куда-то улечивается, уступая место бытовому психологическому театру. Хотя Федор Михайлович, в первую очередь, предполагает самый высокий градус актерского существования, предельную обнаженность мыслей и чувств. Именно этого не хватило в известной сцене, когда Настасья Филипповна – в спектакле актриса Арина Лыкова бросает в огонь пачку денег...

Польский театр «Провизориум» показал своего Федора Михайловича – «Братья Карамазовы» в постановке Януша Опринского, сумевшего передать накал страстей и иррациональность мира писателя. Крупным планом представлены главные диалоги романа. Сценическое пространство буквально звенит от интеллектуального и эмоционального напряжения. Герои бурно, с психологическим надрывом обсуждают мировоззренческие вопросы, так что нет нужды в переводе – во всяком случае, для тех, кто читал произведение. Персонажи постоянно находятся на сцене, события разворачиваются не в хронологической последовательности – все существует как бы одновременно, и это создает впечатление целостности: мы таким образом держим в сознании весь объем произведения. Особенно сильное впечатление производит философский спор Ивана и Алеши. Два сильных актера – Лукаш Левандовский и Марек Зерански – проживают каждое слово, каждую мысль своих героев на пределе возможного. Интересно, что вместе с ними по воле Януша Опринского за столом сидит влюбленная в Алешу Лиза Хохлакова. В этом спектакле она почти юродивая – мы воспринимаем ее как ангела-хранителя Алеши. А он в этом нуждается: в спектакле в младшем брате особо подчеркивается «карамазовское», бесовское, разрушительное начало. Правде, оно почти никак не проявляется – пока... Его страсти еще впереди.

Неожиданным оказался Федор Карамазов – Адам Броневич. Актер не стремится показать патологическую страсть старого маразматика. В его трактовке отец Карамазов – это сильный, опасный и вполне еще молодой хищник («гадина», как называет его Иван.) Это проявляется в сценах диалога Федора, Ивана и Алеши Карамазовых, в рукопашной схватке Федора с Дмитрием (Ромуалд Крезел). А невозмутимый, почти флегматичный, но весьма зловещий Смердяков в исполнении Яцека Бжежинского – этаким Энтони Хопкинсом в роли Ганнибала Лектера. В отличие от мужских немного разочаровали женские образы – внутренне статичная Катерина Ивановна (Магдалена Варжеча), Грушенька (Каролина Порцари), очень похожая на девушку с панели.

Разочарован был и Януш Опринский, но по другой причине: задержались в дороге декорации, что, конечно, не могло не сказаться на качестве показа. Вместо обещанных трех часов спектакль продолжался часа два, не больше. Полякам пришлось лепить сценографию на подборе – спасибо, помог театр имени К.Марджанишвили. Отказались за неимением и от вра-

щающегося круга. Несмотря на столь существенные потери, спектакль публика в целом восприняла. Ощутила дух Достоевского – мятежный, страдающий, взывающий истины.

СОЛО

Нежным и сентиментальным оказался моноспектакль «Платеро, путешествие на осле» в постановке Левана Цуладзе. Эта копродукция – результат сотрудничества Майка Марани, театра Марджанишвили, Норвичского кукольного театра, Mercury Theatre из Колчестера и NFA International Arts and Culture. В основе спектакля лежит пьеса «Платеро и я» Хуана Рамона Хименеса. Моноспектакль Левана Цуладзе – это щемящая история дружбы поэта с трогательным осликом по имени Платеро. Актер Крейг Огден передает поэтический взгляд Хименеса на мир, отличающийся обостренным сочувствием ко всему, что терпит боль и притеснение; печаль, мудрость и сострадание переплавлены в спектакле с верой в обновление жизни. Актеру помогает кукловод Нино Намичеишвили.

Еще один выход в жанре моноспектакля – «Марсель» Ереванского государственного театра юного зрителя. Постановку осуществил Акоп Казанчян. Моноспектакль, в котором блистает Мария Казанчян, соткан из песен Эдит Пиаф. Молодая актриса, обладающая красивым, сильным голосом, создает трагический образ французской певицы, мучительно переживающей гибель любимого человека, но нашедшей спасение в песне.

ТЕАТР ДЛЯ ДЕТЕЙ

Спектакль (мюзикл) британской «Companу 1927» «Животные и дети вышли на улицы» (постановка Сюзан Андраде) - пример того, как высокие сценические технологии творят настоящие чудеса. Анимационные персонажи (на сцене – три экрана, на которые проецируется изображение) в нераздельном синтезе с живыми, играющими и поющими, актерами, эстетикой комикса и стилистикой немого кино, необычной, заводной музыкой – это настоящий праздник как для детей, так и для взрослых. Хотя события в спектакле разворачиваются совсем не радостные. Действие происходит в 20-е годы прошлого века в неблагополучном районе Байю города N, в котором процветает детская преступность. Здесь живет одинокий юноша-писатель и мечтает вырваться из страшного места. Приговором звучат слова: «Если родился в Байю, то здесь и умрешь!», однако юноша продолжает надеяться на чудо. Как и вновь прибывшие в Байю Агнесса и маленькая девочка Иви Ивз, попытавшиеся было что-то изменить в этом Богом забытом районе.

ДРУГОЙ-НАШ ТЕАТР

В рамках фестиваля состоялась презентация сборника Международной ассоциации театральных критиков «XXI век – театр Восточной Европы против и вместе со временем». В него вошли работы известных критиков из Румынии, Швеции, Польши, Грузии. Кроме презентации, ассоциация организовала встречу с французским режиссером, художественным руководителем Национального театра Нормандии, Жаном Ламбером-Вайлдом, в которой приняли участие молодые режиссеры, актеры, театральные критики.

- Ламбер не считается ни с какими эстетическими нормами классического и современного театра, - рассказывает руководитель Международной ассоциации театральных критиков, театровед Ирина Гогоберидзе. - Спектакли, которые я видела, - это визуальный театр в поэтической эстетике, абсолютно четкая поэтика. Жан Ламбер-Вайлд сам пишет тексты для своих спектаклей. У него особая философия восприятия театра. По мнению режиссера, память о театре как таковом су-

ществует в генетике любого человека. И его задача сегодня – сохранить театральность театра, чтобы она не превратилась в механизированную форму. Для этого в театральном искусстве, в душах тех, кто служит искусству сцены, необходимо открывать запертые «комнатушки» театральной памяти. Во время встречи в Тбилиси мы посмотрели отрывок из его спектакля: человек летает над сценой, усыпанной обрывками полиэтилена. Он не привязан, и тут нет никакого оптического обмана: мы видим живого человека! У Лепажэ эффект парения в невесомости – это оптический обман: зеркала создают удивительную фантазмагорию. А вот у Ламбера человек действительно летает. «Я придумал машину!» - говорит он. Он сам мастерит свои декорации, все, что ему нужно для сцены. «Моя машина – это «мерседес», у Дэвида Копперфильда – «роллс-ройс». Однажды он пришел и попросил меня продать ему «мерседес», но я ему отказал: ведь я сам все придумал и хочу сам это использовать!» Я видела очень интересный спектакль Ламбера «Эта сладкая война!» Слов у актеров практически нет, но текст звучит и складывается на действие. В горизонтальной двухэтажной мизансцене задействованы две супружеские пары. Сюжет таков: предвидя неизбежность войны, родители убивают своих детей. И буквально чернеют от горя. А под конец сами исчезают в хаосе войны. Там есть такой момент: герои покрываются чем-то черным. Эта жидкость стекает со второго этажа и покрывает вторую пару внизу. Ламбер, изучавший химию, физику, хотел найти средство для того, чтобы сразу снять эту черноту – как бы обелить, снять вину с героев. И он нашел этот способ... Второй спектакль, который я посмотрела, - «Моя старая добрая яблоня». О пожилой женщине, которая находит в себе силы возвратиться к той яблоне, под сенью которой она выросла. Это непередаваемая визуальная поэзия! Ламберу принадлежат замечательные мысли о театре. «Я ищу театр, который нам принадлежит и одновременно тот, который нам неизвестен. Этот другой-наш театр и нужно придумать сегодня». «Театр – это революционно-космическое соглашение, где Дантон говорит «ты» Эйнштейну, Фрэнк Синатра танцует с Пазолини, Далида кончает собой без Брехта. Их страна – это миф, который они защищают перед пулеметами нашего дыхания». Я собираюсь пригласить Ламбера к нам на стажировку. Однажды я сказала ему о том, что если грузинский театр не использует новые технологии, то это лишь потому, что для внедрения новаций нет материальных возможностей. И Ламбер предложил вновь приехать в Грузию и научить наших молодых режиссеров создавать нечто из ничего.

Инна БЕЗИРГАНОВА

После шестилетнего перерыва в Тбилиси вновь прошел международный фестиваль «Золотой витязь в Грузии» - третий по счету. В кинотеатре «Амирани» состоялось его торжественное открытие с участием гостей - народных артистов России Николая Бурляева, Сергея Безрукова, актрисы Марии Бурляевой. Позднее к ним присоединилась Мария Шукшина.

В рамках этого события состоялся творческий вечер актера, режиссера, руководителя международного кинофорума «Золотой витязь» Николая Бурляева. Он назывался «Отныне, Грузия, тебе часть сердца отдаю» - это строка стихотворения Николая Петровича. На вечере был представлен трехтомник Бурляева, выпущенный к 65-летию автора. Николай Петрович называет его своей литературной исповедью. Первый том получил название «Мой Лермонтов». В него вошли киноповесть «Сын вольности», по которой Николай Бурляев поставил фильм «Лермонтов», и «Дневник кинорежиссера», рассказывающий о трудном пути художника.

- Мне с самого детства говорили, что я похож на Лермонтова и даже досаждали этим, - рассказал Н.Бурляев на презентации, которая прошла в гостеприимном кафе «Хареба». - Потому что в школе нам преподносили Лермонтова как человека агрессивного, колкого, дерзкого. К сожалению, акцент делается на это, а не на его пламенную, любящую душу, которая тысячу пятьсот раз за короткое время писательства исторгла слово «любить» - именно 1500 раз оно встречается в текстах Лермонтова. Он был соткан из любви! Когда я работал над сценарием будущего фильма, то много читал, копался в материалах. Помогал Ираклий Андроников, благословивший меня на этот путь. Мне говорили, что Ираклий Луарсабович не верил в то, что можно снять достойный фильм о Лермонтове, но мне он сказал: «У вас все получится! Надеюсь, на этот раз Лермонтову повезет». Шесть лет я работал над фильмом, а когда он был уже готов, в прессе началась травля. Все кинокритики еще до выхода

фильма на широкий экран в один голос писали, что это чуть ли не самый плохой фильм в истории кино.

Во второй том вошли повесть Николая Бурляева «Близнецы», киноповесть «Пушкин», исповедальная поэма «Иван Вольнов» и другие поэтические произведения, детская пьеса «Бемби». Артист вспоминает о своих друзьях и наставниках, внесших большой вклад в развитие духовности, культуры второй половины XX - начала XXI века. Гражданская позиция автора - это защита нравственных ценностей. Она выражена в его выступлениях на конференциях, симпозиумах, в печати. В третьем томе публикуется летопись «Золотого витязя» - любимого детища Николая Бурляева.

- В этих томах - история русской культуры за полвека. Я был ее очевидцем, соучастником, - отметил Николай Бурляев. - В пятнадцать лет стал актером театра имени Моссовета, выходил на сцену с великими мастерами. Только сейчас я понимаю, как мне везло! Эти люди несли факел служения подлинному театру. И я у них этот факел перехватил... Но я не хотел заниматься театром. Когда мне раньше задавали вопрос, кто я в первую очередь, - актер, поэт, режиссер, то отвечал так: прежде всего я поэт! Актерство всегда было на последнем месте. Хотя могу, могу так, как другие не могут, потому что знаю великую тайну актерского творчества. Но при этом критически отношусь к этой профессии. А теперь я говорю, что в первую очередь я создатель международного кинофорума «Золотой витязь». Это феноменальное явление нашей культуры. В 1992 году, когда все было развалено, появился кинофорум Николая Бурляева, провозгласивший лозунг «За нравственные идеалы, за возвышение души человека». Поначалу друзья ехали ко мне с опаской, ведь фестиваль именовался «кинофорумом славянских и православных народов». Сейчас в кинофоруме участвуют до 60 стран мира. Это не только представители христианских стран, но и китайцы, японцы, евреи... Одна из моих православных коллег

▲ «Золотой витязь» в Грузии. 2013

удивилась: «А что вы так широко открыли двери? У нас же для православных, для славян!» Я тогда привел слова русского мыслителя Ивана Ильина, который говорил, что каждый художник в творчестве устремлен к совершенству. И эта устремленность приводит его к престолу Господню, потому что художник творит дело религиозное, независимо от того, к какой конфессии, к какому этносу принадлежит. Люди искусства любой страны пробиваются к Богу! Они в контакте с Господом, получают от него энергию и благодаря этому творят чудо. Через десять лет существования «Золотого витязя» я решил взяться и за театр – так появился наш театральный форум. И вскоре откроется одиннадцатый по счету театральный фестиваль «Золотой витязь». Три года назад с благословения патриарха Московского Кирилла «Золотой витязь» объединил все виды искусства: кино, театр, музыку, литературу, изобразительное искусство под эгидой Славянского форума искусств «Золотой витязь». Литературный форум работает под председательством писателя Валентина Распутина, музыкальный – дирижера Владимира Федосеева, форум изобразительного искусства – Александра Шилова. За 22 года жизни «Золотого витязя» мы провели пятьдесят полнометражных форумов. Я рад, что сегодня мы в Грузии. Вместе с Дали Окропиридзе, возглавляющей грузинское представительство «Золотого витязя», мы вывозим в Россию лучших грузинских актеров, потрясающий вокальный ансамбль «Тбилиси».

- Николай Бурляев написал в книге, что в своей жизни трижды отлил колокол – первый в фильме «Андрей Рублев» Андрея Тарковского, второй – когда снял фильм «Лермонтов» и третий – когда создал «Золотой витязь», - вступила в разговор Дали Окропиридзе. - В первом томе трилогии, когда речь идет о Лермонтове, Николай Петрович очень тепло пишет о своих отношениях с грузинскими коллегами, о потрясающем грузинском многоголосии, о том, как съемочная группа с

упоеанием слушала пение грузинских вокалистов. Кстати, Маша Бурляева покорена мастерством вокального ансамбля «Тбилиси». Она призналась, что возвращается в Москву одухотворенной. Я очень счастлива, что общаюсь, сотрудничаю с таким потрясающим человеком, как Бурляев. Он столько делает для грузинской культуры, ее представителей, для развития культурных связей между нашими странами, для всего грузинского народа! Результат его отношения к нашей стране – международный фестиваль «Золотой витязь» в Грузии». После долгого ожидания благодаря бизнесмену Теймуразу Шелегия мы вновь встретились в рамках фестиваля. Теймураз Шелегия – благотворитель по природе, ведь он на редкость душевный, отзывчивый и при этом очень скромный и бескорыстный человек. Мы надеемся, что наши контакты с ним продолжатся. Спасибо за поддержку гостиницам «Тбилиси Марриотт» и «Кортъярд Марриотт», компании «Виноделие «Хареба», авиакомпании «Georgian airways», кинотеатру «Амирани», телекомпания «Имеди», всем СМИ, кто оказал нам информационную поддержку. Мне очень дорого, что наших гостей принял Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II. Все с нетерпением ждали этой встречи. Состоялось общение и с министром культуры и охраны памятников Грузии Гурамом Одишария. Спасибо грузинским деятелям культуры, поддержавшим «Золотой витязь», - ансамблю «Тбилиси», режиссерам Резо Чхеидзе, Эльдару Шенгелая, актерам Баадуру Цуладзе, Зурабу Кипшидзе, Валерию Харютченко. И, конечно, гостям – Сергею Безрукову, Марии Шукшиной, Марии Бурляевой. Эти отнюдь не формальный визит больших артистов в нашу страну – это зов души... Первые шаги «Золотого витязя» в Грузии поддержал бизнесмен Автандил Бараташвили. С ним, я думаю, мы тоже продолжим сотрудничество. А при поддержке Теймураза Шелегия осуществим еще немало добрых дел. Думаю, рамки нашего фестиваля будут расширяться».

Инна БЕЗИРГАНОВА

▲ Лана Гогоберидзе

ДЕНЬ ДЛИННЕЕ НОЧИ

Ее рабочий график, как всегда, перегружен. Она снимает новую картину, занимается поэтическими переводами, пишет книги, рисует, проводит авторские выставки и презентации... Всем есть до нее дело – просят дать интервью, прокомментировать события в стране, выступить, написать статью. Иногда она соглашается, иногда берет паузу. Но не оставляет ощущение, что она всегда в центре общественных событий страны. И как бы она не поступала, никто никогда не мог упрекнуть ее в неискренности. Всем хорошо известно, Лана Гогоберидзе – человек чести.

Список ее наград и званий невелик, но дорогого стоит. Лауреат Государственной премии СССР, обладатель Главной премии Международного кинофестиваля в Сан-Ремо, народная артистка Грузии. Два года назад она отказалась от президентского Ордена «Сияние». В эти юбилейные дни наград прибавилось – министр культуры Грузии Гурам Одишария вручил Лане Гогоберидзе специальный приз «Служитель искусства». А на проспекте Руставели заложили именную «звезду» выдающегося кинорежиссера.

Лана Гогоберидзе не скрывает своего возраста. Число 85, кроме естественного почтения, в данном случае вызывает еще и радостное изумление. Потому что первое впечатление от личного общения с Ланой Левановной – ее молодость. Ясный внимательный взгляд, юношеская подвижность, быстрота реакций. А еще – глубина рассуждения, тонкость наблюдения, точность умозаключений. Вряд ли такое пришло только с опытом. Достаточно пересмотреть картины Ланы Гогоберидзе, чтобы стало очевидно – такова особенность ее дарования и склада

*Читательница журнала и Русского клуба
мне кажется, что журнал
делает огромную и очень важную
работу и от всего сердца желаю
ему успехов и процветания*

*Лана Гогоберидзе
Л. Гогоберидзе*

ума. Стоит ли удивляться, что она по сей день работает без выходных да к тому же регулярно играет в большой теннис! Что и говорить, о таком собеседнике не только журналист, но любой человек может только мечтать.

- В ваших «Парижских записках» мне встретилась фраза: «Вот еще один день рождения, к которому я не чувствую ничего, кроме равнодушия». Почему равнодушие? И как вы восприняли свой нынешний юбилей?

- Мне сложно ответить на этот вопрос. Жизнь проходит, годы идут... И это не вызывает во мне никаких сожалений. Страх перед небытием у меня нет. Все больше понимаешь, что ты – не центр мироздания, и не все крутится вокруг тебя. А может быть, вообще не крутится.

- Это смирение или мудрость?

- Это другое понимание жизни. И смерти. Чем ближе смерть, тем она менее страшна. Как замечательно написала Ахматова: «Здесь все меня переживет,/ все, даже ветхие скворешни,/ и этот воздух, воздух вешний...» Путь

не кажется тяжелым. Становится ясно, что не надо этому придавать особенного значения. Может быть, поэтому я с равнодушием встречаю свои дни рождения. В юности каждый день рождения был таким событием! А потом он становится обыденностью, и на него не обращаешь внимания. Но в этот раз я была очень тронута отношением к себе. Не помпезностью, не официальнойностью – да всего этого и не было, кстати. А именно человеческим отношением.

- Для юбилейного вечера вы впервые смонтировали коллаж из своих фильмов. Было сложно?

- Я не только впервые делала коллаж. Я впервые посмотрела подряд все свои фильмы – такого в моей жизни не было никогда. Впечатление осталось неплохое (смеется).

- По какому принципу выбирали эпизоды для коллажа?

- Прежде всего по тому, что является для меня главным – общечеловеческие проблемы, отношения между людьми. Я никогда не занималась политическим кинематографом.

▲ С друзьями и коллегами

матогографом. Меня интересовали любовь, измена, разрывы... Оказалось, что это основная тема почти всех моих фильмов. Мне показалось, что сегодня грузинский зритель лучше воспринимает мои фильмы, чем когда они выходили на экран. Очень хорошо принимали.

- Ваши фильмы, как хорошее вино, с годами настаиваются.

- «Моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черед». Я не могу повторить слова Цветаевой применительно к себе, но в этом что-то есть.

- Наверное, то, что ваши картины не стареют и смотрятся современно и актуально.

- Да, такое ощущение у меня есть.

- Еще одна цитата из вашей книги: «Я пишу для того, чтобы остановить время... Память нам дана для того, чтобы сохранить прошлое». Часто ли вы вспоминаете прошлое? Олег Табаков, например, как-то заметил, что старается не предаваться воспоминаниям, потому что это мешает двигаться вперед.

- У меня совершенно противоположное мнение. Прошлое живет во мне каждую секунду. Особенно люди, которых я потеряла. Жизнь – это утраты. И утрату можно преодолеть только тем, что ты помнишь. Помнишь о людях, событиях, которые составляли огромную часть твоей жизни. Это меня не останавливает. Я все время чувствую биение современной жизни и к чему-то стремлюсь. Я не живу в прошлом. Прошлое само живет во мне для того, чтобы я была открыта будущему. У меня и сегодня есть будущее – в моем восприятии. Может быть, завтра меня не будет, но это ничего не значит. Каждую секунду я ощущаю, что буду делать, чем буду занята. И завтра, и послезавтра. А желание помнить заложено в природе человека. Мы обязаны помнить о тех, с кем прожили

▲ В кругу семьи

жизнь. И пока мы есть, они тоже есть. Рядом с нами. Я сейчас делаю фильм как раз об этом – о прошлом, о детях середины сороковых годов. Нам было по 13-15 лет. Наши мальчики стали выдающимися личностями – Резо Табукашвили, Гурам Асатиани, Тамаз Чхенкели, Зураб Какабадзе, Мэлор Стуруа, Рези Тварадзе...

- Это те мальчики, с которыми вы ходили в литературный кружок Дворца пионеров?

- Именно. И мы все занимались поэзией. Поэзия была пристанищем, она нас спасала. Мы противопоставили поэзию (инстинктивно, конечно) той системе, которая была призвана убить в человеке стремление к духовному.

- Ваш фильм, значит, более о личностях, чем о времени?

- Эти мальчики как раз и отразили дух времени.

- Но они не советские?

- Нет, совсем нет. Интересно то, что в их поэзии тех лет – а это хорошие стихи – вообще нет даже отголоска советской действительности. Это были стихи о любви, об отношениях, обо всем, чем жив человек. А советская реальность как будто проходила мимо нас.

- А что вы читали?

- Цветаева, Пастернак пришли позже. Был период, когда мы зачитывались Блоком. Потом Есениным.

- Маяковского читали?

- Вздох! Я даже помню, мне было уже лет 16-17, мы с моим другом Гайозом Шарашидзе приехали в Москву, в гости к сестре моего отца и ее мужу. Это были чрезвычайно интересные люди. Моя тетя, Елена Гогоберидзе, перевела всю грузинскую прозу на русский язык. А ее муж, Евгений Германович Лундберг, был известным критиком, литературоведом, писателем, изучал Вельфлина, Достоевского. Они, кстати, написали замечательную книгу о Важа Пшавела. И мы с Гайозом без конца говорили им о Маяковском. Выше для нас ничего не было, а дядя Лун (как мы его называли) все время старался предложить нам что-то другое, пытался говорить о Пастернаке, но мы не хотели слушать. Для нас существовало только «Облако в штанах»! Это тоже была эпоха в моей жизни.

- Вы сказали, что советской действительности для вас не словно бы не было. Но ведь она была. Аресты близких, ссылки...

- В том-то и дело. Все было. Но это не отражено в нашей поэзии. Хотя первое стихотворение я написала, когда арестовали моего дядю. Мне было тринадцать. Я боготворила дядю, он был для меня всем. Физик, он окончил университет в Берлине, его диплом подписан Планком и Эйнштейном. Этот диплом у нас сохранился. Дядя умер в тюрьме. А арестовали его просто потому, что он был германофил. Да и то, что учился у Эйнштейна – уже

было преступлением.

- Как в детях тех лет соединялись две реальности – репрессии родных, близких и повседневная жизнь советских школьников? Протестные настроения были? Или вы жили своей духовной жизнью?

- Я много думала об этом. Мне кажется, живя своей жизнью, мы одновременно и уходили от той действительности, и протестовали. Не осознанно, но мы были против. В первую очередь – против страха, который господствовал во всем и везде. А мы придумали для себя другую форму существования – писали друг другу стихи, дарили их на дни рождения. Любовь, конечно, выражалась только стихами.

- Но ведь не каждому дано сделать поэзию образом жизни. Что вообще самое важное для становления личности – гены, окружение, воспитание?

- Я не знаю, как работает генетика. А вот среда играет огромную роль. Я давно знала, а сейчас это стало ясно для всех – каким удивительным человеком была моя мама, Нуца Гогоберидзе. Грузинское общество узнало о ней недавно. А теперь с ее творчеством познакомились и в Европе. Я сейчас вернулась из Лондона (там про-

▲ С супругом Ладо Алекси-Месхишвили

шел Третий кинофестиваль грузинских фильмов «Жизнь, отраженная в кино» - Н.З.), где был показан ее фильм, снятый в 1930 году, которого до этого никто не видел – его запретили сразу. Она первая женщина-режиссер художественного кино в Советском Союзе. Может быть, даже первая в мире. И рассказы, которые она писала, действительно замечательные... И при том это был человек такой скромности! Это была даже не скромность, а что-то большее, я не знаю, как назвать.

- Отсутствие амбиций, честолюбия?

- Это был еще и пройденный путь. Когда так близко соприкасаешься со страданием, как довелось ей... Ее арестовали, и она несколько месяцев просидела в камере смертников. Она видела столько горя и в тюрьме, и в последовавшей ссылке в Воркуту. Я думаю, это дает сознанию другое измерение, восприятие жизни. Да, она была удивительным человеком. И необыкновенно красивой. Ее называли Нефертити. Она и, правда, была очень похожа...

- А как вы воспитывали своих детей?

- Наши отношения – дружеские. Для меня самым главным было воспитать в них свободу. Свободу личности. С самого рождения. И еще – никогда не поучать. Поучениями ничего не достигаешь.

- А чем достигаешь?

- Уважительным отношением к личности. И личным примером, конечно.

- Ваш муж, Ладо Алекси-Месхишвили, видимо, тоже не был строг?

- Никогда. Он не то чтобы баловал дочерей. Он был совершенно свободным человеком и уважал независимость и свободу личности даже в самых маленьких детях. И ничего им не запрещал, как и я.

- В этом году трагическая дата – 35 лет, как он ушел из жизни... Простите, как вы справились с потерей?

- Я очень долго справлялась. Не то что говорить о нем, я имени его произнести не могла. Старалась не проявлять никаких чувств. Вообще это укоренилось во мне с самого детства – желание в себе сохранить все потери. Когда арестовали маму, я ни с кем об этом не говорила. Как будто этой темы не было. Когда арестовали дядю, и он умер, это тоже ушло в меня. Когда не стало Ладо, было так же. Не хотелось общаться ни с кем.

- Это правда, что он написал прощальное письмо детям?

- Не совсем так. Он всю жизнь им писал. О своем отношении к жизни. О том, что чувствовал. Одно из писем стало последним. И свою картину о нем я так и назвала – «Последнее письмо детям».

- Большинство киноведев считают «Несколько интервью по личным вопросам» вашей этапной картиной. На Западе после этого фильма вас записали в феминистки.

- В определенном смысле я феминистка. Но не воинствующая. У нас по сегодняшний день считается, что никакого ущемления прав женщин в Грузии нет. И это неправда. Хотя если что и было прогрессивного в Советском Союзе, так то, что официально женщину признали равной в правах с мужчиной. Но на деле это было не так, особенно в такой патриархальной стране, как Грузия. Равноправия не было и нет. Даже в семейном кругу. И все мои фильмы сами собой получались о женщине. Помню, кто-то из режиссеров мне сказал по поводу «Несколько интервью...»: «Молодец, ты сделала настоящий мужской фильм!» Я жутко возмутилась. Если что-то хорошее, значит, обязательно мужское? Я никогда не хотела снимать мужские фильмы. Мой феминизм выражается именно в том, что я осознанно делала фильмы с точки зрения женщины. А это совсем другое восприятие, чем у мужчины.

- В чем разница?

- В отношении к жизни. Вообще, я очень высоко ставлю женщин. Мне кажется, что женщина менее подвержена сиюминутным устремлениям, карьеризму. Она больше занята экзистенциальными вопросами и генетически более чувствительна. Исключения всегда есть, но я говорю – в принципе.

- А ведь все упирается в то, какое место в жизни женщины занимает работа.

- Вот именно. И «Несколько интервью...» об этом. Не о том, что кто-то не хочет, чтобы женщина работала – такого в Грузии действительно не было, в этом смысле была полная свобода. Но если для мужчины считается само собой разумеющимся отдавать всего себя своей работе, то женщине это не разрешается. Такое понимание живо и сегодня. Просто в силу того, как мы жили, в каких условиях развивалось наше государство. Ведь о демократии мы знали только понаслышке. Если наше общество будет развиваться действительно в сторону утверждения личной свободы, то и отношение к женщине станет цивилизованным.

- Почему для вас такое важное значение имеет политика?

- Я никогда не была вне политики, точнее – вне общественных интересов. Как вы понимаете, в СССР, чтобы заниматься политикой, надо было или состоять в номенклатуре, или быть диссидентом. Я не была ни тем, ни другим, я занималась своим делом. Вообще мы всю жизнь ощущали противостояние личности и системы, которая не просто угнетала – уничтожала людей. И общественные интересы у меня всегда стояли на первом плане. Но настоящий перелом произошел 9 апреля 1989 года. Это был момент истины. В ту ночь мы с дочкой были на проспекте Руставели, на наших глазах убили людей... В официальных источниках сообщили, что люди погибли в давке. Через несколько дней после этого на Международном кинофестивале в Оберхаузене, где я возглавляла жюри, я созвала пресс-конференцию, показала видеозаписи. Для меня было важно, чтобы на Западе поняли, что произошло в Тбилиси на самом деле. Очень значимой была встреча в Доме кино в Москве. Спустя 10 дней после событий 9 апреля Эльдар Шенгелая, Резо Табукашвили, я, еще несколько человек устроили большую пресс-конференцию, рассказали обо всем. Для всей кинематографической элиты это стало шоком. Я помню, как у Эльдара Рязанова, сидевшего в первом ряду, по лицу текли слезы... После этого заниматься чем-то другим для меня стало просто невозможно. И я ушла в политику.

- *Русская культура занимает в вашей жизни особое место – вы окончили мастерскую Сергея Герасимова и Тамары Макаровой во ВГИКе, переводите русскую поэзию... Как совместить историю русско-грузинских отношений с тем негативом, который накопился сегодня?*

- Вопрос, который причиняет мне боль... Очень горько, что мы потеряли русский язык. Это большая утрата. Мои старшие внуки говорят по-русски, а младшие уже нет. Но я должна вам сказать, что и сегодня всем своим существом противостояю российской политике, потому что это та же советская, имперская политика, которая не может быть приемлемой для нормального человека. Но в России есть то, ради чего стоит жить. Хотя бы ради строчек Пушкина «На холмах Грузии лежит ночная мгла», сказанных с такой любовью. Ради Пастернака, который писал о Грузии, как никто другой... Бродский говорил: «Грузия – это страна, культура которой меня в какой-то степени сформировала». А как Белла Ахмадулина написала о Пастернаке! «Он утверждал: - Между теплиц/ и льдин, чуть-чуть южнее рая,/ на детской дудочке играя,/ живет вселенная вторая/ и называется – Тифлис». Это не придуманное, это все настоящее. Ахматову и Пастернаку я знала лично – они были друзьями моей тети, и эти отношения были гораздо больше, чем просто дружба. Я всегда говорила, что только в России писали о Грузии так, как это делали Пушкин и все русские поэты. И именно эта страна сейчас нам противостояит.

- *Есть такое выражение – маленькие ошибки большой страны всегда больше, чем большие ошибки маленькой.*

- Аксиома. Перед презентацией сборника моих переводов «Русская поэзия» я даже сомневалась, подходящее ли сейчас время? А потом поняла – не надо поддаваться сиюминутным политическим настроениям. Ведь суть не в этом, а в том, что русские поэты сами были жертвами тоталитарной системы и всегда ей противостояли. Поэтому именно сейчас и надо об этом говорить. Великая поэзия – это то, что нас по-настоящему связывает.

- *Может быть, все еще наладится?*

- Это произойдет совершенно естественным образом, когда Россия и Грузия станут действительно демократическими, европейски цивилизованными странами. Как говорил Черчилль, демократия – это система, лучше которой пока никто не придумал. Естественно, при демократии гораздо труднее жить, а тем более – править. Но ничего лучше на свете нет. Мы должны по-настоящему осознать, что такое свобода. Есть знаменитая французская притча. Один человек разбил нос другому. Когда его вызвали в суд, он сказал: «Я свободен махать рука-

▲ Автограф для читателей «Русского клуба»

ми». На что судья ответил: «Ваша свобода махать руками заканчивается там, где начинается чужой нос».

- *А что вы думаете о толерантности? Вы много лет проработали в Европе, и знаете не понаслышке, что, например, в Париже столько иммигрантов, что французов уже не видно.*

- Почему-то грузины реагируют на это особенно остро. А цивилизованные французы относятся к этому спокойно. И лично у меня нет неприятия. Ситуация действительно такова, что идешь по Елисейским полям и видишь всех, кроме французов. Но я не думаю, что французской культуре что-то угрожает. Знаете, в большом теннисе мне больше всего нравятся сестры Вильямс, и по сравнению с ними усредненный европейский тип мне ничего не говорит. Они такие самобытные, с такой грацией... А мы не могли простить французам, что у них первым футболистом был Зидан. И Зидан, и Янник Ноа всегда были самыми любимыми французами. В понимании французов если человек гражданин Франции, значит, он француз. Мы пока очень далеки от такого понимания. И нам еще долго до него идти. Один из мифов о Грузии состоит в том, что мы всегда были очень толерантны. Да, я показываю моим зарубежным друзьям тбилисскую площадь, на которой стоят грузинский Сионский собор, армянская кафедральная церковь Сурб Геворг, синагога и мечеть. Был в нашей истории период подлинной толерантности – при царе Давид Строителе, который был прагматик и гуманист одновременно и понимал, что сила государства в том, чтобы другие народы стремились к нам, мы могли бы их принять и сделать своими гражданами. Мы к этому не пришли. Мы не можем назвать человека грузином, если он не генетический грузин. А это большой минус.

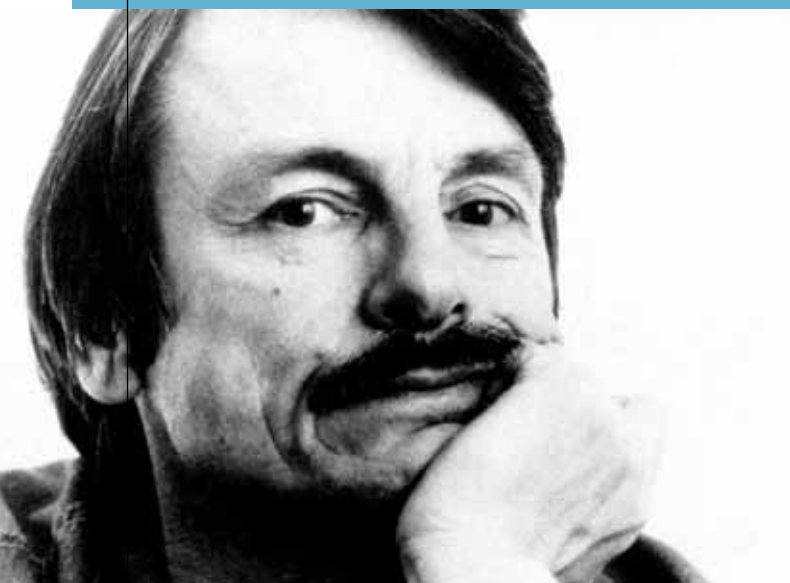
- *Вы не раз принимали участие в форумах ЮНЕСКО «Старей, оставаясь молодым». Я уверена, что все зависят от этого вопроса, но все же – в чем секрет вашей молодости?*

- Думаю, в любопытстве, интересе к окружающему миру. Пока тебе все интересно, ты молод.

- *Как говорят в кино, должен глаз гореть?*

- Вот именно. А еще – я играю в большой теннис. Вот и все секреты.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

▲ Андрей Тарковский

«СВЕЧЕЙ НА ИКОНАХ ОТБЛЕСКИ БЛЕКЛЫЕ...»

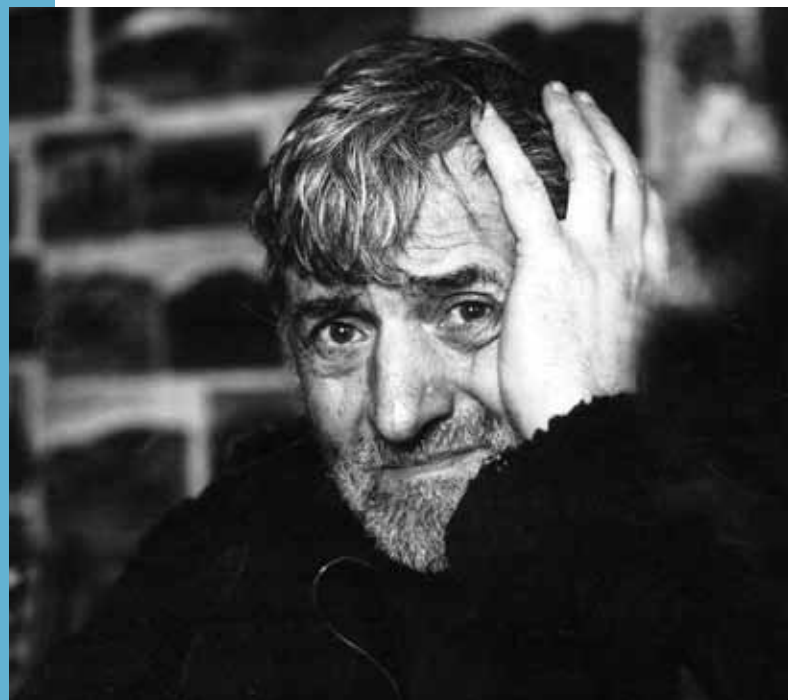
**Это эссе посвящено кинорежиссеру
Андрею Тарковскому и художнику
Тенгизу Мирзашвили. Тому периоду в
жизни выдающихся мастеров искусства
России и Грузии, когда судьба свела
их в творческом союзе – в работе
над постановкой спектакля по пьесе
У.Шекспира «Гамлет» в Москве, в Театре
имени Ленинского комсомола.**

С этой строки Галактиона Табидзе я и начну, пожалуй, свой рассказ о шемящей душу ностальгии по «празднику, который всегда с тобой». По каждому, кто был причастен к вечному, как тогда казалось, празднику единства творческого горения, взаимной поддержки, уважения и любви русских и грузинских художников слова, кисти, театра, кино...

Ностальгия – коварная штука. Она может оказаться расслабляющей иллюзией для людей, живущих воспоминаниями. Но может стать и действенным оружием, охраняющим вековые духовные ценности.

Однажды мои хорошие друзья Тамаз и Отар – с нежной любовью и огромным уважением произношу имена писателей братьев Чиладзе – предложили сделать подстрочники нескольких, на мой выбор, стихотворений Галактиона для одного из своих московских приятелей, поэта-переводчика. Что может быть приятнее, подумала я,

▼ Тенгиз Мирзашвили

и, сняв с полки любимый томик в красном шелковистом переплете, открыла его наугад. На тоненькой, пожелтевшей от времени страничке оказалось небольшое стихотворение немыслимой красоты. Карандаш как бы сам собой, без моего участия, начертил на чистом листе:

*Вся в черных шелках ты, словно элегия,
Склонила колени, подобно ангелу.
Свечей на иконах отблески блеклые
Мерцают мечтою Микеланджело...*

Музыка призрачной лирики Галактиона обрамляет в моем сознании и феноменальный финальный кадр фильма Андрея Тарковского «Ностальгия». Помните? По скользкому мелководью ирреального бассейна крадется пугливыми шагами русский писатель Горчаков – актер Олег Янковский с горящей свечой на ладони. Мечется вспугнутый прерывистым дыханием огонек. Словно эту картину описывал Осип Мандельштам: «...И Гамлет, мысливший пугливыми шагами». Что-то бредовое бормочет про себя русский эмигрант. Заклинает пламя гореть. Не чадить. И свет свечи возносит ввысь его молитву. За все живое. За тех, у кого болит душа от ностальгии.

Драматическая история этого фильма Тарковского легла в основу моего очерка о великом режиссере, опубликованном в журнале «Сабчота хельвнеба» вскоре после скандала на Каннском фестивале, и последовавшего за ним решения Андрея Арсеньевича не возвращаться в СССР. Говорили, что советский член жюри предпринял невероятные усилия, чтобы главный приз фестиваля не был отдан его соотечественнику. Но к тому времени интерес во всем мире к творчеству Тарковского был уже столь велик, что злоключения с «Ностальгией» вызвали прямо противоположный эффект. 10 июля 1984 года на пресс-конференции в Милане Андрей Тарковский объявил о своем решении не возвращаться в СССР. На родине запретили показывать его фильмы в кинотеатрах, упоминать его имя в печати. Однако на радикальные меры – лишение Тарковского гражданства – чиновники так и не решились. Дружья и единомышленники всеми

мыслимыми и немислимыми способами старались поддержать художника в изгнании, сохранить его высокое эксклюзивное творчество, как достояние русского народа. И в этом смысле, в то время и в той ситуации, обнаружение моего очерка в солидном грузинском журнале было, без преувеличения, личным человеческим и профессиональным подвигом главного редактора «Сабчота хеловнеба» Тамаза Чиладзе, одного из благороднейших представителей грузинской интеллигенции.

Мысленно возвращаюсь к тем удивительным временам, к семидесятым годам, когда в Москве толпы простаивали морозные ночи напролет, чтобы попасть на спектакли Анатолия Эфроса и Юрия Любимова, пробирались в окраинные клубы, чтобы посмотреть фильмы «второй» категории, которой советские чиновники клеймили чуждое им, противостоявшее идеологии системы и безликим стандартам соцреализма авторское кино Тарковского. А московские журналисты, взволнованные творчеством самобытных художников, которым было суждено сказать новое слово в искусстве, носились от одной редакции к другой, требуя, возмущаясь, умоляя опубликовать восторженные всплески эмоций. Но средства массовой информации были глухи и немы.

И вот именно в то время мне выпали честь и удача несколько лет сотрудничать с редакцией грузинского жур-

▲ Во время работы над спектаклем «Гамлет»

нала «Сабчота хеловнеба». В качестве московского корреспондента журнала я писала о наиболее значительных событиях в культурной жизни столицы. И, естественно, выбор того, что действительно представлялось истинным достижением современного русского и, как тогда считалось, всего советского искусства, был непосредственно связан с позицией главного редактора. Каким же облаканным судьбой и наделенным несметными богатствами Крезом чувствовала я себя тогда, прилетая в Тбилиси и предлагая журналу свои очерки об этих событиях, нет — явлениях. Прекрасно понимая мое волнение и неуверенность в возможности их опубликования, Тамаз пригласил к себе в кабинет своего заместителя, замечательного писателя и переводчика Нодара Джалагония, и попросил его: - Пожалуйста, переведи сам лично. Ставим в номер.

Спустя немного времени я получала в Москве несколько экземпляров красочного глянцевого журнала и мчалась к героям своих очерков. Какое это было счастье

видеть в их глазах удивление и радость при созерцании ярких фотографий из своих спектаклей и фильмов, больших статей, пусть на незнакомом языке — ведь на последних страницах журнала давались аннотации на русском, да к тому же я всегда аккуратно прищипливала к обложке копию машинописного оригинала.

- Неужели в нашей стране издаются такие красивые журналы и находятся такие отчаянные главные редакторы, что публикуют ваши «оды» на мои спектакли? - искренне удивился Анатолий Васильевич Эфрос при первом появлении статьи о нем, листая двадцать с лишним страниц, посвященных его театральным шедеврам.

- Тамаз Чиладзе не просто редактор! - взвилась я тогда почему-то, - он, они оба, Отар и Тамаз, такие же замечательные писатели, как вы режиссер — и ничуть не хуже...

Брякнула и похолодела от ужаса — стоит взъерошенная пигалица перед обожаемым ею гением русского театра и несет черт те что. Но надо было знать безграничную доброжелательность и чувство юмора Анатолия Васильевича. Он рассмеялся, протянул мне руки, крепко пожал мои похолодевшие от сознания собственной дерзости пальцы и с чувством произнес:

- Обожаю грузин! - И пригласил ходить на свои репетиции. Они стали для меня настоящей школой. Ни в одном из учебных заведений я не получила столько новых достоверных целостных представлений об искусстве, о жизни, о благородстве.

Так искреннее стремление Тамаза Чиладзе всегда поддержать все по-настоящему яркое, свежее, необычное в искусстве, распахнуло передо мной дверь служебного входа Театра на Малой Бронной. И только ли эти двери! На мой звонок, когда я представлялась корреспондентом грузинского журнала, охотно и с радостью откликались все самые неприступные и занятые личности.

Ничего удивительного не было и в том, что с Андреем Тарковским я познакомилась не где-нибудь, а в Тбилиси. В тот солнечный апрельский день, казалось, весь город устремился на просмотр его фильма «Андрей Рублев». Режиссер, не отошедший еще от бурных баталий при сдаче (но так и не принятой тогда) картины на родном «Мосфильме», был обескуражен, мне кажется, не только повышенным вниманием к своей персоне, но и самой публикой — в переполненном зале сидели элегантные, по-европейски раскованные и улыбчивые люди. Хрупкий, с болью в грустных глазах, с воинственно торчащими усами, Тарковский удивленно внимал бурной овации, которую обрушила на него публика после финальных кадров фильма.

- Как в Италии! - дивился тогда Тарковский. До сих пор для меня остается загадкой, как удавалось тбилиским кинематографистам устраивать многолюдные, публичные, а не «партийно-келейные» просмотры новинок мирового киноискусства, не выпущенных в прокат...

Недавно в одной из книг воспоминаний о Тарковском обнаружила любопытнейший эпизод из его студенческой жизни в мастерской Михаила Ромма во ВГИКе. Оказывается, одной из первых актерских работ Тарковского на учебных показах была роль старого князя Болконского из «Войны и мира» Л.Толстого. Удивительна точность разгадки мастером-наставником характера формирующейся личности первокурсника. Горделивый снобизм аристократа в лучшем смысле этого понятия. Импульсивная, взрывная непримиримость к малейшему нарушению канонов чести и достоинства, стойкость в защите собственного мнения.

▲ Сцена из спектакля

Высочайшая планка эстетической желательности, обостренная чуткость к чистоте стиля и вкуса часто прорывались в резких, желчных высказываниях Андрея Тарковского. Он был беспощаден в оценке творчества советских коллег-режиссеров, не принимал прямолинейности их позиций. На вопрос – есть ли вообще, по его мнению, в нашей стране хорошие кинорежиссеры, он неизменно отвечал: - Есть! Сережа Параджанов и Отар Иоселиани.

Ментальность и форма самовыражения большинства остальных были ему чужды.

Судьба распорядилась так, что в последние месяцы жизни в Париже рядом с умирающим в одиночестве Андреем Тарковским были, неизменно поддерживая морально и материально, Отар Иоселиани и вдова друга по шальным годам на Большой Каретной – Марина Влади...

Категоричность подобных выпадов не означала небрежения великого режиссера к культурным ценностям своей родины. Он стремился создать новый язык кино, наполненный глубиной и прелестью русской поэзии и музыки, русской философской мысли. Как этого добивались на своей почве близкие ему по духу мастера мирового киноискусства Годар, Бергман, Антониони, Курасава. Свою профессию кинорежиссера он так и определял, как «высокое искусство, где-то между поэзией и музыкой»...

Сырой, дождливой осенью 1975 года в театральных кругах Москвы пронесся слух, что известный мастер кино Андрей Тарковский начинает работу над театральной постановкой «Гамлета» Шекспира в Театре имени Ленинского комсомола у Марка Захарова.

Избалованная вхожестью на репетиции Эфроса и оценившая значимость непосредственного погружения в процесс творческой работы художника, я стала строить фантастические планы проникновения в святая святых – на репетиции Тарковского. Мой иде-фикс представлялся всем окружающим абсолютно невыполнимым – Андрей Арсеньевич категорически исключал присутствие посторонних на рабочей площадке, а журналистов и подавно.

...Дождь все лил, не переставая. На улицу не хотелось выглядывать даже из окна. И неожиданно раздавшийся звонок в дверь заставил нас вздрогнуть – что должно было вынудить человека «прогуляться» под таким ливнем? На пороге двери обнаружили насквозь промокшего, в легкой курточке, с живописными завитушками на непокрытой голове самого что ни на есть настоящего Чубчика, радостно улыбающегося и, как никогда, соот-

ветствующего своему ласковому прозвищу. Всеобщего любимца тбилисской и московской творческой интеллигенции, замечательного художника и широко эрудированного знатока истории, литературы и теории искусства Тенгиза Мирзашвили.

Привычным жестом вытащив из-за пазухи полиэтиленовый пакет, Тенгиз протянул каждому персонально свои «визитные карточки» - небольшие, чуть больше формата А-4, маслом писанные картины.

Чтобы не мешать мужскому разговору, я тихо ретировалась на кухню под предлогом приготовления кофе и погрузилась в созерцание пейзажа в характерной, сугубо мирзашвилевской глубинно-густой, коричневато-карминной тональности.

Удивительной магией обладают эти небольшие, но такие сочные, насыщенные теплым светом заходящего солнца картины Тенгиза. Они словно разрастаются во сто крат по масштабу, открывая перед мысленным взором колдовскую панораму дивно красивых пейзажей Грузии, помогая постигнуть безбрежность мироздания на маленьком отрезке холста...

Вдруг меня как током ударило громко произнесенное имя – Андрей Тарковский. В доли секунды пулей влетела в комнату и, не веря своим ушам, стала вникать в смысл спокойной речи Тенгиза.

- На этот раз я надолго приехал, - как ни в чем не бывало вещал он, - месяца два точно придется провозиться с декорациями. Но до этого еще далеко. Пока что мы с Андреем ночи напролет говорим о Шекспире.

В дневниках Андрея Тарковского нашла запись от 20 января 1976 года: «В театре сегодня окончательное распределение ролей на «Гамлета»... В четверг — первая репетиция. Двигубский не мог участвовать в подготовке макета декорации к началу февраля, и я вынужден был (к радости, т. к. нашелся талантливейший и тончайший Тенгиз Мирзашвили из Тбилиси) отказаться от Н. Двигубского. В конце апреля надо выпустить спектакль. Успею ли? Пьесу следует очень сократить по понятным причинам, и мы с Тенгизом нашли, кажется, принцип, по которому это следует делать. Есть неплохие идеи насчет Кровати. Насчет Мышеловки, исполненной одним Гамлетом, выбрасывания сцены трехкратной клятвы на мече (Дух! - Клянитесь!) и сцены-пролога с 1-м появлением Тени и проч.»

«Какой умный! – восхитилась я про себя прозорливости Тарковского, - заполучил классного художника и сценографа, к тому же знает, конечно, что Тенгиз, не будь он художником до мозга костей, запросто мог бы читать университетским «зарубежникам» лекции о Шекспире».

Мало было Чубчику ночных дебатов с Тарковским, тут еще я ринулась демонстрировать свои познания в области классической драматургии, ибо просветителем в этой сфере для нас, студентов первого выпуска русского отделения факультета журналистики Тбилисского университета, был блистательный профессионал, профессор Отар Георгиевич Джинория. Не мудрствуя лукаво, доходчиво объяснила Чубчику, что долг настоящего друга обязывает, просто требует от него решительных действий по «внедрению» меня в группу наблюдателей за процессом материализации на сцене шекспировского творения.

- Попробую, - обреченно ответил Тенгиз, - но ничего не обещаю. Ты наверно не хуже меня знаешь, как Андрей дергается от журналистов.

- И не надо про журналистов, - пробормотала я, - придумаю что-нибудь интереснее.

В тот вечер мы услышали из уст Тенгиза Мирзашвили самую вдохновенную из всех возможных лекций о Шек-

спире. Полностью погруженный в напряженный процесс работы с Андреем Тарковским, наш друг подарил нам частичку этого живого творческого пламени. От внутреннего волнения Чубчик то и дело вскакивал и начинал мерить широкими шагами нашу небольшую комнату, периодически натываясь на препятствия в виде телевизора, кресла и главного украшения квартиры – пушистой кошечки-трехцветки Холли, которая не сводила с него мудрого взгляда. Мой вопрос о том, как же сочетается дуэт яркой, совсем молодой тогда красавицы Маргариты Тереховой – Гертруды и иного плана потрясающей актрисы Инны Чуриковой – Офелии подлил масла в огонь.

- Работа над спектаклем только начинается, а сколько вокруг него уже разговоров и вымыслов, - сокрушался Чубчик. - Один умник додумался вывести вот из этого самого, как ты говоришь, дуэта ни больше ни меньше, как наличие Эдипова комплекса с кучей еще каких-то модных фрейдистских наворотов у Гамлета на пару с Тарковским. И даже у самого сэра Уильяма Шекспира.

Мы дружно рассмеялись. Но Чубчик не стал сводить к шутке наболевшую, видно, тему и продолжал очень серьезно излагать точку зрения Тарковского, которую он всецело разделял. Трудно наверно поверить, но и сегодня, столько лет спустя, эта простая, логически стройно сложенная трактовка образа самого живучего, что ли, литературного персонажа, кажется мне наиболее убедительной и близкой к истине. Четкая, лаконичная она звучала так: - Гамлет не был похож на сусального Ромео. Он был сильным и мужественным человеком. Он мог справиться с любой бедой. Но только не с предательством. Убедившись, что предательницей оказалась Гертруда, Датская королева и самое святое для него существо – его мать, он уверовал, что все люди – потенциальные предатели. Это равносильно потере веры в Христа. Как и зачем тогда жить на белом свете?!

После этих слов мы долго молчали. И в тот вечер уже не произносили всуе имен Тарковского и Шекспира. Как бы поставили точку на этой теме.

Спустя пару дней ранним утром меня разбудил телефонный звонок: - Через час жду тебя у служебного входа в Ленком. Не опаздывай, пожалуйста.

Примчалась. Успела. Сказав что-то вахтерше на проходной, Тенгиз ведет меня вверх по слабо освещенной служебной лестнице. Гулко звенит тишина пустого холодного помещения. Мы долго взбираемся все выше и выше. Галерка. Темный угол последнего ряда под будкой осветителя.

- Сиди смирно и никуда не высовывайся! - приказывает Тенгиз, аккуратно складывая мое пальто в большой пакет. - В случае чего – ты моя сестра... сдвинутая на любви к Шекспиру. Я приду за тобой после репетиции.

Сажу. Одна в пустом зале. Где-то далеко внизу – безлюдная сцена. Такая маленькая с моей подпотолочной высоты. Время тянется невыносимо медленно. Проходит час, а кажется, что – век. Все то же безлюдье и тишина. Ужасно холодно. Чувствую, что начинаю тихо ненавидеть Шекспира. И больше всего себя за то, что вляпалась в эту авантюру. В ту минуту, когда я окончательно решила нарушить запрет и бежать куда глаза глядят из этого мрачного «Эльсинора», на сцене появляются Андрей Тарковский и Тенгиз Мирзашвили. Едва сдерживаю импульсивное желание крикнуть Тенгизу пару теплых слов. Но любопытство побеждает: эти двое, размахивая руками, носятся по сцене. Сдвигают какие-то огромные черные доски. Спорят, очевидно, орут – в моем поднебесье слов не разобрать: они же не в микрофоны разговаривают, стоя рядом друг с другом.

А потом – закрутилось, завертелось! В глазах зарыбило от мелькания «звезд» - Маргарита Терехова, Инна Чурикова, Анатолий Солоницын, Николай Караченцев... Было известно, что Гамлета очень хотел играть Олег Янковский, но выбор Тарковского пал на Солоницына. Шло жуткое соперничество между двумя великими актрисами – Чуриковой и Тереховой, и все это дополняло атмосферу репетиций тревожной напряженностью. Актёры выкладывались до изнеможения.

...К моей радости, Тарковский спустился в зал к режиссерскому столику с микрофоном. Есть! Услышу, что он будет говорить актерам, как будет выстраивать свою версию шекспировской драмы. А говорил он интереснейшие вещи, совсем непохожие на привычные прилизанные формулировки. Здесь, как и в своих фильмах, Тарковский стремился создать атмосферу, насыщенную плавной, замедленной психоделикой мыслью, чувствами, эмоциями – яркими, но тягучими проявлениями бессознательного и подсознательного. На этих начальных репетициях явно прочитывалось, что «его» актерам, много работавшим с ним в кино, - Тереховой и Солоницыну, легче следовать за мыслью режиссера, чем остальным, прекрасным самим по себе мастерам театра Ленкома. Последним непривычнее было притереться к особой стилистике, музыкальной поэтике замыслов режиссера, к

▲ «Гамлет». Инна Чурикова и Николай Караченцов

возможности с некоторой долей сознательного контроля «открывать двери восприятия».

Но больше всего меня порадовало, что, разъясняя актерам суть эпизодов, Тарковский то и дело упоминал имя Чубчика.

- Батони Тенгизи (он так и произносил) считает, что здесь нужно больше тишины, больше тени...

И так раз за разом. Я даже приосанилась в своем закутке, словно меня похвалили.

Что тут говорить – во мне с малых лет раз и навсегда укоренилось глубокое убеждение в том, что «гибрид – самый ценный фрукт, если он состоит из гармонично совместимых отборных компонентов», как говорила моя любимая тетушка Тата, замечательный биолог Тамара Григорьевна Шелия. А то, что «гибрид» русской и грузинской культуры и есть тот самый прекрасный плод, никогда не вызывало никаких сомнений. И наблюдать за творческой работой талантливого русского режиссера с не менее одаренным грузинским художником, наверное, было одним из самых ярких впечатлений, которые на-

▲ «Гамлет». Маргарита Терехова и Анатолий Солоницын

всегда остаются в памяти.

Почему кумир московской творческой элиты, работать с которым мечтали все самые интересные художники, ставя свой первый и единственный театральный спектакль, пригласил из Тбилиси в Москву Тенгиза Мирзашвили? Это, на мой взгляд, было совершенно естественно – постоянный контакт и активные культурные взаимоотношения русских и грузинских деятелей искусства предоставляли каждой из «сторон» возможность выбирать для осуществления своих творческих замыслов тех художников, которые были наиболее близки по духу, по ментальности и интересам. Этим двух талантливых людей привела к идее совместной работы над постановкой шекспировской драмы общность понимания ее философской и психологической основы, тяготение обоих художников к приглушенному, сумеречному визуальному воспроизведению трагедии принца Датского. Колорит словно обожженной солнцем живописи Тенгиза Мирзашвили как нельзя гармоничнее перекликался с творческими фантазиями Андрея Тарковского.

...Увлечись происходящим и дрожа от холода, не сразу заметила, что этот самый «батони Тенгизи» вдруг появился передо мной.

- Бедная Ирика! – очень созвучно моему имени, смеясь, перефразировал он классического «бедного Иорика». Вручил большую кружку с горячим кофе и собрался тут же улизнуть. Но вдруг приостановился, скинул свой куцый пиджачок и бросил мне со словами: - Не лягай зубами, услышат!

Недели через две, за которые я насмотрелась и наслушалась много такого, что точно не предназначалось для ушей представителей СМИ, мое инкогнито было раскрыто. И многострадальному Чубчику пришлось, в силу сложившихся обстоятельств, представить меня Тарковскому в моем реальном статусе. Но ничего страшного не

произошло – Андрей Арсеньевич был очень приветлив. Пригласил меня в кабинет Марка Захарова, любезно предоставленный в его распоряжение на время репетиций «Гамлета» законным хозяином.

Беседа наша длилась долго. Меня поразила открытость, с которой Тарковский говорил о трудностях работы над спектаклем. И совершенно ошеломили его слова, которые не могу забыть до сих пор: - О каких шекспировских тонкостях мы с вами говорим! Научить бы их (актеров) правильной речи и умению держаться на сцене соответственно материалу.

Это о тех актерах! Чтобы он сказал сегодня?

Не каждый день судьба преподносит возможность так вот сидеть визави и беседовать с гением, который, увлекшись своими мыслями, говорит о сложном и прекрасном мире творческих исканий. Завороженно слушая рассуждения Тарковского, вникала в стройную логику его четкого, уверенного в своей правоте взгляда на жизнь, на искусство, на право художника «быть собой, собой и только, собой и только до конца». Нарушая самые элементарные законы логики, продолжала задавать ему все более провокационные вопросы. А в голове обреченно пульсировала мысль: «Сюда меня, конечно, больше не пустят. Хуже всего, что я подставляю Тенгиза».

Словно уловив мое настроение, Андрей Арсеньевич вдруг прервал рассуждения о высоком искусстве и, помолчав минутку, произнес потеплевшим и очень проникновенным тоном: - Одно утешение в этой нервотрепке – наш с вами общий друг... Чубчик, - чуточку запнувшись, он впервые при мне назвал Тенгиза так, как звали его только самые близкие люди. - С кем бы из художников я ни работал, всегда вклиниваюсь в бесконечные споры с ними. А сейчас... полный привет! Он все сам просекает прежде, чем я успею что-то сказать. Мы с моими тбилисскими друзьями одинаково видим то, на что смотрим и о чем думаем.

И, выдержав паузу, совсем тихо добавил: - Когда очень тошно, улетаю в Тбилиси. К Сереже. К Отару. Просто к синему небу над Светицховели. Если я когда-нибудь сниму фильм о счастье, то это будет только там. У этого стройного храма.

Позже прочитала в воспоминаниях выдающегося шведского актера Эрланда Юзефсона, одного из любимых актеров Ингмара Бергмана и героя поздних фильмов Андрея Тарковского, сыгравшего в «Жертвоприношении» главную роль: «Особое качество Тарковского – чутье в поисках природы, места для съемок. Так во время съемок нашего фильма он после долгих поисков нашел место для съемки атомной катастрофы. Прекрасное и ужасное место. Там потом убили нашего премьер-министра. Убийца находился там, где у нас стояла камера. «Я сразу увидел, что это место для катастрофы», - сказал Андрей. Это было выше обычного понимания!»

Слова Андрея Арсеньевича о счастье у стен Светицховели приобрели особое, символическое звучание.

Да и тогда, в счастливые дни молодости, ничего другого не могло тронуть мое сердце, как эти простые и так созвучные собственным чувствам слова. И я совсем не удивилась, когда, прощаясь, человек, всего лишь час назад внушавший мне исключительно трепет и робость, по-доброму улыбнувшись, спокойно заявил: - Хватит вам прятаться на галерке! После генерального прогона обязательно поговорим о ваших впечатлениях. Покажите статью до того, как отправить ее в редакцию? Может, что-то добавим или... убавим, договорились?

На том и порешили. Тенгиз сиял, как именинник. Был очень доволен, что его миссия благополучно разреши-

лась. Говорил мне хорошие слова: «Умница, сумела его разговорить. А Андрей такой замечательный, деликатный. Одно слово – Тарковский».

На самом деле все было просто – великий режиссер, очень разборчивый в людях и мало перед кем «отпускающий» настороженность, любил и уважал Тенгиза Мирзашвили, испытывал к нему безоговорочное доверие. Рекомендации Тенгиза было более чем достаточно, чтобы отнестись лояльно к его «протеже».

Эта милая история имела, я бы сказала, трагикомическое продолжение. К тому времени у Тарковского уже был запущен в производство «Сталкер», и ему понадобилось слетать в Эстонию, где в 25 километрах от Таллина, на реке Ягала снимались главные эпизоды картины. Я не успела перехватить Андрея Арсеньевича, чтобы выполнить его пожелание прочитать материал о постановке спектакля. Так и отослала его в Тбилиси.

В Таллине Тарковского ожидала чудовищная драма – в августе 1977 года несколько тысяч метров отснятого оператором Георгием Рербергом материала при проявке пленки безвозвратно погибли в лабораториях «Мосфильма». И снятого после тяжелейших испытаний и мучительного подготовительного периода фильма – просто нет. Не существует. Спустя время «Сталкера» заново – и великолепно – снял оператор Александр Княжинский. Фильм остался в истории кино, как один из мировых шедевров. Но с трудом можно представить, что творилось в душе Мастера в те дни! Так никогда и не узнаю, в какой связи в тот безумный период Тарковский вспомнил о журналистке, с которой имел несколько обстоятельных бесед, выходящих за рамки официоза. Но факт остается фактом – из Таллина он направил в редакцию «Сабчота хеловнеба» телеграмму с категорическим требованием не публиковать материал без его визы. А статья уже стояла в номере. И главный редактор, давший добро на ее публикацию, даже не подумал менять свое решение. К тому же Таммаз Чиладзе, живое воплощение чувства собственного достоинства и деликатности, был, мягко говоря, шокирован некорректностью самого факта вмешательства кого бы то ни было в вопросы, находящиеся исключительно в компетенции редакции. Он не только не снял материал, но и мне не сообщил о депеше. Обо всем этом я узнала от него гораздо позже. Забегая вперед, скажу, что этот инцидент, ставший столь понятным после обнародования таллинской катастрофы, никак не отразился на дальнейшем внимании журнала к творчеству Андрея Тарковского. «Сталкер» и «Ностальгия» не только стали этапом моего личного «переосмысления ценностей», но что несравненно важнее – отклик на эти великие фильмы в журнале «Сабчота хеловнеба» прозвучал, как искренняя, дружеская поддержка поэта русского киноискусства в трудные для него дни грузинскими почитателями его высокого таланта.

А тогда ни о таллинской драме, ни о шекспировских страстях, разгоревшихся вокруг моей скромной персоны и безобиднейшей восторженной статьи, я не имела ни малейшего представления. И продолжала настойчиво названивать Тарковскому, чтобы выполнить свое обещание показать статью до ее выхода в свет. Наконец дозвонилась. И Андрей Арсеньевич попросил подъехать к нему домой. Жил он в доме по 1-му Мосфильмовскому переулку напротив ворот знаменитой киностудии.

В мрачноватом подъезде и тускло освещенной кабине лифта меня вдруг охватили робость и волнение.

А когда на 6-м или 7-м этаже тесная клетка, судорожно крякнув, наконец, остановилась, я обнаружила, что прямо у лифта меня ждут две очаровательные, но весьма крупных габаритов, собаки. Если не изменяет память, это были доги двух разных мастей. Дверь в квартиру с левой стороны от лифта была настежь открыта. Милые песики с царственной невозмутимостью, недвусмысленно, однако, направили меня к этой распахнутой двери. Под бдительным присмотром неожиданной стражи робко переступила через порог. И... замерла на месте. В гостиной с большим овальным обеденным столом посередине ни одной человеческой души. «Зона Сталкера». Стою в обществе величественных собак. Минут через пятнадцать появляется пожилая дама в тяжелом лиловом халате (догадываюсь, теща, живущая в соседней квартире) и молча протягивает мне руку. Я сдуру ее пожимаю.

- Статью, пожалуйста! - сурово роняет она, объясняя тем самым значение своего жеста. Окончательно растерявшись, суетливо вытаскиваю печатные листочки, которые тут же выскальзывают из рук и веером рассыпаются по полу прямо под трепетные носики моих конвоиров. Опустившись на корточки, начинаю их лихорадочно собирать. Краем глаза замечаю странно брезгливый собачий взгляд.

- Что ты так смотришь на меня? - шепотом спрашиваю у пса, осторожно придвигая к себе листочки. - Я же с собаками умею ладить лучше, чем с людьми.

- Вы скоро там? - нетерпеливо вопрошает лиловая дама. И, получив, наконец, кое-как собранную стопочку бумаг, удаляется в соседнюю комнату, небрежно бросив мне через плечо: - Присаживайтесь! Андрей Арсеньевич нездоров и отдыхает. Он посмотрит ваши заметки. Ждите.

Нездоров? Позже стало известно, что Тарковский тогда еще не оправился от микроинфаркта после истории со «Сталкером». Устроилась на краешке старинного стула с высоченной резной спинкой. В комнате царил сумеречный полумрак. Сердце начало тихонечко ныть от странного сочетания изящной мебели былых времен с ободранными обоями на стене, испещренной детскими каракулями. Так хорошо знакомый с детских лет аромат поблекшего фамильного аристократизма. Расслабившись от моего эггического настроения, собаки уютно устроились с обеих сторон.

Возможно, мои слова покажутся странными или надуманными, но за те сорок-пятьдесят минут, которые я, согретая собачьим дыханием, просидела одна в гостиной Тарковского, во мне произошел какой-то скачок в восприятии и образа режиссера, и утонченного мира его творчества. Как ненужная шелуха, отлетела эйфория. Более ясной и четкой представилась поэтика его кино. И к трепетному отношению к Мастеру добавилось чувство сопереживания. Вспомнилась фраза Достоевского: «Таланту нужно сочувствие. Иначе его истерзуют, булавками заколют».

Умели сказать пророки! «Булавками» Тарковского кололи много и с наслаждением. Пройгнорировать его и не давать снимать фильмы не могли – могучий Золотой лев престижного Венецианского кинофестиваля за первую же полнометражную картину недавнего выпускника ВГИКа «Иваново детство» зорко стоял на страже его интересов. Да и вся мировая элита кино пристально следила за творчеством и жизнеустройством Андрея Тарковского.

Терзали Мастера более изощренно – назойливыми «советами» высоких чинов и «доброжелательных»

▲ Тенгиз Мирзашвили. Пейзаж

коллеги исправить то, убрать это. Сократить. Изъять. И так день за днем. А он стоял на своем. Не урезал. Не переснимал. Не нарушал логику своего видения и своего метода самовыражения. Ждал чего-то. Страдал. И отчаянно защищал свой мир художника от навязываемого диссонанса чужих и чуждых стереотипов.

Меня охватило желание немедленно переписать все прежде написанное о Тарковском. На другом уровне понимания.

- Не откажите в любезности, пройдите, пожалуйста, сюда! - раздалось тихое, изысканно вежливое приглашение из другой комнаты, оказавшейся кабинетом режиссера. На диване, упирающемся в письменный стол с лампой под зеленым абажуром, полулежал, укутанный в ярко-клетчатый плед, сильно осунувшийся Тарковский. В руках у него были мои пресловутые листочки, и он написал на последней страничке: «С удовольствием прочитал. Спасибо! Андрей Тарковский».

С минуту я ошарашенно смотрела на Тарковского. Только потом, узнав обо всех обстоятельствах, поняла, что Андрей Арсеньевич был несколько смущен резкостью тона своей депеши – ведь в только что прочитанной им статье не было ни единого намека на стиль папарацци, лихорадочно выбалтывающего вырванные из контекста резкие высказывания раздраженного трудностями и неурядицами художника. Только деликатная попытка вникнуть в суть особенностей, новизны и самобытности его спектакля.

Я долго хранила эти опечатанные на старенькой «Колибри» изрядно потрепанные листочки.

- Это же реликвия! - говорили мне друзья, с которыми мы тогда часами могли говорить и спорить о великом искусстве гениальных мастеров, с которыми судьба подарила жить в одно время.

Не уберегла я эту реликвию. Позже, когда Андрей Тарковский уже был «реабилитирован» новой властью своей страны, и каждый второй деятель прессы ринулся лепить альбомы, брошюры, книги о нем, те листочки выманила у меня некая чиновная дама – редактор очередного сборника статей о Тарковском. Соблазнила звучными именами авторов, в «компанию» которых она собралась включить и мою статью с надписью Андрея Арсеньевича. Ни ее саму, ни изданного или неизданного ею сборника я никогда больше не видела. «Не надо заводить архива...» Как жалко, что я так часто и так легкомысленно следовала словам любимого поэта.

Доги, как истинные джентльмены, проводили меня до лифта.

Та единственная театральная постановка Тарковского, соавтором которой смело можно назвать Тенгиза Мирзашвили, создавшего стильный, тревожный визуальный облик Эльсинора и принимавшего участие в решении буквально каждой мизансцены спектакля, не часто упоминается в литературе о жизни и творчестве великого режиссера. Не стоит вдаваться в подробности того, почему так сложилось. Они не имеют никакого отношения к реальной оценке истинной значимости той театральной постановки Тарковского. И потрясающе ярких моментов сотворчества двух талантов. Ближе к финалу работы над спектаклем Тарковский, довольный тем, что сценическая картинка полностью соответствует его замыслу «ночной драмы», вдруг

загорелся идеей «вмолнить» в подчеркнута мрачный Эльсинор яркий, но очень лаконичный луч света. Актеры, к тому времени поголовно влюбленные в своего режиссера, затаив дыхание наблюдали, как Андрей Арсеньевич с неразлучным «батони Тенгизи» ходят вдоль задника сцены, то сходясь, то расходясь, словно руки пианиста, терзающие клавиатуру усердным исполнением классической гаммы. И ждали, что учудят на этот раз эти два человека, понимающие друг друга без слов. Неожиданно Тенгиз резко изменил траекторию движения и быстрым шагом направился к сидящей на полу у самой рампы Инне Чуриковой – Офелии. Бережно приобняв за плечи, развернул ее лицом к пустому залу:

- Инна Михайловна, смотрите туда, как смотрели сейчас на нас. Не моргайте. Как сможете долго, - и, подняв голову к осветителю, коротко скомандовал: - Свет на глаза!

Эти широко распахнутые неподвижные глаза небесно-голубого цвета уже отошедшей в мир иной Офелии стали тем самым светлым лучом, который искал Тарковский.

Уже живя в Европе, режиссер вел переговоры о съемках фильма «Гамлет» на основе художественных решений своей театральной постановки. Идея эта осталась среди многих других, которые Андрей Тарковский не успел осуществить.

Семь фильмов, как семь завораживающих его воображение самураев, вписали в историю мирового киноискусства имя великого русского режиссера Андрея Тарковского. И одна театральная постановка...

«Тенгиз Мирзашвили был художником, дружившим с людьми. Он писал трогательные пейзажи, прекрасных несбыточных женщин, цветы, птиц – все, чем украшена жизнь. Своей нежной наивностью и чистотой он напоминал Нико Пиросманишвили, на которого был похож», - эти слова написаны в 2008 году в российской «Новой газете» известным мастером фотоискусства, другом Грузии Юрием Ростом. В них есть правда о сходстве с великим Пиросмани – и первым об этом догадался Андрей Тарковский.

Ностальгия – прекрасное и сильное чувство, если не дать ей распылиться в тумане воспоминаний о прошлом.

Ирина ШЕЛИЯ
Москва

▲ Жиль Сир

▲ Патрик Вильямсон

▲ Отар Урушадзе

«ПОЭТ ПОЭТУ ЕСТЬ КУНАК»

В ближайшее время выйдет в свет совместный сборник трех современных поэтов Канады, Франции и Грузии – Жилья Сира, Патрика Вильямсона и Отара Урушадзе на французском, английском, грузинском и русском языках. Участников оригинального проекта связывает многолетнее творческое содружество. Первые публикации Жилья Сира появились в периодических изданиях Квебека (Канада), а также в других странах в антологиях и авторских сборниках. Переводит с персидского и корейского языков. Лауреат литературных премий. Английский поэт Патрик Вильямсон в настоящее время проживает во Франции. Участник традиционных фестивалей поэзии. Автор сборников «Залив» и др. Стихи переводились на французский, болгарский, грузинский и русский языки. Занимается переводами. Отар Урушадзе – автор поэтических сборников «Нас спасет любовь», «Цветок кактуса», «Живите с надеждой».

ВЕТЕР, ЗАСУХА

Деревья иссечены
Ветром сухим,
Но радует глаз
Лоза виноградная –
Творенье из лучших.
С упорством завидным
Наверх забралась,
Будто так надо.
Тысяча метров –
Еще не предел.
Веревка маршрут
Чертит змеей.
Только наверх!
Рюкзак на плечо.
Не уставать,
К вершине стремясь.
Снова лоза.
Тысячу восемьсот
Преодолели
Высоту вместе.
Ревниво орлы
Встретят приход наш,
Криком наполнив
Округу.
Просьба одна –
Вниманье удвой.
Вершину
Свою покорив,
Тотчас тропинку
Ищи назад.
К подножью горы
Спеш!

Жиль СИР

ТРИ РЕКИ

Потоки и ветры
Труа-Ривьер
Уносят нас.
Там хуже иль лучше?
Как знать...
Палитрой чудной
Высвечены слова,
Ими хочу
Тебя обнять.
Наш пылкий разговор
Подслушала ширь реки.
Страданье, тишина, слова.
Проснулся океан чувств в нас.
Он в тебе.
Его
Я тебе дарю.
Огонь любви
В твоих глазах.
Объятых пламенем,
Уносит нас река.
Там лучше иль хуже?
Как знать...
Сплетенье рук
Над океаном одиночества.
Так исстари повелось.
Счастье сошлось в наших глазах,
Труа-Ривьер его не разорвать.

Патрик ВИЛЬЯМСОН

ВОРОБЬИ

Тихо.
Морозный вечер.
В город поступь
Зимы.
Зябнут на ветках
Платана
Бедные пахи
Мои.
Пестрые
Птицы
Блаженствуют
В теплых краях.
Холодные ночи
Тбилиси
Прозабать воробьям
Суждено.
Когда на ветвях
Платана
Распустятся почки
Снова,
Поднимут они
На рассвете
Хлопотливый гомон
И гвалт.
Сонный проспект
Руставели
Дождется весны
Перемен.
Не покидает
Тбилиси
Земляк мой
Городской воробей.

Отар УРУШАДЗЕ

ЖИЗНЬ КАК ШАХМАТНАЯ ПАРТИЯ

Если прав Мигель де Сервантес Сааведра, и жизнь человека есть шахматная партия, попробуем перелистать картотеку Времени, перенестись в один прекрасный день, когда к тренеру с грустными глазами вернулось вдохновение в образе милой, на редкость симпатичной девочки, умеющей заразительно смеяться и через минуту быть ужасно серьезной, умницей и с математической головой, – талант этот унаследовала от отца, Георгия Александрия, доцента кафедры высшей математики Тбилисского государственного университета, и изучающей английский язык.

Итак, вернемся к дебюту партии, когда десятилетняя Алиса попала в сказочный мир шахматного Зазеркалья, потрогала фигуры и навсегда приклеилась к ним пальчиками. Тбилисскую Алису звали Нана Александрия. Уже через два года ей представилась возможность сыграть в полуфинале женского первенства страны, но Вахтанг

▲ Нана Александрия.
Фото Александра Саакова. 1980

Карселадзе не спешил показать миру свой шедевр, оберегая детскую психику от чрезмерной умственной и нервной нагрузки. Как знать, возможно, этот отказ от слишком раннего профессионализма лишил нас не одного рекорда, к которым сознательно шли Майя Чибурдаидзе и великолепное трио сестер Полгар.

Но рекорды не обошли стороной Нану.

В пятнадцать лет она оспаривала золотую медаль чемпионки СССР 1964 года среди женщин – девочка в школьной форме, с белым бантом. Участницы называли ее Малышкой, но, как говорится, дружба дружбой, а очки врозь. Очков она набрала достаточно, их хватило для дележа 6-7 места, что посчитали выдающимся достижением. После десяти туров вместе с Ноной Гаприндашвили возглавляла турнирную гонку, но на финише устала. Удивляли не только набранные очки, – качество игры. На закрытии турнира вручались специальные призы. Один из них – большую куклу – за самую техничную игру, по рекомендации председателя жюри Михаила Таля, вручили Нане – за эндшпиль в партии с экс-чемпионкой мира Ольгой Рубцовой.

В Киев, на полуфинал женского первенства страны 1966 года, она отправилась в ранге мастера спорта. Это прибавило ей уверенности. За несколько туров до конца она обеспечила за собой первое место.

Через три месяца из Киева же Нана вернулась чемпионкой СССР, и это в 17 лет!

Но тренеру не довелось узнать о победе и рекорде

своей Наны. Через четыре года она возглавила шахматную школу имени Вахтанга Карселадзе, а заместителем ее стал Александр Бокучава, тот самый Алик, который часами просиживал под окнами больницы, надеясь на чудо...

Первый рекорд Наны оставался незабываемым 11 лет! В 1977 году его на один месяц улучшила Майя Чибурданидзе. Но задолго до того, по остроумному замечанию спортивного журналиста, «у грузинских девочек было одно затруднение, кем стать: Наной или Наной».

Александрия и в последующие годы не изменила своему стилю, что обеспечило ей своеобразный рекорд в чемпионатах страны. Сыграв в семи финалах, она трижды становилась чемпионкой СССР, выиграла две серебряные и одну бронзовую медали. Два рекорда остались незабываемыми и уже никогда не будут улучшены: в 20 лет Нана Александрия была трехкратной чемпионкой СССР, она же, единственная среди именитых грузинских шахматисток, стала вторым призером мужского первенства Грузии с гроссмейстерским составом участников.

Вахтанг Ильич не увидел осуществление своей заветной мечты, когда спор за шахматную корону поведут две его самые любимые ученицы, но в одном он был спокоен: воспитанники запомнили главную карселадзевскую заповедь: шахматы – игра рыцарская. В Гори, на вечере памяти Карселадзе, на который приехали участники прошедшего в Тбилиси мужского чемпионата СССР 1966 года, Михаил Таль сказал: «Вот здесь перед нами сидят рядом две замечательные шахматистки и, возможно, будущие соперницы – Нона и Нана. И в том, что между ними по-настоящему дружеские отношения, – это тоже заслуга Вахтанга Ильича, это тоже его школа». Международный гроссмейстер Тамаз Георгадзе был того же мнения: «У всех учеников Вахтанга Ильича Карселадзе нет злости к противникам. Он никогда не настраивал нас

▲ Дружеский шарж Гиглы Пирцхалава

особенно уважаю, с кем нахожусь в теплых отношениях, я играю хуже. Думаю, что именно хорошие отношения с Наной Гаприндашвили лишили меня необходимой толики спортивной «злости» – идеального настроения к партиям не было».

Не правда ли, удивительное признание шахматистки, психологически готовившейся к «дворцовому перевороту» и уж, конечно, не собиравшейся быть доброй сказочной феей за шахматной доской. Нана знала, что характер у чемпионки мира сильный, но знать – это одно, а испытать на себе – другое. Она впервые столкнулась за доской с такой сильной личностью и, видимо, не была готова к этому. Примем эти слова без малейшей доли скептицизма, тем более, что они принадлежат самой Александрия.

Пример двух выдающихся шахматисток вызвал в республике женский шахматный бум, и грузинская женская шахматная школа изумляет мир юными дарованиями. В 1975 году среди тех, кто увенчал Нону Гаприндашвили пятым по счету лавровым венком, была 14-летняя Майя Чибурданидзе. Не надо быть психологом, чтобы понять, что творилось в тот вечер в душе у Майи. Через два года ей доведется встретиться с Александрия в четвертьфинальном матче претенденток. До этого она ни разу не побеждала Нану. Их две предыдущие партии принесли успех старшей. При прогнозах большинство голосов отдавались Нане. Основания для этого были – участие Александрия в матче на первенство мира, большой опыт турнирных и матчевых встреч.

Были и другие мнения. В моем архиве сохранился пригласительный билет на открытие матча Александрия-Чибурданидзе, на котором в апреле 1977 года тренер Майи международный гроссмейстер Эдуард Гуфельд сделал для меня надпись: «Приглашаю через год на матч Гаприндашвили-Чибурданидзе». Он не ошибся, хотя сама чемпионка считала, что эта встреча состоится в 1981 году, в следующем цикле борьбы за мировое первенство.

Шахматы не для людей, слабых духом, известно со времен Вильгельма Штейница, и, готовясь к очередному штурму шахматного трона, Александрия верила, что ей вновь удастся пройти до конца трудный отбор. Жребий оказался неблагоприятным к обеим участницам матча. Одна из сильнейших претенденток уже после четверть-

▲ Вахтанг Карселадзе с Наной и Наной. 1964

против тех, с кем предстояло встречаться, всегда говорил одно: «Играйте в шахматы». И самый яркий пример доброты – Нана Александрия».

Чувство преклонения, испытываемое Наной к старшей подруге, посетило ее в самый неподходящий момент. После матча на первенство мира Гаприндашвили – Александрия (1975), который стал одним из главных событий Международного года женщины, она скажет с присущей требовательностью к себе: «С теми, кого я

▲ Сборная СССР - олимпийские чемпионки Нона Гаприндашвили, Майя Чибурданидзе, Нана Иоселиани, Нана Александрия. Мальта. 1980

финала оказалась вне борьбы за мировое первенство. Ход ее дал повод чемпиону мира Анатолию Карпову заметить, что матч Александрия-Чибурданидзе, во всяком случае, не четвертьфинального уровня.

Исход матча решился в девятой партии, принесшей успех Майе. Сенсационной назвали эту победу (5,5:4,5) в шахматном мире – авторитет и класс некоронованной королевы шахмат Александрия велики. Победить такую супершахматистку могла только столь же исключительный вундеркинд, каким в свое время была сама Нана, у которой уже в 15 лет Михаил Таль подчеркнул удивительную в таком возрасте универсальность игры.

Осенью следующего года Нана вместе с подругами по олимпийской команде СССР Чибурданидзе, Гаприндашвили, Еленой Ахмыловской удостоилась золотой медали шестой Всемирной женской шахматной Олимпиады в Буэнос-Айресе. Победы Александрия над чемпионками многих стран подтвердили, что она по-прежнему предпочитает держать порох сухим, и лучшие достижения шахматистки еще впереди, ведь заслуженному мастеру спорта СССР только исполнилось тридцать три. Особенно удачным оказался 1979 год. Нана была первой на международных турнирах 8 Марта в Белграде (впереди чемпионки мира) и Нови-Саде, показала абсолютно лучший результат среди участников традиционного матча СССР-Югославия, победив со счетом 4:0 Оливейру Прокопович.

В 1971 году, готовясь к полуфинальному претендентскому матчу с Милункой Лазаревич (Югославия), одной из сильнейших шахматисток мира (Нана его выиграла со счетом 5,5:4,5), она сказала с присущей молодости запальчивостью: «Я не считаю, что для полноты счастья необходимо стать чемпионкой мира». С годами она пришла к мысли, что только выиграет от такого приобретения.

И вот новая возможность – матч на первенство мира с Чибурданидзе (1981).

Как обычно, перед началом соревнования на высшем уровне обозреватели не скупилась на прогнозы. Наиболее интересное заявление сделала Александрия, вторая шахматистка планеты: «Майя – явление исключительное. Огромный талант, колоссальная работоспособность, от-

менное здоровье – о чем еще можно мечтать. Что ж, на сегодняшний день шансы чемпионки заметно выше».

В этих словах вся Нана, сочетающая высокие спортивные и творческие достижения с равным отношением к соперницам, - качества, которые снискали ей любовь и признание. Прогноз Александрия не оправдался по ее же вине. Чемпионка мира не сумела доказать своего превосходства над соперницей – матч на первенство мира впервые в истории женских шахмат закончился вничью 8:8. Нана прекрасно подготовилась к новому испытанию, прежде всего в области дебютов. Матч укрепил ее во мнении, что играть с Майей можно, но и оставил чувство досады – на финише только пол-очка отделили ее от шахматной короны. Однако оснований огорчаться у нее также не было. Она сумела выиграть последнюю, 16-ю партию, чрезвычайно престижную, и свести матч вничью, дав специалистам сделать вывод, что ее ждут впереди новые победы.

На это обратил внимание главный арбитр матча, чехословацкий гроссмейстер Мирослав Филип, судивший в 1975 году матч Гаприндашвили – Александрия: «Сравнивая игру Наны в том и этом матче, хочу отметить огромный прогресс в ее мастерстве».

Итак, Нана – двукратная вице-чемпионка мира. Таль писал: «Когда меня спрашивают, кто, помимо чемпионов мира, внес весомый вклад в развитие и популяризацию шахмат, я называю Нимцовича и Кереса. В женских шахматах такой личностью, бесспорно, является Нана Александрия. Поверьте мне, намного сложнее два десятка лет быть второй в мире, чем первой – два-три года».

Она любит цитировать полюбившиеся строки поэта: «Вы нам глазки строите, мы вам – Тадж-Махалы». Нана – дипломированный специалист западноевропейской филологии (она окончила ТГУ), журналист по призванию, считает, что Тадж-Махал женщины еще не построили, но «глазки строить» - уже давно не единственная женская функция. Это мнение Наны Александрия, международного гроссмейстера, шестикратной олимпийской чемпионки (1969, Люблин, Польша; 1974, Меделин, Колумбия; 1978, Буэнос-Айрес, Аргентина; 1980, Валлетта, Мальта; 1982, Люцерн, Швейцария; 1984, Дубай, Объединенные

Арабские Эмираты), обладательницы двух бронзовых медалей чемпионатов мира. Она – трехкратная чемпионка Грузии, победительница Кубка европейских чемпионков (1970) и многих крупных международных турниров, трижды была капитаном женской команды Грузии на Всемирных шахматных Олимпиадах в Маниле, Москве, Ереване (1992, 1994, 1996), удостоилась трех золотых медалей после победы наших шахматисток. А еще была гостеприимной хозяйкой Грузинского Дома на летних Олимпийских играх.

Особый интерес представляет история, как грузинскую команду допустили на Олимпиаду в Маниле (8-25 июня 1992 года), о чем Александрия мне рассказала в середине девяностых.

Обретя независимость, Грузия еще не была членом ООН, поэтому ФИДЕ не могла принять ее в свои ряды, оставляя наших спортсменов без официальных соревнований. Нана гордится, не меньше чем своими шахматными успехами, что не жалела сил, решая этот трудный вопрос. «Борьба эта, - вспоминала она, - потребовала тщательно продуманной стратегии. Начала ее с того, что попросила наших именитых шахматисток сыграть в первом национальном чемпионате и сама вышла на старт. Таблицы его и юбилейного турнира Ноны Гаприндашвили приложили к официальному обращению с просьбой о членстве в ФИДЕ, его подписали руководители Департамента спорта, Национального Олимпийского Комитета и Федерации шахмат Грузии. К нему добавилось письмо созданной в спешном порядке Ассоциации гроссмейстеров. Я посчитала необходимым создать к началу конгресса ФИДЕ фильм о шахматной жизни в Грузии. Две недели провела в архиве. Собрала информацию и фотоматериалы. Нашла спонсора – парфюмерную фабрику «Иверия». Связалась с англо-грузинским культурным центром «Лунный глобус» и заказала Георгию Левашову-Туманишвили фильм «Грузинский гамбит». Он снимался ускоренными темпами на трех языках: грузинском, английском и немецком для показа в конце 1991 года на конгрессе ФИДЕ в Берлине. Наша просьба о членстве в ФИДЕ впервые прозвучала на исполкоме в Греции. В делегации тогда были Джано Багратиони, Чибурданидзе и Александрия. В Берлин отправились Багратиони, Гаприндашвили и Александрия. На заседание центрального комитета федерации для фиксирования государственного уровня обсуждения прибыло подкрепление в лице вице-премьера Энвера Нижарадзе и министра спорта Кахи Асатиани».

Нана занималась корректированием официальных выступлений грузинской делегации, переводом и составлением документов. Приходилось работать с руководителями ФИДЕ и делегатами. Имея пятилетний стаж работы в федерации, Нана с 1986 года была председателем женской комиссии, практически знала всех. Багратиони раздобыл телевизоры, видеомэгафон, и они несколько дней, в перерывах между заседаниями, показывали

«Гамбит» в двух главных залах и холлах «Конгрессхауса». На английском и немецком языках. Кроме того, выставили рекламную информацию в рабочих кабинетах. Информационная «война» в Германии закончилась чистой победой грузинской команды. Все желали им помочь. Окончательное слово оставалось за президентским советом, через несколько месяцев в Граце.

Этот отрезок времени принес политическую новость: ушел Звиад Гамсахурдиа, пришел Эдуард Шеварднадзе. Между тем, ООН не спешила принять Грузию в свои члены. Положение осложнялось тем, что с аналогичной просьбой допустить на Олимпиаду в Маниле в обход правил обратились делегации Хорватии и Словении. Они имели политические козыри: свои паспорта и валюту, их признали более десяти стран и, самое существенное, они выступали на зимних Олимпийских играх отдельными командами. Но, как и Грузия, не были членами ООН. Вердикт президента Международной шахматной федерации был суров: зимняя Олимпиада имеет свои законы, ФИДЕ – свои.

В такой проигрышной позиции пришлось выступать Александрия. Видно, выступление понравилось участникам конгресса, поскольку приглашенный в качестве гостя на президентский совет мэр города Граца сказал ей: «Вас следует назначить послом». Решающим оказалось выступление британского юриста Андертона, пользовавшегося огромным авторитетом в руководстве ФИДЕ. Начал он с того, что напомнил о тридцатилетнем чемпионстве наших шахматисток и закончил международным авторитетом Эдуарда Шеварднадзе, что, по его мнению, было гарантом скорого членства Грузии в ООН (это произошло через месяц после Олимпиады). Андертон обратился к совету с просьбой принять в отношении Грузии специальную резолюцию.

«Незаконно» допущенная на Олимпиаду в Маниле грузинская команда праздновала золотой успех своих шахматисток, олимпийских чемпионок Майи Чибурданидзе, Ноны Гаприндашвили, Наны Иоселиани, Нино Гуриели. Впервые на крупных международных соревнованиях прозвучал Гимн Грузии и был поднят грузинский флаг.

В начале восьмидесятых Нана Александрия, выступая на голубом экране как шахматный комментатор Грузинского телевидения в передаче, посвященной лучшим шахматисткам планеты, а стало быть, шахматисткам Грузии, вспомнила любопытный случай, свидетелем которого однажды ей довелось быть. Нескольким ее землячкам в качестве призов грузинские парфюмеры вручили флаконы духов необычной формы. Ноне Гаприндашвили, к примеру, достались духи, упакованные в стеклянного ферзя. Нане Александрия, тогда совсем юной, достался флакон в виде шахматной пешки. И тогда-то кто-то со значением заметил: «Пешка-то она пешка, но зато проходная!»

Пророчество сбылось.

Арсен ЕРЕМЯН

▲ Казенный театр в Тифлисе. Конец XIX века

«Я трогаю старые стены...» Тифлис: удивительные встречи

Если уж говорить о встречах не просто удивительных, а о тех, что называют судьбоносными, то вряд ли Тбилиси подарил их кому-нибудь больше, чем этому девятнадцатилетнему парнишке, полугодовалым вышедшему из бакинского поезда в начале 1892 года. Более того, даже комната, приютившая приезжего на углу Саперной и Водовозной улиц (ныне – Табукашвили и Дзневладзе), оказалась в символическом месте. Хотя и подвальная, зато прямо напротив – Казенный театр, тот самый, который сегодня тбилисцы зовут просто Оперой. И символичность в том, что из нищеты и безвестности парень шагнул на сцену именно этого театра, а с нее – к всемирной славе. Из тифлиских стен и садов певец-неудачник Федя уехал басом-профессионалом Федором Ивановичем. «Чудодейственным оказался для меня этот город», - скажет спустя годы великий Шалапин.

Между тем, его появление на берегах Куры вовсе не предвещало столь триумфального исхода. Жизнь в Тифлисе началась с самых настоящих мытарств. И хотя Федя привык к ним и в трущобах родной Казани, и в скитаниях с различными труппами по России, Средней Азии и Азербайджану, легче от этого не становилось. Тем более, в абсолютно чужом городе. А ведь он уже считал себя артистом. С пяти лет он пристрастился к пению, в

девять уже поет в церковном хоре, на свадьбах и похоронах. В пятнадцать лет он – статист в театре, в шестнадцать – первая роль в мелодраме на сцене летнего сада и поступление в театральную труппу, в семнадцать – первое сольное выступление в «Евгении Онегине» и участие в хоре опереточной антрепризы.

Кстати, о хоре. Пятнадцатилетнего Федю не принимают в хористы Казанского театра из-за того, что его подводит юношеская мутация голоса. Место отдается молодому человеку на четыре года старше, несмотря на то, что тот чудовищно окает. Зовут его... Алексей Пешков. Спустя годы, опять-таки не зная друг друга, они окажутся рядом уже в столице Грузии. Откроем написанную Шалапиным статью-некролог «Об А.М. Горьком»: «Из наших разговоров выяснилось, что мы жили друг от друга близко и в Тифлисе. В то время, как я работал в управлении Закавказской железной дороги по бухгалтерской части, Алексей Максимович служил в мастерских той же дороги слесарем и смазчиком... Вспоминается еще одно соседство наше с Горьким в том же Тифлисе. Когда я пел уже артистом мой первый сезон в театре на Головинском проспекте, Горький был поблизости... в тюрьме Метехского замка».

А до того, как оказаться в Тифлисе в одно время с

Горьким, Федор колесит с различными труппами, перебиваясь мизерными гонорарами и жалованием хориста, попадая в сложные жизненные переплеты. В конце концов, став бездомным и безработным в Баку, где еще и свирепствует холера, он бежит в главный город Закавказья. Кондуктор берет с него до Тифлиса всего лишь 30 копеек. По словам Шалапина, он оказался добрым малым, пустив его на тормозную площадку товарного вагона. И вот, тут, дорогие читатели, позволим себе сделать предположение, которое может оказаться не таким уж невероятным. Вообще-то «добрые малые» среди железнодорожных кондукторов были явлением столь же редким, как не берущий мзды городской или непьющий сапожник. Но именно в начале 1890-х был на Закавказской железной дороге действительно добрый тормозной кондуктор, которого начальство не раз штрафовало за провоз безбилетных пассажиров. И он не оспаривал этих штрафов, так как в данной им расписке можно прочесть: «...Обязуюсь подчиняться денежным взысканиям по службе, которые будут наложены на меня начальством железной дороги. Кондуктор Николай Пиросманишвили. 17 апреля 1890 г.» А поезда в то время ходили не так уж часто, было их немного, и два пока еще непризнанных гения – живописи и вокала – вполне могли встретиться.

Но если такая встреча относится к разряду гипотетических, а с Горьким на берегу Куры познакомиться не удалось, то остальные встречи, подаренные Шалапину Тифлисом, отражают вполне реальную действительность этого удивительного города. Давайте, вместе убедимся в этом.

ВСТРЕЧА ПЕРВАЯ. В Тифлисе оказываются артисты, с которыми Федор уже выступал раньше, они приводят его в оперную труппу, которую набирает некий «офицер Ключарев». Так начинаются выступления

Что же касается труппы, то ее сгубили оперные страсти, через край выплеснувшиеся со сцены – жена Ключарева бежала с одним из артистов и, по словам Шалапина, «опера разлезлась».

Хористы возвращаются в Тифлис, и Федор никак не может найти работу, даже физическую. Он не ест по нескольку дней, забывается в тяжелых снах, убеждая себя, что «когда спишь, не хочется есть». И вот признание: «Голодать в Тифлисе особенно неприятно и тяжело, потому что здесь все жарят и варят на улицах. Обоняние дразнят разные вкусные запахи. Я приходил в отчаяние, в иступление, готов был просить милостыню, но не решался и, наконец, задумал покончить с собою. Я задумал сделать это так: войду в оружейный магазин и попрошу показать мне револьвер, а когда он будет в руках у меня, застрелюсь».

ВСТРЕЧИ ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ. Шалапин уже стоит перед магазином с оружием, когда его окликает тот самый Понтэ. Ответить на его вопросы Федор просто не может – он плачет. Итальянец отводит парня к себе, тот вдоволь наедается макаронами (первая еда за четверо суток!) и мысли о самоубийстве исчезают. А наутро на глаза попадает афиша, извещающая, что в одном из садов состоится любительский спектакль. Воспрянувший духом Федя отправляется в этот сад и встречается там с актером Охтиным, который предлагает спеть что-нибудь и объявляет, что даст ему русский народный костюм для выступлений на открытой сцене сада.

ВСТРЕЧА ЧЕТВЕРТАЯ. Название сада, в котором выступал молодой Шалапин, мы сегодня не знаем, но от него самого точно известно, что место было не из шикарных: «Садик был плохонький, тесный. Публика посещала его неохотно. Но я усердно пел, получая по 2 рубля за выход, раза два в неделю». Не густо, конечно, но голодать уже не приходится. А потом встреча со служащими

▲ Федор Шалапин в Тифлисе

▲ Дмитрий Усатов

▲ Константин Алиханов

в городах Грузии. «...Опера приняла название итальянской, хотя итальянцев в ней было только двое: флейтист в оркестре и хорист Понтэ, мой знакомый по Баку, очень славный человек. Воображаю, как сладостно звучал итальянский язык в моих устах!», - улыбался Федор Иванович через много лет. Как бы то ни было, в Батуми и Кутаиси он поет в «Норме», «Жидовке», «Фаусте». «Прием публикой оказывается вполне сочувственный, сборы не оставляют желать лучшего», - констатирует батумский «Анонс» 24 марта 1892 года. А вот нам в этой истории стоит запомнить «очень милого человека» Понтэ – он еще сыграет огромную роль в судьбе Феде.

управления Закавказской железной дороги. Певец развлекал их и анекдотами, за которые его угощали прямо со стола, и рассказал о своей «запутанной жизни». Ну какой же тифлисец не посочувствует такому рассказу! А тут еще выясняется, что парень знаком с канцелярской работой (в отрочестве занимался ею в Казанской управе). И Федору советуют попытать счастья в бухгалтерии «железки» Он подает прошение и... становится окладом с окладом в тридцать рублей.

Казалось бы, живи да радуйся. Но разве канцелярская рутина может радовать человека, уже познавшего запах кулис и сладость аплодисментов? Он очень тоску-

▲ Ф.Шалапин в роли Мефистофеля в Тифлисе

ет по театру и сразу же откликается, когда ему предлагают спеть в Коджори. В этот горный поселок над Тифлисом, ныне пригородный курорт, отправляются восемь человек во главе с Карлом Вендом, «отличным хормейстером, хорошим человеком и отчаянным алкоголиком». Идут, естественно, пешком – откуда деньги на повозку? А о том, что было дальше, лучше всего расскажет сам Шалапин: «...Концерт не состоялся вследствие глубочайшего равнодушия коджорской публики и потому, что на несчастье наше небеса разразились каким-то доисторическим ливнем, ураганом, стихийным безобразием. Много я видел хороших дождей на своем веку, но никогда не испытывал такого ужаса! Валились деревья, с гор текли пенные потоки, летели камни, ревел ветер, опрокидывая нас, с неба лились ручьи, чуть не в руку толщиной. Под этим ливнем мы возвращались в Тифлис, боясь опоздать на службу... Иногда приходилось становиться на четвереньки, чтобы ветер и вода не сбросили нас с дороги в пропасть». И все это, заметьте, на протяжении восемнадцати километров горной дороги, совсем непохожей на сегодняшнее Коджорское шоссе.

Это приключение завершается для Феде диагнозом: «дифтерит» и терзаниями в железнодорожном лазарете – не пропал бы голос! Он бежит из палаты и уже «на воле» добивается приема у доктора, который признает его здоровым. А вскоре – письмо из Казани: знакомый антрепренер предлагает вторые роли в опере с жалованием в сто рублей и аванс на дорогу. Конечно, после

всех своих злоключений Федор соглашается. Получает перевод в двадцать пять рублей, отказывается от службы. И уже решившись на очередное изменение жизни, вдруг вспоминает, как сослуживцы, хвалившие его голос, советовали все же поучиться у профессора пения Усатова. Трудно сказать, почему это вспомнилось. Может, задумался о том, как зазвучат арии в его исполнении...

ВСТРЕЧА ПЯТАЯ. И вот, уже в самый день отъезда, он появляется в квартире, где его встречают «стая мопсов» и «человечек низенького роста, круглый, с закрученными усами опереточного разбойника и досиня бритым лицом». Так выглядит Дмитрий Усатов, бывший солист Большого театра, где, между прочим, первым спел Ленского и многие другие знаменитые партии. Это ему посвящен романс «Смерть» Петра Чайковского на слова Дмитрия Мережковского. К моменту встречи с Шалапиным он уже третий год преподает в музыкальном училище Тифлиса и дает частные уроки. Узнав, зачем пришел гость, он ведет себя строго. Предлагает неожиданное: «Ну, что ж, давайте покричим!», больно тыкает пальцем в бок за излишне высокую ноту, после прослушивания держит долгую, мучительную для Федора паузу. Но когда тот не выдерживает: «Что же, можно мне учиться петь?», твердо отвечает: «Должно!»

Сразу повеселевший гость говорит, что заработает в Казани денег и вернется, чтобы учиться, но в ответ слышит: «Бросьте все это! Ничего вы не скопите! Да еще едва ли и заплатят вам! Знаю я эти дела! Оставайтесь здесь и учитесь у меня. Денег за учение я не возьму с вас». «Я был поражен. Впервые видел я такое отношение к человеку», - признается Шалапин. Вдобавок оказывается, что Усатов знаком с железнодорожным начальством, и молодой человек получает письмо с просьбой восстановить его на службе. Но место уже занято, и преподаватель преспокойно заявляет огорченному Феде: «Ну, что ж, напишу письмо другому!» И отправляет его к тому, кого певец вспоминает, как «владельца какой-то аптеки или аптекарского склада, человека восточного типа».

ВСТРЕЧА ШЕСТАЯ. Прочитав письмо Усатова, этот человек интересуется, знает ли Федор какие-нибудь языки. Украинский ему не нужен, с латынью парень, естественно, не знаком. Тем не менее, резюме делается не менее ошеломительное, чем предложение Усатова: «Ну, вы будете получать от меня 10 рублей в месяц. Вот вам за два вперед!» - «А что нужно делать?» - «Ничего. Нужно учиться петь и получать от меня за это по 10 рублей в месяц»... И, при всем уважении к нынешним меценатам, признаемся, что не так уж часто можно слышать признание, равное шалапинскому: «Все это было совершенно сказочно. Один человек будет бесплатно учить меня, другой мне же станет платить за это деньги!» Ну, как нам не приглядеться к такому благодетелю! Константин Алиханов действительно владел аптекарскими складами, но главным в его жизни была музыкально-общественная деятельность. Пианист, закончивший в Петербурге университет и консерваторию, еще в 1873 году открыл первое музыкальное учебное заведение Тифлиса – курсы, со временем превратившиеся в училище, а затем и в консерваторию. Он свыше десяти лет возглавлял это училище, был одним из учредителей и многолетним руководителем Тифлисского отделения Русского музыкального общества. Коммерцией занялся незадолго до появления Шалапина, и значительная часть доходов шла на бескорыстную поддержку начинающих музыкальных талантов.

Правда, может показаться странным, почему в своих воспоминаниях великий артист называет благодете-

теля просто аптекарем восточного типа. Скорее всего, это – желание передать то, давнее, первое восприятие. Ведь позднее Федор Иванович благодарно вспоминал: «В самый тяжелый момент жизни, когда передо мной стоял вопрос продолжить учиться или навсегда бросить мысли о сцене, Усатов направил меня к Алиханову, который принял в моей судьбе горячее участие и дал возможность продолжить учебу. Если бы ни поддержка Алиханова ... - я бы так и остался никому не известным хористом». И когда они вновь встречаются спустя годы, Алиханову дарится фото с надписью: «Добрейшему Константину Михайловичу Алиханову с искренней благодарностью Ф.Шляпин 17.02.95 г.»

Итак, по совету Усатова снимается комната, берется напрокат пианино. И начинаются занятия. Поначалу Федя появляется на них в таком виде, что соученики из «приличных» семей не могут сдержать смеха: ««Это был длинноногий парень, худой, нескладный. На нем были косоворотка и какие-то немыслимые брюки, которые он именовал «пьедесталами». На голове почему-то соломенная шляпа – канотье с черной ленточкой. Дно шляпы было оторвано, держалось сзади на одной ниточке, при ходьбе и ветре поднималось вверх. Немало мы смеялись по поводу этой необыкновенной шляпы...» Да и сам Шляпин признает: «Был я тогда обтрепан и грязноват, имел одну рубашку, которую стирал сам в Куре». Но Усатов не только подчеркивает свое отношение к новичку, лишь его оставляя обедать после занятий и даже перекраивая под его рост свои костюмы. Он объясняет ученикам: «Это простой, неотесанный парень с чудесным голосом. Это будущая знаменитость. Помогите мне отшлифовать его, возьмите его к себе в компанию, займитесь им...»

Что ж, молодежи делать это даже приятно – Федя сразу завоевывает любовь всего класса. «Он был по природе весел и приветлив, а когда улыбался, то казалось, будто он весь так и светится», - вспоминает его соученица Мария Измирова. Новые друзья учат волжанина не только этикету, под их влиянием он увлекается книгами, преображаясь и внутренне, и внешне, сам начинает пробовать себя в литературе. А вот с хорошими манерами удается не все, как свидетельствуют предания семьи профессора музыкального училища Франца Кесснера. Его жена Надежда была постоянной партнершей Шляпина во время учебы.

Заглянем в класс Усатова, куда обучающиеся пению дамы и барышни приносят не только ноты, но и купленные вскладчину подарки Феде на день его рождения. Это – галстук и золотая булавка с жемчугом. А на оставшиеся деньги приобретены бутылка водки и колбаса. Когда обнова повязана смущающемуся виновнику торжества, его подталкивают к роялю, на котором красивый пакет. Федор разворачивает его, смеется, увидев водку, и ловко закручивает бутылку «винтом». Потом, привычным ударом, вышибает пробку в потолок и раздается... «характерное бульканье и глотанье». Никто не замечает, что в дверях стоит «онемевший от беспредельного возмущения» Усатов. Вот тут-то всей компании и дается строжайший урок хорошего тона.

Ну, а еще одно нарушение Шляпиным «бонтона» особого возмущения не вызывает. Скорее, наоборот. Федор приходит разговеться на пасху в особняк Кесснеров на Михайловской (ныне – Иванъ Джавахишвили) улице. А рядом, на углу с Кирочной (Марджанишвили) - церковь Святого Александра Невского. Все вокруг нее заполнено народом – идет пасхальное снопение. И тут Федя начинает подпевать дьякону своим могучим басом, да так, что в канделябрах звенят хрустальные подвески. Негодования это не вызывает, но поиски

второго голоса в необычном дуэте многих отвлекают от службы... Впрочем, в эту церковь певец приходит и позже, чтобы выступить уже официально – на вечере действующей при ней приходской школы.

Его приглашают не только туда, 19-летним Шляпиным восхищаются многие, круг его общения и выступлений стремительно расширяется. Усатов периодически проводит концерты своих учеников, и уже через несколько месяцев Федор известен всему городу. Он становится другом известного мецената Егора Питоева, тифлиских композиторов, и «Элегия» Генария Корганова до конца жизни входит в его репертуар. Он ходит во все театры, на симфонические концерты, сам много выступает, становится членом «Тифлиского музыкального кружка», который в городе называют «Кружком Арцруни». Там ему устанавливают ежемесячную стипендию в пятнадцать рублей, он с удовольствием поет и в зимнем помещении этого кружка на Грибоевской, и в летнем – на Михайловском проспекте.

А Усатов, у которого он продолжает заниматься, ре-

▲ Фотография, подаренная Ф.Шляпиным К.Алиханову

комендует его в оперу-антрепризу Людвигова-Форкати и Любимова. И 28 сентября 1893 года – дебют на главной тифлисской сцене, в Казенном театре – в «Аиде». Шляпин вспоминает: «Вскоре вышло как-то так, что весь репертуар (басовый) лег на мои плечи, и я неожиданно для себя занял в опере первенствующее положение». Положение это настолько твердое, что всего через пять месяцев объявляется бенефис Шляпина. Который, кстати, могли и отменить – из-за смерти самого необычного в жизни Федора Михайловича рецензента, военного коменданта города генерала Эрнста.

Это настолько комический персонаж, что не полюбоваться им нельзя. Увидев Шляпина в роли Греми-

▲ Церковь святого Александра Невского в Тифлисе

на, он интересуется... его происхождением и заявляет: «Странно! Я думал, что он из генеральской семьи. Он очень хорошо играет генерала». А самому певцу, после похвал, сообщает, что на сценическом костюме нет необходимых орденов, да и перчатки паршивые: «Когда вы будете петь генерала Гремина еще раз, я вам дам ордена и перчатки!» И, ведь, не обманывает. Является задолго до начала спектакля, заставляет артиста маршировать в костюме под строевые. А, нацепив ему принесенные в платке звезду и крест, сконфуженно говорит: «Послушайте, Шаляпин, Вы все-таки потом возвратите мне ордена! Тут был один – тоже бас. Я дал ему ордена, а он их, знаете... Того, пропил, что ли, черт его возьми! Не возвратил, знаете...»

К счастью, бенефис состоялся, и уже настоящие рецензенты дают очередные восторженные отзывы. Чего стоят, хотя бы, строки в газете «Кавказ»: «Из всех певцов, учившихся в Тифлисе, Шаляпин безусловно самый талантливый; всего пять месяцев, как он на сцене в качестве исполнителя первых ролей, но уже приобрел симпатии и любовь публики. Эти симпатии выразились в бенефисе, многими ценными подарками и подношениями...» Вскоре после бенефиса Федор Иванович собиравшийся, его манит Москва. В речи на прощальном обеде он подчеркивает, что навсегда остался бы никому не известным хористом, если бы не Тифлис. Уезжает он с рекомендательными письмами Усатова. И если мы подсчитаем афиши с его именем в городских газетах, то увидим: с октября 1893-го по февраль 1894-го он выступил в тифлисских стенах в 62-х спектаклях!

Второй раз он появляется в Тифлисе через шесть лет, в 1910-м, уже признанным великим артистом. Поет в «Фаусте», дает концерт. О том, как проходили эти выступления, рассказывает писатель Лев Никулин: «...Повторилось все, что бывало перед выступлениями Шаляпина: ажиотаж театральных барышников, городские у театральной кассы и молодежь, сутки просто-

явшая на улице, чтобы получить билет. В театре был «весь Тифлис» - военные, чиновники, богатейшие люди города, а в райке, на галерее - учащая молодежь... Случалось мне слушать его в Петрограде, в Москве, но, мне кажется, ничего равного успеху в Тифлисе я не видел. Это не был обычный «шляпинский» успех, обыкновенный концерт, в Тифлисе все было необыкновенно...»

Проходит еще пять лет, и Федор Иванович получает в Петербурге письмо от поддерживавшего его Тифлисе музыковеда Василия Корганова: столица Грузии ждет певца, чтобы отметить 25-летие его артистической деятельности. И не просто ждет, а дает ему звание своего почетного гражданина. Конечно же, Шаляпин приезжает. Останавливается в гостинице «Лондон», недалеко от столь памятного ему Казенного театра, дает концерты, приходит в музыкальное училище и от души хвалит выступления, организованные в его честь. Перед отъездом, как оказалось, навсегда – обязательный пир, в знаменитом верийском саду «Эдем», столь не похожем на тот сад, в котором когда-то работал долговязый Федя. Первый тост – «за славного артиста, который достиг высшей власти в искусстве», затем чаще других тосты поднимает сам герой вечера. Он даже прослезился. И именно тогда, в взволнованной речи с упоминанием всех, поддержавших его в этом городе, звучат знаменитые слова: «Я рожден дважды: для жизни – в Казани, для музыки – в Тифлисе...»

Казалось бы, добавить к этому нечего... Но мы, все-таки, добавим. Когда в Ялте умер Дмитрий Усатов, и его вдове стало трудно с деньгами, Шаляпин до самой ее смерти помогал ей материально. Обязательно проверяя, сделан ли перевод. Наверное, в этом – не только прирожденный дар быть благодарным, но и часть тепла тифлисских стен.

Владимир ГОЛОВИН

▲ Людмила Артемова-Мгебришвили и Игорь Пилиев в спектакле «Человек, который платит»

▲ С Львом Гавриловым. «Последнее слово за вами»

«И ТО ЖЕ В ВАС ОЧАРОВАНЬЕ...»

Канули в Лету времена, когда импресарио, заключая контракт, оговаривали, что актриса амплуа героини или гранд-кокет имеет право посещать только ювелирные магазины, разъезжать только в коляске, никаких овощных лавок и пеших моционов в местах скопления публики. Так создавался образ небожительницы.

Имидж Людмилы Артемовой-Мгебришвили одним словом можно охарактеризовать как антигламур – простая прическа, удобная обувь. И выглядит при этом потрясающе. Она будто бы сошла с полотен Венецианова – светится внутренним светом, красотой, над которой не властны ни время, ни житейские обстоятельства. Высокая, статная, легкая в движении. Ей не нужны ни лукавые уловки кокеток, ни косметические ухищрения. Ее стиль – естественность. Цельная натура, для которой важнее всего быть в мире с самой собой. Не любит суеты, не читает дамских романов и детективов. Не боится показаться старомодной, отстаивая каждым своим поступком равновесие гармонии, сдающей в современном мире позиции под натиском агрессивных ритмов, которые приводят слушателей к бессмысленному экстазу. Обладает качеством исконно интеллигентным – никакой агрессивности, доброжелательный взгляд на окружающую действительность.

Существует теория, что каждый человек соответ-

ствует определенному библейскому или мифологическому персонажу. Правда, противники утверждают, что человек с течением времени пребывает в различных ипостасях, скажем, в юности женщина может походить на охотницу Артемиду, затем – на Афродиту, в зрелости превращается в мудрую Афины или домоправительницу Геру – у каждого возраста свои приоритеты.

Наша героиня напоминает воспетую поэтами – от Гомера до Мандельштама – ахейскую жену Пенелопу. Люся, позвольте ее именовать этим милым именем, всю жизнь тклет свое покрывало, вплетая в него нити любви к семье и театру, незабываемые воспоминания. Ее супруг много колесил по свету с камерой кинооператора, но в отличие от Одиссея, всегда спешил вернуться к родным пенатам, к своей Люсе. Они познакомились в стенах ВГИКа, где Александр Мгебришвили одновременно с будущей актрисой учился на оператора, поженились влюбленные студентами и не расставались всю жизнь. Три года назад случилось непоправимое – закончился земной путь ее Шурика. Но это тема – закрытая для посторонних глаз, потому что подлинное горе не совместимо с видимыми дневному свету слезами. Людмила Ивановна, несмотря на всю свою мягкость в общении, человек закрытый. В свой мир впускает до порога. Ограничимся тем, отметив, что она нашла в себе

▲ С Элизбаром Кухалеишвили. «Распутин»

силы научиться жить и благодарить Творца за то, чем владеет сегодня, жить, заботясь о сыне, внуках, любимых золовках, продолжая создавать на сцене новые образы.

В ее послужном списке, множество ролей, оставшихся в нашей памяти – Клементина в «Забить Герострата» Григория Горина, Гермия в постановке «Сон в летнюю ночь» Шекспира, Екатерина Ивановна в «Женщине» по пьесе Леонида Андреева, Она в «Запасном аэродроме» Чхеидзе, Шарлотта Ивановна и Раневская («Вишневый сад»), Императрица Александра Федоровна («Распутин»), Эльмира («Тартюф»), героиня из спектакля по произведениям русской советской прозы «Рашен блюз», Сваха («Жизнь прекрасна!» по рассказам Чехова), мадам Ракен («Тереза Ракен»), Наташа («Мастер и Маргарита») - всего не перечислишь.

Золотая медалистка и Мисс ВГИК – вот так началась биография Люси Артемовой. Родилась она в городке Суворов Тульской области, который моложе нашей героини на целых пять лет. Собственно городом населенный пункт стал именоваться после того, как на реке Черепеть построили ГЭС, а до этого было поселение, основанное по легенде солдатами фельдмаршала Суворова. Выходит, что первыми суворовцами в России были не безумные кадеты, а уцелевшие после батальей ветераны, прошагавшие по Европе и, возможно, тащившие на себе пушки через Альпы. Так, что малая родина Люси имеет исторические корни – с одной стороны, три часа езды до Москвы, с другой – Куликовское поле, куда суворовских школьников возили на экскурсии.

Не удивительно, что суворовская стойкость – это одна из семейных черт Артемовых. Трое детей добились значительных успехов. Людмила Ивановна – заслуженная артистка Грузии, одна из ведущих актрис Грибоедовского театра, в котором работает 40 лет. Старший брат был вторым секретарем ЦК Компартии Киргизии,

младший брат – инженер, выпускник МФТИ.

Умница-разумница Люся, участница всевозможных олимпиад и спортивных соревнований, собиралась посвятить свою жизнь самой благородной профессии – лечить людей, что всячески поощряли мама-учительница и папа-инженер. В середине 60-х шумно ломали копыта физики и лирики, однако мериллом успешности считался Московский первый медицинский институт, один из самых престижных вузов страны после МГИМО, где обучались дети партийных бонз и дипломатов. Но был для юных мечтателей еще один соблазн: творческие вузы с конкурсами по 200-300 человек на место – какая «Фабрика звезд» может похвастаться таким рейтингом!

На дворе стоял 1966 год, запомнившийся молодежи той поры по романам Василия Аксенова, мини-юбкам и прямыми трансляциями по Интервидению чемпионата мира по футболу с лондонского стадиона «Уэмбли». Это было время побед в космосе и ощущения, что все пути перед тобой открыты.

Что же удивительного в том, что Люся, прочитав в «Комсомолке» о наборе во ВГИК, решила стать артисткой. Родители разрешили ей попробовать свои силы в конкурсе. Дело происходило весной до экзаменов на аттестат зрелости, и помешать медицинской карьере неожиданные фантазии никаким образом не могли. С напутствием «пусть попробует и успокоится», дочку отпустили на первый тур. Однако, надежды на провал не оправдались – Люсю допустили к следующим испытаниям. И в итоге она была принята в числе шестнадцати счастливиц в мастерскую профессора Бориса Андреевича Бабочкина.

Так началась прекрасная студенческая пора во ВГИКе.

- Это был праздник! - рассказывает актриса. - Атмосфера была особенная. Мы дневали и ночевали в стенах института. Каждую неделю – просмотры студенческих работ, из Белых Столбов привозили фильмы, которые не шли на большом экране. До сих пор помню впечатление от «Царя Эдипа» Пазолини, «Корабля дураков» Крамера и других шедевров. Иногда в архиве Госфильмофонда нам выдавали копию всего на одну ночь – в институте устраивали ночные просмотры, а утром коробки возвращали. К нам постоянно приезжали гости – разве можно забыть встречу с Глорией Свенсон, звездой немого кино, сыгравшей стареющую и всеми забытую актрису в картине «Сансет Бульвар» Уайлдера. Но главным, конечно, были занятия с нашим мастером – Бабочкин и сейчас, спустя годы остался для нас, его учеников, неоспоримым авторитетом.

Однокурсницами Люси стали Елена Соловей, Наташа Богунова. Курсом ниже в мастерской Герасимова учились три Наташи – Белохвостикова, Гвоздикова и Бондарчук. На первом курсе наша героиня удостоилась от Бабочкина оценки «пять» за исполнение роли Катарини в «Укрощении строптивой», а Сергей Герасимов добавил: «Пять с большим плюсом».

- ВГИковцы, как рыбак рыбака, видят друг друга издалека?

- Есть такое содружество. Недавно Эльдар Шенгелая пригласил сыграть в своем новом фильме небольшую роль. Было интересно, но сложно – атмосфера на съемках довольно специфическая. В очередной раз убедилась, что я театральная актриса. В театре все по-настоящему, в режиме реального времени. Когда после получения диплома мне посоветовали идти в театр, я испытала некоторое разочарование. Но мои наставники предугадали, что буду работать именно на сцене, а не

сниматься в кино. Мой типаж был не очень востребован в кинематографе той поры. Хотя думаю, все дело случая. Пример – судьба Леночки Соловей. Беленькая, неброская, человек необычайно душевный и добрый. Все поразились, когда увидели Леночку на экране – настоящая звезда немого кино. Такой ее никто представить не мог, а Рустам Хамдамов разглядел. Позднее он начал работу над фильмом «Раба любви», но, как рассказывали, не справился с процессом производства крупного проекта и Хамдамов прекратил работу. Стоял вопрос о закрытии картины, положение спас Никита Михалков. Он привнес в картину много своего.

- Выходит, не жалеете, что не кино, а театр стал главным в судьбе?

- Не жалею. Театр – это прекрасно. Но, тем не менее, главное для меня – мои родные, затем – искусство.

- Что можно сказать о сегодняшнем театре имени Грибоедова?

- Театр сегодня на подъеме. Тепло приняты наши новые постановки на театральных смотрах в близком зарубежье – «Женитьба» в Одессе, «Холстомер. История лошади» в Санкт-Петербурге. Готовимся показать «Холстомера» в рамках программы фестиваля «Золотой витязь» - в декабре везем этот спектакль в Москву. Недавно успешно прошла премьера постановки Автандила Варсимашвили «Маяковский». Первый показ состоялся в Кутаиси на родине поэта в дни Международного русско-грузинского поэтического фестиваля «Во весь голос» и был тепло встречен зрителями. На тбилисской премьере собралась солидная публика, которая также великолепно приняла спектакль. Перед первым репертуарным показом мы очень волновались, поскольку в зале была, почти целиком, молодежная аудитория. Перед началом действия слышались смешки, детские голоса. Когда поднялся занавес, в партере стояла мертвая тишина, мне даже почудилось, что зал пустой. Но вот, наконец, последовала реакция на происходящее на сцене. Получилось единение, которое так важно для успеха спектакля. Молодой зритель нас услышал и принял постановку, это было такое счастье! Иногда говорят, что в городе осталось мало русскоязычных людей. Но я утверждаю, что у нас нет проблем со зрителем. Грибоедовский театр ценят и любят – у нас благоприятная ситуация для работы и творчества.

- Мы настолько погрязли в критиканстве, что позитивные оценки вызывают долю недоверия. Так ли все хорошо на самом деле?

- Проблемы и причины для недовольства всегда найдутся. Однако важно, на какие критерии ориентироваться, как себя оценивать в окружающей реальности. Я люблю театр абсурда, но не принимаю его в жизни. Абсурдно не видеть, насколько изменилось положение за последние годы. Много лет Грибоедовский театр находился на грани развала. Вспоминать страшно! В недоброй памяти 90-х был такой случай: спектакль назначен на 31 декабря. На улицах темень, в домах холод. Театр заледенел. В кассе продали всего два билета, и спектакль отменили. Артистов обзвонили, а Наталье Михайловне Бурмистровой никто не сообщил об отмене. Видимо, посчитали, что ее предупредят первой, а может быть решили, что кто-то сообщил новость лично, поскольку она каждый день приходила в театр. Бурмистрова, как обычно, пришла

часа за два до представления, она всегда следовала этому правилу, в отличие от всех нас, прибегающих к спектаклю в лучшем случае минут за сорок пять. Прошла в свою гримерную, собралась с мыслями, настроилась, тщательно загримировалась и стала ждать, когда ей принесут парик и платье. Никто не приходит! Наталья Михайловна отправилась выяснить, что происходит, и наткнулась на запертые двери. Узнав от вахтера, что спектакль отменен, горько расплакалась. Новый год близится, а тут такая боль, что никому не нужна, что забыта.

- Фирсом себя не называла?

- Наверно, пережить эту обиду ей помогло осознание, что это наша общая беда – отмена спектакля. Мы же работали вопреки всему, даже выпускали премьеры. Представьте, что в день премьеры «Ямы» на сцене температура была плюс семь, а на артистках легкие платья. Такого холода никогда переживать не доводилось – промерзли до самых печенок. Но доиграли.

- Как долго продолжался этот экстрим?

- Лет восемь. Потом ситуация стала налаживаться, благодаря нашему директору Николаю Николаевичу Свентицкому, финансовой поддержке Бидзины Иванишвили. В чести грибоедовцев, дотации разделили не только между актерами, а между всеми сотрудниками – рабочими сцены, билетершами, уборщицами. Не были обделены ветераны сцены. А это о многом говорит. Наверно, ни один из сотрудников нашего театра не может пожаловаться, что к нему отнеслись без внимания в горе и в радости. Мы постоянно ощущаем всемерную поддержку от нашего руководства. А это очень важно. Поэтому и ситуация сложилась благоприятная. Тандем – директора Свентицкого и худрука Автандила Варсимашвили дал впечатляющие результаты. Николай Свентицкий постоянно проводит масштабные проекты, которые имеют международный резонанс. Заслуга Автандила Варсимашвили не только в его замечательных постановках, но и в том, что он пригласил в труппу из грузинских театров много талантливых актеров, владеющих русским языком. Это было необходимо, так как театр испытывал дефицит в исполнителях.

- Тем не менее, актеры народ амбициозный. Неужели, нет обычных для театра...

- Интриг, вы хотите сказать? Мне кажется, что стереотип о том, будто театр – это место, где только и жди шпилек от завистников, сильно преувеличен. Интриг в

▼ Сцена из спектакля «Точка зрения»

▲ «Достоевский.ru»

▲ «Гроза»

театре не больше и не меньше, чем в учительской или редакции. А вот закулисные сплетни – востребованный товар для прессы. На самом деле, театром движут иные механизмы. Каждый режиссер заинтересован, чтобы на сцене был сильный состав. Никакие протезы здесь не помогут.

- А как же чувство соперничества, зависти?

- Сегодня у кого-то эффектная роль, завтра тебе поручат прекрасную партию – это естественный процесс. В настоящее время у нас появилось много новых актеров – свежая струя необходима театру. На сцене должна играть молодежь, она создает энергию, спектакли должны быть зрелищными, актеры – демонстрировать пластику движений.

- Вы наделили образ Вязопурихи пронзительной нежностью...

- В «Холстомере», по замыслу Варсимашвили, моя Вязопуриха выступает как символ единственной любви, сопровождающей главного героя, практически все время на сцене. Конечно, эта роль мне очень дорога, и я с огромным волнением подхожу к каждому спектаклю. Совсем не важно, большая роль или маленькая отведена тебе в постановке, каждая требует работы и шлифовки. В молодости мне отвели амплу «героини», а хотелось характерных, комедийных ролей. Такую роль мне поручил Сандро Товстоногов в постановке «Точка зрения».

- В вашем исполнении Кабат в «Хануме» не просто острохарактерная, а национально характерная сваха – чувствуется сочный колорит старого города. Насколько быстро вы сроднились с Тбилиси?

- Тбилиси покорила сразу, как у Беллы Ахмадулиной – «...поцеловал, околдовал на жизнь, на смерть и напоил быть вечным узником Метехи». Прекрасно приняла новая родня: я попала в семью настоящих интеллигентов, подлинных аристократов духа. Я очень быстро стала ощущать себя своим человеком в компании друзей мужа, полюбила своих домочадцев, тбилисский уклад. Мне в Тбилиси понравилось все – старинные особняки нашей улицы, соседи, шумный базар, солнце. А какая у нас была свадьба! Друзья до сих пор вспоминают ее с восторгом. Мы решили, что пригласим только молодежь, самых близких друзей, а таких оказалось человек восемьдесят. Стол был накрыт в модном в то время ресторане на Тбилисском море. Веселье уже бьет через край, и вдруг, перебивая шум и гам, под звуки доли

в зал входят красавцы в чохлах. И начинают кружить в танце так, будто мощные орлы спустились на грешную землю с заоблачных высот. Гости повскакали с мест и стали в восторге отбивать такт ладонями. Это Илико Сухишвили, отец Тенгиза – одного из ближайших друзей моего мужа, подарил нам восхитительный танец, специально приехав на другой конец города, чтобы пожелать нам счастья. Тогда я не умела танцевать картули, но невесту и жениха вытащили в центр зала, и пришлось пройтись в танце перед артистами легендарного ансамбля. Я счастлива, что сумела застать Тбилиси во всем блеске той удивительной поры, познакомиться с творческой элитой города, узнать и понять красоту души нашего города. Прекрасно встретили меня и в театре. В то время на сцене Грибоедовского блистали Наталья Бурмистрова, Тамара Белоусова, Валентина Семина, Мавр Пясецкий, Муся Кебадзе, Даниил Славин, Ефим Байковский. Правда, и тогда актеры старшего поколения сокрушались о былой славе нашего театра. Они с интересом восприняли приход новичков, сразу приняли нас в свою компанию, позволив насладиться не только партнерством на сцене, но и одарили нас своей дружбой. Постоянно приглашали к себе на посиделки Мавр Пясецкий и его жена Муся Кебадзе. Маврик называл их «девичниками», встречал нас в переднике и сообщал, что сегодня побалуется чем-то особенно вкусеньким. Но самыми притягательными были, конечно, не кулинарные изыски, а замечательная атмосфера этих вечеров, на которых собирались Тамара Белоусова, главный художник театра Евгения Донцова, заведующая труппой Нона Плотникова, актрисы Белла Белецкая, Нелли Килосанидзе, Лариса Крылова, Валентина Воинова.

- Словом, после Москвы вы не чувствовали себя обделенной обществом, не считали, что попали в провинцию?

- Какая провинция! Петр Фоменко ставил спектакль, в котором мне дали первую роль через два месяца после приема на работу. Это была постановка «Дороги цветов» Валентина Катаева. Актерский состав был очень сильный – в спектакле были заняты Белоусова, Славин, Юрий Васильев, Лариса Крылова. Главную роль Фоменко поручил Арчилу Гомиашвили, хотя уже ходили разговоры о том, что актер собирается переезжать в Москву. Фоменко настолько упорно предупреждали, что Гомиашвили его подведет, что, в конце концов, режиссер не выдержал и открытым текстом за месяц до

▲ «Холстомер. История лошади»

премьеры спросил у Арчила:

- Ты меня подведешь?

- Только, если умру! - ответил Гомиашвили.

И улетел в Москву за две недели до премьеры. Фоменко срочно ввел в спектакль Джемала Сихарулидзе, который великолепно сыграл Завьялова.

- Это был первый спектакль Фоменко в Грибоедовском? Как вообще мэтр оказался в Тбилиси?

- В Москве Фоменко не давали работать, закрыли несколько его спектаклей. Гига Лодкипанидзе протянул опальному режиссеру руку помощи, пригласив его в Грузию. Петр Наумович поставил в Тбилиси два спектакля – первой постановкой стал «Свой остров». Он проработал в нашем театре два года, а потом вернулся в Москву. Недавно из Москвы приезжала съемочная группа – ученики Фоменко снимают о мастере фильм, в который включили рассказ о тбилисском периоде его творчества. Интервью дали уже болевший Гига Лодкипанидзе, драматург Петр Хотяновский, Валя Воинова и я.

- Каково было работать под руководством Фоменко?

- Необычайно интересно! Он весь искрился умом, юмором, иронией. Это было упоительно, но достаточно трудно, потому репетиции длились с десяти утра до шести-семи вечера. Фоменко вникал во все тонкости и детали. Он буквально «дрессировал» исполнителей. Сам руководил художественным оформлением спектакля, сам выбирал костюмы, показывал актерам походку их героев, интонации, жесты. Константин Райкин метко отметил, что Фоменко делал недопустимые вещи, но делал это настолько гениально, что противиться ему было невозможно, надо было только принимать диктат мастера.

- Ваш сын, Давид Мгебришвили, избрал профессию режиссера. Не задумывались над тем, чтобы сыграть в его постановке?

- Он категорически против. В вопросах творчества Дато становится непреклонным. Иногда рискую ему что-то советовать, но мой сын не принимает никаких компромиссных вариантов. Отвергает всяческие попытки облегчить восприятие спектакля. Считает, что недопустимо идти на поводу потребностей зрителя. По его мнению, развлекаться можно в другом месте. У театра другие, более высокие функции. Он прав, но это нелегкий путь.

- Вполне закономерный, наследственный максима-

лизм. А кто оказал на вас самое большое влияние?

- Конечно, Бабочкин.

- Чапаев!

- И вы туда же! Эта роль стала для него и знаковой, и роковой. Внешне в нем ничего не было от Чапаева. Он был изысканным, утонченным до мозга костей. Джентльмен, прекрасно одетый, с безукоризненными манерами и белоснежными крахмальными носовыми платками. Обладал сумасшедшей актерской энергетикой. Человек глубокой культуры и обширных знаний. Но при всей своей интеллигентности, он был остер на язык, умел нанести разящий удар оппоненту, заставить считаться с его мнением, был строгим руководителем. На нашем курсе учился один очень перспективный молодой человек. Он привык быть баловнем успеха и однажды на репетиции насильно поцеловал партнершу. Завязалась ссора, и парень дал пощечину девушке. О случившемся узнал Бабочкин. Он вошел в аудиторию белый, как мел, и велел хулигану собирать вещи. Обидчик был отчислен из ВГИКа и не восстановлен, хотя за него многие заступались, включая Герасимова. Уже после окончания ВГИКа мы однажды встретились с сокурсниками. Стали вспоминать наших учителей. Кто-то отметил, что даже в мелочах Бабочкин умел подать себя красиво: «Помните, как он картинно держался за сердце, когда останавливался, чтобы передохнуть на лестнице?» Некоторое время спустя наш любимый мэтр скоропостижно скончался за рулем. Он успел нажать на тормоз и остановить машину у «Метрополя», но не успел дотянуться до нитроглицерина в кармане. Узнав об этом горе, я вылетела в Москву, пришла накануне похорон к его жене Екатерине Михайловне в осиротевшую квартиру в высотном здании, в котором размещалась гостиница «Украина» и жили столичных знаменитостей – в том же доме обитал Сергей Аполлинариевич Герасимов. Мы заплакали, пошли пить чай, и дочь Бабочкина сказала: «Представляешь, у папы не осталось сердца в обычном понимании – сплошные рубцы!» Считалось, что у Бориса Андреевича было три инфаркта. Оказалось, что еще десять он перенес на ногах. «Картинно, останавливаясь на ступеньках», - про себя подумала я.

- Что для вас главное в человеке, помимо порядочности, доброты и прочих добродетелей?

- Способность оставаться самим собой. Актеры иногда заигрываются, трудно определить, где заканчивается правда и начинается «притворство по призванию». Только большим личностям дано становиться неповторимым в жизни, а таких – единицы.

- Вы не пробовали писать воспоминания?

- У нас в семье, мне кажется, талант писательства достался внучке – все время что-то пишет, вроде хорошо получается. Поскольку у старшеклассников график достаточно напряженный, надо иметь волю и стремление, чтобы успевать писать помимо сочинений на заданную тему еще и собственные.

- Есть надежда, что внуки продолжают творческую династию семьи?

- Пока не ясно. Они хорошо учатся, владеют иностранными языками. Продвинутые пользователи компьютеров, планшетов и прочих современных штучек. Надеюсь, что они увлекутся науками, или еще лучше - медициной. Но кто знает, как сложится их жизнь. Я же сама в их возрасте неожиданно круто изменила свои планы.

- Не жалеете?

- Нет, повторила бы все сначала.

Ирина ВЛАДИСЛАВСКАЯ

ВОРОТА ЗИМЫ

Что такое осень? Это небо,
Плачущее небо под ногами.
В лужах разлетаются птицы с облаками,
Осень, я давно с тобою не был...

Ю. Шевчук

Давно ставшая классической «формула» из «Евгения Онегина»: «...приближалась/ Довольно скучная пора;/ Стоял ноябрь уж у двора...»

Итак, ноябрь – сентябrev внук, октябrev сын, зиме родной батюшка. А еще – это сумерки года, полужимник, листоной, грудень... Первую половину месяца называют предзимьем, вторую – первозимьем.

*У Казанской Божьей Матери
Дивно светел вечный взгляд,
Жены, дочери и матери
Перед ней с мольбой стоят.
(Сергей Городецкий)*

До Казанской не зима, а с Казанской не осень.

4 ноября со дня освобождения Москвы в Смутное время, на Руси принято отмечать осенний день Казанской иконы Божией Матери (день обретения празднуют в июле).

В народе верят, что коли на Казанскую небо заплачет, то следом за дождем и зима придет.

В Москве с 17 века существует первое упоминание о Казанском храме, где хранился почитаемый чудотворный список иконы Казанской Божией Матери. По приказу властей в 1936 году храм сравняли с землей. Собор был восстановлен и освящен Патриархом Московским и Всея Руси Алексием II 4 ноября 1993 года.

В Санкт-Петербурге в честь и для хранения списка святого образа в начале 19 века на Невском проспекте по проекту архитектора А.Воронихина был построен Казанский собор.

5 ноября вспоминают апостола Иакова, называемого братом Господним. Есть версия, что Иаков был двоюродным братом Иисуса Христа. *Затвердила сорока Якова одно про всякого.* В этот день традиционно устраиваются «пчелиные игры» - едят мед, пряники медовые, подражая пчелам жужжат, гостей медовухой потчуют. И принято было ею угощать молодоженов. Отсюда и выражение – *медовый месяц*. Молодые в день свадьбы в подарок получали бочку со слабоалкогольным медовым напитком и в течение 30 дней должны были осушить ее до дна.

А еще существовал обряд «закармливания» Земли-матушки – разламывали остатки накануне выпеченного «казанского пирога» и отдавали на съедение птицам, чтобы те пением своим выпросили добрый урожай на будущий год.

8 ноября – *Дмитриев день* – зима уж лезет на плетень.

Истари есть народная примета: *Дмитрий на снегу – весна поздняя, да и Пасха со снегом.* Накануне Дмитриевской субботы служат панихиду по всем усопшим. На могилах устраиваются тризны – поминки. Этот поминальный день установлен по благословению Сергия

Радонежского в честь победы Дмитрия Донского над Мамаем в Куликовской битве.

11 ноября – день Анастасии-овчарницы (она же Настасья-стригальница) и Аврамия-овчара. Существуют загадки: *Не прядет, не ткет, а людей одевает* или *По горам, по долам ходит шуба да кафтан*. Этим древним животным – овцам, покровительствуют святые Анастасия и Авраамий, а последний хранит овечьих пастухов. Угощают в этот праздник всех гостей, а также бедняков, но особое уважение – овчарам. Пастухи брали с собой на пастбище икону святой Анастасии, верили, что она поможет уберечь стадо от волков и других хищников. В некоторых регионах после 11 ноября разрешалось начинать стрижку шерсти, из которой на зиму пряли и вязали теплые вещи.

Овчина – это особым способом обработанная для смягчения овечьей шкура, пригодная для шитья верхней одежды. Обработка шкур забирала много времени и сил, потому, если работа была не на высоте, то и говорили Овчинка выделки не стоит или Худая овчинка вычинки не стоит, что означает впустую потраченное время.

Хвалилась синица хвостом море зажечь. Наделала синица славы, а моря не зажгла.

12 ноября на Зиновия-синичника подкармливают пернатых – насыпают в кормушки зерно и семена.

Кузьминки – об осени одни поминки отмечают этот праздник 14 ноября. Это – день кузнецов. *Закует Кузьма-Демьян, до весны красной не расковать*. Святые

Кузьма и Демьян были кузнечных дел мастера, за работу не брали ни копейки, не зря называли их бессребрениками. Еще их считают покровителями женского рукоделия.

Трех святых почитают на Руси как Ледоставов: Павла Исповедника, Варлаама Хутынского (19 ноября). Про них есть поговорка: *Встретились два друга – звон-мороз да бела вьюга*. Отмечают 19 ноября и день Клавдии-хромоножки. Имя Клавдия в переводе с латыни означает – хромая. Клавдия заботится о домашней птице и скотине. Эта святая – прототип героини русской сказки про Крошечку-Хаврошечку.

Третий святой – это Федот-Ледостав (20 ноября). *Мученик Федот лед ведет*.

Со дня Михаила Архангела зима морозы кует. С Архистратига небесного воинства скот принято переводить на зимний корм. В Михайлов праздник 21 ноября есть добрая традиция ходить к соседям в гости – от дома к дому, от стола к столу. Если в этот день выпадает снег, говорят: *Михайло приехал на белом коне*. На праздник случаются Михайловские оттепели и грязи.

22 ноября – Матрена наставница: *С Матрены зима становится*. «Едет зима, кует седые морозы, стелет по рекам ледяные мосты, сыплет из правого рукава снег, из левого – иней; бегут за ней метели, над мужиками потешаются, бабам в уши дуют, велют печи топить по жарче...» Говорят, что *Зима встает, убитая Михайловскими оттепелями*.

27 ноября – день одного из двенадцати учеников Христа Филиппа. Этот день зовется *Филипповками*, *Заговеньем* или *Куделицей*. В некоторых губерниях России устраивались проводы Филиппа – соломенное чучело, как и на Масленицу, ставили в поле и сжигали. Незамужним девушкам разрешалось гадать – брали кусок говяжьего мяса и на ночь клали под подушку, призывая жениха «заговориться».

На Филиппово заговенье принято «подкармливать» на дворе домового и духов, защищающим домашний скот. А есть районы, в которых собирались всей семьей и завязав ниточкой тараканью ножку (так, чтоб не оторвать), выволакивая, изгоняли из домов этих надоедливых насекомых.

После Филипповок берет начало *Рождественский (Филипповский)* пост. Его еще называли по языческой традиции *Карачуновским*. Карачун – подземное божество, ассоциирующееся с тьмой и ночью длинного в год. Его слугами считались волки и медведи-шатуны.

На Матвеев день 29 ноября говорят: *На Матвея земля прееет* или *На Матвея зима потеет*. В христианской традиции это день поминовения Левия Матфея, одного из Евангелистов. По одной из версий считается, что он был предан мученической смерти в римской крепости Апасарос (современный Гонио, Западная Грузия).

Зима уже на носу – близятся декабрьские праздники, а за ними и Новый год. Осень еще радуется ласковым солнцем. Будем ей благодарны и за ее щедрые дары – урожай яблок, корольков, винограда, граната...

Еще со школы это «качество года» ассоциируется с поэзией Юрия Шевчука... Осень – частая гостья в песнях группы «ДДТ»...

*Уходят в последнюю осень поэты
И их не вернуть, заключены ставни.
Остались дожди и замерзшее лето,
Осталась любовь и ожившие камни
В последнюю осень...*

А что остается нам? Наблюдать «за тенью и светом...»

Алена ДЕНЯГА

▲ Али Исаев-Аварский

ТВОЙ СЫН, ЗЕМЛЯ

Эта история началась в прошлом веке. А кажется, что вчера...

Дагестан, земля гор. Горы высоки и бесконечны. Кто-то сказал, что горы разделяют, а моря соединяют. Сказал и ошибся. На Кавказе давно известно, горы – как большая цепь из прочных звеньев, связывает прочно и навсегда.

Небольшое село Орлиное Гнездо. Красное солнце медленно уходит за горизонт. Мальчик неподвижно стоит и смотрит на запад – до слез, не отводя взгляда. Солнце отражается в его больших влажных глазах... Да и как не смотреть? Мальчик знает, что за Кавказским хребтом находится заповедная страна. Ведь

сколько раз мама ему повторяла: «Сынок, там, где садится солнце, находится Грузия. Это рай земной. Если доведется побывать, поклонись этой благословенной земле».

Прошли годы – светлые и мрачные, счастливые и трагические. И вот со мной беседует необыкновенный человек. Безупречная осанка. Эмоциональная поэтическая речь. Небольшой акцент. Скорбная тень пережитых утрат и болей на лице. А в глазах по-прежнему отражается закатное солнце. «За Алазанской долиной, за Кахетинской вершиной, за грозowymi тучами мое орлиное гнездо...»

Судьба Али Исаева-Аварского, заслуженного артиста Грузии, почетного гражданина Тбилиси, кавалера Ордена Чести, полна случайностей. Впрочем, как давно сказано, кто верит в случай, тот не верит в бога.

Его детство прошло в самом сердце Нагорного Дагестана. Жили тяжело, небогато. Большая семья рано осталась без матери. Отец был стар, и мальчик с восьми лет узнал, что значит самому зарабатывать на хлеб. Но дети есть дети – им хочется играть. Любимой забавой было хождение по канату. Али не просто ходил – он научился бегать по канату, и даже танцевать на нем. Казалось, вот-вот он исполнит мечту матери, которая очень хотела, чтобы сын стал танцором. Но все сложилось иначе. Он уехал в Россию. Откровенно признается: «После смерти мамы мне, подростку, было трудно и горько оставаться там, где все напоминало о ней. Утрата была слишком тяжелой».

Али долго колесил по российским городам и весям. Дважды женился. Оба раза – неудачно. Патриархальный, в лучшем смысле слова, взгляд Али на семью

никак не совпадал с легкомысленным поведением жен – избалованных дочек высокопоставленных чиновников. Посты и чины тестей для Али были не важны, а вот верность, преданность и искренность в семье он ценил превыше всего. Если этого нет, значит, нет и семьи. Пережив последнее расставание в Новосибирске, Али решил: все кончено, возвращаюсь в Дагестан и буду пастухом. Хотя справедливости ради заметим, что бывший тесть Али – русский офицер – прозорливо заметил: «Али, до Дагестана ты не доедешь. Пасти овец – не твоё дело».

Но Али все-таки отправился в путь. И вдруг... Лицо матери ясно предстало перед ним, и он словно вживую услышал ее слова: «Сынок, поклонись Грузии». И по дороге на родину заехал в Тбилиси. Заехал на один день, а остался навсегда. Хотя в Грузии у него не было ни одного знакомого человека. Да, видно, не суждено ему было пасти овец. «Я почувствовал силу родного дома, увидел близких мне по духу, характеру и поведению людей. Все казалось удивительно красивым, привлекательным, приподнятым», - вспоминает Али.

Грузия праздновала 800-летие со дня рождения Шота Руставели. В Тбилиси съехались почетные гости со всех концов света. И Али, так случилось, сразу оказался в центре событий, среди тбилисской богемы. Но самое важное – в первый же день своего пребывания в Грузии он встретил Мзию Иашвили.

Ну как не вспомнить классическое: «За мной, читатель! Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви? Да отрежут лгуну его гнусный язык! За мной, мой читатель, и только за мной, и я покажу тебе такую любовь!»

Наверное, навсегда останется загадкой, каким об-

▲ С Мзией Иашвили и Разият Губахановой, праправнучкой Хаджи-Мурата

разом грузинская аристократка, золотая медалистка, выпускница консерватории и аспирантуры, кандидат наук с первого взгляда разглядела в бесприютном аварце в китайских босоножках с деревянным чемоданчиком в руках не только силу и талант, но и своего единственного человека. Видимо, это и есть судьба. Иначе говоря – суд бога.

После встречи с Мзией у Али все пошло по-новому, по-настоящему. «Меня словно бы вывели из темного тоннеля на яркий свет, к лазурному берегу», - вспоминает Али. Он обрел любовь, дом, семью. А еще – свой путь в кино и литературе. Получил высшее образование. Снял в 35-ти фильмах, в том числе у Сергея Параджанова, Резо Чхеидзе, Гиги Лорткипанидзе (в картине последнего «Клятвенная запись» он даже сыграл две роли!). Написал много стихов и рассказов – начиная с 1970-х годов в переводе на русский их публиковали в грузинских газетах и журналах. Его наставниками в кино стали Резо Чхеидзе и Эльдар Шенгелая, в литературе – Расул Гамзатов, Ираклий Абашидзе, Иосиф Нонешвили, Хута Берулава. Композиторы Нуну

Габуня, Сандро Мирианшвили, Важа Азарашвили, Тенгиз Джаиани писали музыку на его стихи. Да и вообще, круг его дружеского и профессионального общения был настолько широк, что я не рискую привести эти известные фамилии на журнальной странице – ее просто не хватит.

Главное, чему его учили мудрые грузинские наставники – это сохранять собственный национальный дух, особенности своей культуры. Али, в свою очередь, хватило вкуса и достоинства осознать, что быть дагестанцем – не только удел, но и стиль жизни. А Р.Гамзатов удержал Али в литературе, советуя не менять сферу деятельности, несмотря на заманчивые приглашения: «Оставьте эту экзотику в покое, - говорил Гамзатов, - Али еще скажет свое слово в литературе». И оказался прав.

Наверное, в этом горце с самого рождения сидел ген творчества. Надо было только заметить, а главное – поверить. Мзие это удалось. Она, как очень немногие женщины, очень редкие жены, умела не только поддерживать, но и воодушевлять. Именно поэтому каждый новый день был для Али шагом в будущее, покорением новой вершины, свершением.

Эта пара по сей день остается в памяти как одна из самых красивых и замечательных. Верность, соратничество, единомыслие, страсть и нежность – это все про них. Мзия успела познать счастье – у нее сбылись все мечты. Родился сын, Шамиль-Бека. Шамилем его назвал Расул Гамзатов, а имя Бека дал Иосиф Нонешвили. Членом семьи стала невестка Меги, появились внуки – Анна и Георгий. Сегодня они все – взрослые, состоявшиеся и, само собой, талантливые люди.

Мзия отдала мужу все. Даже свою жизнь. Али не

▲ Расул Гамзатов и Иосиф Нонешвили в гостях у Али

довелось чем-то жертвовать во имя любимой – он просто навсегда отдал ей свое сердце, а сейчас продолжает жить во имя Мзии, ее светлой памяти...

Ни на секунду не теряя духовной связи с Дагестаном, Али обрел новую родину – Грузию. «Для меня Дагестан и Грузия – два пика одной вершины, дети-близнецы одной матери. У меня две родины, и я живу под знаком двух культур», - не устает повторять Али. В тяжелые времена Али не раз предлагали уехать из Грузии. Он не смог. Ему было стыдно покидать страну, которая была к нему так добра...

Не все шло просто и безоблачно. Восток, конечно, дело тонкое. Но Кавказ еще тоньше. И знаменитая дружба народов не раз проходила серьезную проверку на прочность. Был трагический момент в недавней истории, когда отношения Грузии и Дагестана балансировали на лезвии ножа. И кто реально помог уладить назревающий конфликт? Представьте себе – Али Исав-Аварский.

Летом 1992 года, в самый разгар грузино-абхазской войны, Али получил приглашение стать делегатом

Первого международного конгресса соотечественников Дагестана в Махачкале. А в Грузии в это время творилось что-то ужасное – народы Северного Кавказа встали на защиту Абхазии, и вот-вот к ним должен был присоединиться и Дагестан. Али, с великим трудом собрав кое-какие средства на дорогу (это были годы тотальной безработицы, купонов вместо денег, без тепла и хлеба), отправился на конгресс. Его взволнованно напутствовали Резо Чхеидзе и Акакий Двалишвили: «Али, неужели родина Шамиля пойдет воевать против нас?» Волнение выдающихся грузин было понятно – стоит вспомнить, что отношения между Дагестаном и Грузией имеют богатое прошлое, давние культурные связи. Было время, когда в Дагестане у аварцев строились православные грузинские церкви и использовались грузинский алфавит.

С кем бы Али ни говорил в те дни в Махачкале, а это были видные деятели – Расул Гамзатов, академик Гаджи Гамзатов, генерал Магомед Тинамагомедов, летчик-космонавт Магомед Толбоев – все были едины в своем мнении: Дагестан не должен вступать в конфликт. Дагестанец Али понимал, что в то же время он – полпред Грузии и старался передать делегатам конгресса настроение грузинского общества, подчеркивая, что «главным оружием грузин остается любовь». В многочисленных интервью по телевидению, на радио, в прессе Али призывал сохранить «дедовский мост» дружбы между Грузией и Дагестаном.

На конгрессе случился примечательный эпизод. Перед закрытием с патетической речью выступил делегат из США – он высказал уверенность в том, что вскоре Кавказ станет единым. Али Аварский, надо сказать, хотя и мечтатель, но далеко не фантазер, а человек рациональный и здравомыслящий. Заявление американца, приехавшего в Дагестан впервые и всего на три дня, да еще с личным поваром, вызвало у него не только иронию, но и недоумение. Поэтому он немедленно попросил слова. Слово «грузину» (так Али называют в Дагестане) дали. «Господин Магомед, – спросил Али, – у вас большая семья?» - «Большая, нас двадцать человек». - «В семье у вас полное согласие?» - «Да нет». - «А почему?» - «У каждого свои интересы. Кто-то хочет уехать, кто-то – остаться, кого-то заработок интересует, кто-то фамилию менять надумал... Да мало ли!» - «Может быть, вам стоит попробовать сперва объединить свою семью, а уж потом – весь Кавказ?» Зал взорвался овацией...

Али уверен в том, что Кавказ объединить невозможно – слишком сильны различия, серьезны разногласия. Но, тем не менее, это единый организм. И Али мечтает о создании Кавказского парламента. Он уверен, что подобный парламент стал бы громоотводом для всех гроз на Кавказе. Вот тогда и произойдет настоящее объединение – не на словах, а по-настоящему, на деле. «Об этом мечтал имам Шамиль. Еще не поздно».

Стремлением к единству полны его сборники «Да-

гестанская ветвь на грузинском дубе», «Счастливого пути!», «История одной любви», рассказ «Клятва молодого горца», автобиографический трехтомник «Край, где господствует любовь», сборник-билингва «Зов сердца, зов крови», киноповесть «Орлиное Гнездо», изданная на трех языках – грузинском, русском, английском. Кстати, сюжет об Орлином Гнезде в свое время заинтересовал Сергея Параджанова.

Главное детище Али Аварского – художественно-документальная киноопея «Формула притяжения. Дагестан и Грузия». Автор сценария и ведущая – Мзия Иашвили, режиссер – Али Исаев-Аварский. Главный консультант – Расул Гамзатов, художественный руководитель – Резо Чхеидзе.

В начале работы над фильмом весомую помощь оказали Зураб Церетели, Леван Тедиашвили, Автандил Иашвили. В 1998 году по Грузинскому телевидению была показана первая серия. И тут случилось горе – внезапно, в расцвете сил, скончалась Мзия... Не успел Али немного оправиться от несчастья, как последовало новое – ушел из жизни его главный учитель и наставник Расул Гамзатов. Лишь осознание того, что фильм должен стать символическим памятником любимым людям, позволило Али продолжить работу. Она длилась 15 лет... Али занимал деньги, рисковал собственным имуществом. Шутил: и долги растут, и награды прибавляются. Хотя какие уж тут шутки – чтобы закончить работу, Али заложил в банке собственную квартиру. В конце концов от нервного перенапряжения у Али случился инсульт. Он выкарабкался. И по сей день благодарен врачам-кудесникам, вытаскившим его с того света, да и сейчас не оставляющим без внимания и помощи – профессорам медицины Ираклию Мегреладзе, Роману Шакарашвили, Рамазу Курашвили, Лауре Манагадзе, Дмитрию Кордзея.

Али уверен, что раз его вернули к жизни, значит, его жизнь чего-то да стоит. И надо продолжать работать. Он снял три серии «Формулы притяжения»

▲ С Борисом Хмельницким

- «Расул Гамзатов и Грузия», «Грузия глазами дагестанцев», «Дагестан глазами грузин». «Фильм сделал свое дело, – уверен Али, – сохранен мост дружбы и братства наших дедов, и в будущем скажет еще больше». Героями картины стали более ста дагестанцев и грузин. Критерий, по совету Гамзатова, был только один – выбирать достойных людей с чистым прошлым. Ими стали: со стороны Дагестана, конечно, сам Расул Гамзатов, а также академик Гаджи Гамзатов, генерал Магомед Тинамагомедов, летчик-космонавт Магомед Толбоев, журналист Гаджи Абашилов, чемпион мира по вольной борьбе Магомедхан Арацилов, с грузинской стороны – Патриарх-Католикос всея Грузии Илия II, Зураб Абашидзе, Зураб Церетели, Гурам Панджи-

▲ С Робертом Стурра. Али и сын Бека

▲ «Кавказский пленник»

▲ «Клятвенная запись»

кидзе, Джансуг Чарквиани, Важа Азарашвили, Леван Тедиашвили, Джано Багратиони, Вахтанг Кикабидзе, Вахтанг Балавадзе и многие-многие другие. Стоит увидеть и услышать, с какой любовью герои картины говорят о своем общем доме – благословенном Кавказе. Картина вызвала интерес публики и серьезные оценки профессионалов. «Этот фильм выше политики, потому что насыщен любовью», - говорил Резо Чхеидзе. Гига Лорткипанидзе был уверен, что «это безумно важная и талантливая работа. Настанет время, когда политические и экономические препятствия будут уничтожены благодаря таким людям, как Али и Мзия». Сказал свое слово и Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II: «Вы делаете нужное и важное дело для всего мира. Дагестанцы и грузины – близкие, дорогие друг другу люди».

Фильм был презентован на самых престижных площадках Грузии. Одна из самых ярких встреч состоялась в Тбилиском государственном университете, где Али Исаев-Аварский представил трехтомник «Край, где господствует любовь» и третью серию «Формулы притяжения». Четыре часа длился праздник дружбы и искусства, аудитория аплодировала стоя. В поздравительной телеграмме, подписанной Джано Багратиони и Резо Чхеидзе, говорилось: «Это великолепная книга! Это великолепная победа! Наша эпоха тяжелая, кровавая, а Али поет о любви. Молодец!» Не менее значимые презентации прошли в Союзе архитекторов, а затем – в Совете женщин Грузии, возглавляемом академиком Мзекалой Шанидзе. Теплые и трогательные слова произносили Алла Дудаева, Манаба Магомедова, Тамаз Шилакадзе, Гиви Сихарулидзе, многие дру-

▲ С Резо Чхеидзе

гие видные деятели грузинской культуры. Заслуженный педагог Грузии Натела Гамбашидзе призналась: «После знакомства с Али мои внуки сказали, что если бы таких людей, как батони Али, было больше, наверное, не было бы войн! Есть над чем подумать – ведь это сказано детьми. А дети очень наблюдательны и искренни».

Сегодня, когда в отношениях Грузии и России намечается долгожданное потепление, Али готов продолжить работу над фильмом «Формула притяжения» и приступить к съемкам четвертой серии, которая будет посвящена единству и взаимному притяжению русского, грузинского и дагестанского народов.

Если бы мне пришлось охарактеризовать Али Исаева-Аварского одним словом, я бы сказала, что он – миротворец. Именно такие люди – талантливые и добрые бесребреники и энтузиасты могут быть гарантами мира. Хочешь мира – готовься к войне, говорили древние римляне. Али признает другие правила: хочешь мира – живи в мире. А еще он часто вспоминает бабушкин завет: «Берегите то, что не горит в огне, - совесть». Старомодный и единственно правильный завет...

Недавно в «Русском клубе» состоялась встреча с Али Исаевым-Аварским. Он горячо говорил о прожитом, наболевшем, делился планами... Мы спросили его, о чем он мечтает. «Самое важное – сохранить Грузию, эту священную, кровью пропитанную землю, где покоятся наши предки. А для этого только и нужно – чтобы кто-то кому-то уступил. Что может нас спасти? Только любовь, единство и дружба».

Али - человек, чье обнаженное сердце переполнено любовью. К людям, к своим двум родинам – Грузии и Дагестану. И с какой-то горечью становится ясно, что ему словно бы некуда деть эту любовь. «Что мне сейчас остается? - с горечью говорит Али. - Только умереть стоя...»

Вы только подумайте – последние 20 лет Али Исаев-Аварский только и делает, что тратит, вкладывается. Раньше платили ему, чтобы он играл и писал. Теперь платит он, чтобы играть и писать. Ей-богу, это странно для артиста, увенчанного высокими государственными званиями и наградами. Но Али продолжает оставаться в искусстве, ибо по-другому жизни своей не представляет.

Сейчас по состоянию здоровья Али необходимо выехать за рубеж на серьезную операцию. «Когда вернусь, обязательно буду экранизировать свое «Орлиное Гнездо», - обещает Али. - Я еще не все сказал о нашем доме – Кавказе. Я буду не я, если не сниму эту картину. Если все сложится хорошо...»

Земля, это твой сын. Будь к нему милосердна...

Нина ШАДУРИ

«НЕ МОГУ ЖИТЬ ВДАЛИ ОТ ВАС»

«Подобным чувствам нет удовлетворительного выражения: они глубже и сильнее – и неопределеннее всякого слова. Музыка одна могла бы их передать». На такой щемящей ноте завершается волнующий любовный сюжет Тургенева в повести «Вешние воды».

Надо ли говорить о том, какое место занимает музыка в произведениях великих русских писателей?

«Для меня – музыкальные наслаждения выше всех других», - признался Тургенев в письме. Музыка проникла во все его творчество. В поздних произведениях она обретает мистическое значение («Песнь торжествующей любви», «Призраки», «Клара Милич»). Но к какому жанру не обращался бы писатель, в каких социальных кругах не разворачивались его сюжеты, в них почти неизменно фигурирует homo cantor – певец, чаще певица, или исполнитель на музыкальном инструменте. Из отношения к музыке зачастую создается пред-

ставление о духовном облике персонажей – вспомним Рудина, Лаврецкого, Паншина.

Вдохновительница Ивана Тургенева, его Эвтерпа, меццо-сопрано Полина Виардо. Афиши ветшают, имена артистов стираются в памяти, но имя Виардо вот уже третий век хранится в сознании всех, кому дорога русская литература. Кем же была эта женщина – злым гением, охраняющим неизбывное одиночество романиста, верным и преданным другом, тонко чувствующим исповедником? «Я не могу жить вдали от вас, я должен чувствовать вашу близость и наслаждаться ею. День, когда мне не светили ваши глаза, - день потерянный». И в то же время: «Я подчинен воле этой женщины... Она заслонила от меня все остальное, так мне и надо. Я только тогда блаженствую, когда женщина каблуком наступит мне на шею и вдавит мое лицо носом в грязь». Близкий к Тургеневу Полонский был убежден: ему нужна была такая женщина, под давлением которой он постоянно пребывал бы в состоянии подавленности, постоянно колебался, мучился ревностью. В то же время А.Панаева вспоминала, как «громкогласно всюду и всех оповещал Тургенев о своей любви к Виардо».

Писатель не сомневался, что своей растущей популярностью более всего обязан Полине. Перед премьерой комических опер Полины по своим произведениям он повторял ее имя, уверенный, что оно принесет успех. Сама Виардо заявляла о своем воздействии на творческий процесс северного друга. «Ни одна строка Тургенева не попадала в печать прежде, чем он знакомил меня с нею. Вы, русские, не знаете, насколько обязаны мне, что Тургенев продолжает писать и работать». Виардо рано сошла со сцены. Чувствуя охлаждение публики, после сорока лет она уже не выступала. Но Тургенев упорно не хотел признавать ее закат, при-

нимая его за зенит, и нещадно бранил петербургских меломанов за глупость и невежество. Правда, в поздних воспоминаниях измученного болезнью писателя мелькает фраза о «разбитом голосе подруги», который доносится из соседнего помещения, но за три года до смерти он посвятил ей стихотворение в прозе «Стой» - ликующий гимн нетленности творческого гения. «Стой! И дай мне быть участником твоего бессмертия, урони в душу мою отблеск твоей вечности!»

Что известно современному читателю о Полине Виардо – Гарсия? Академик Б.Асафьев считал, что Тургенев и Виардо были во многих отношениях пионерами русской музыки во Франции. Однако, связь Виардо с Россией определилась от рождения: ее крестной матерью была княгиня Прасковья Андреевна Голицына (отсюда и имя – Полина). Но такая причастность к старинной аристократической фамилии (крестная мать, по церковным понятиям, почти родственница) не произвела впечатления на мать Тургенева, Варвару Лутовинову, даму из высшего общества. Способная и образованная, и, вместе с тем, известная жестокостью вздорная и спесивая крепостница, она была крайне возмущена завязавшимися отношениями сына с «проклятой цыганкой». Любимец матери Иван Сергеевич был ввергнут в жесточайшие материальные условия, хотя госпожа Лутовинова вынуждена была признать редкий талант певицы.

Отчего Варвара Петровна нарекла несостоявшуюся невестку «проклятой цыганкой?» Может быть, в память о Консуэло, героини романа Жорж Занд, дочери цыганки и неизвестного отца, которой предназначено было стать великой певицей (роман вышел за год до знакомства Ивана Сергеевича с Виардо)? О Консуэло, прообраз которой – Полина Виардо, ближайшая подруга Жорж Занд? А может быть, значение имело то, что отец Полины Мануэл Гарсия родился в цыганском квартале Севильи, хотя, как известно, свою дальнейшую жизнь он связал с Парижем. Удивительно, но данное Варварой Петровной прозвище, по-видимому, навсегда осталось в сознании Тургенева. «Цыганка!» - обозвал мысленно Яков Арбатов поразившую его певицу, и «худшего выражения он не мог придумать» («Клара Милич»). Но знала ли мать Тургенева о семье Полины? Могли ли кичливые Лутовиновы соперничать со славой, которая венчала членов ее семьи в Европе и Америке? Глава семейства Гарсия Мануэл дель Попола Висенте был известен как знаменитый гитарист и композитор. Песни его распевала вся Испания, и число написанных им комических опер дошло до сорока. Сочинял он и небольшие музыкальные комедии – тонадильи. Отрывок из тонадильи «Мнимый слуга» Бизе использовал в опере «Кармен».

Мануэл Гарсия пел на всех европейских сценах. Он исполнил главные роли в парижских премьерх опер Россини «Севильский цирюльник» и «Елизавета, королева английская». Его вторая жена, талантливая Хоакина Сирес, известная меломанам как пианистка, была признана лучшим украшением Мадридского драматического театра. Позже в ней пробудилась оперная певица. Она заявила о себе после знаменательной для семьи Гарсия «американской эпопеи» (1826), когда дон Мануэл проникся идеей показать Новому Свету неизвестную в тех местах итальянскую оперу, ею стал «Севильский цирюльник». Этот смелый замысел удалось осуществить не только благодаря энергии его инициатора, но и подвижнической поддержке членов семьи. В опере Россини Мануэл Гарсия пел Альмавиву, сын его, Мануэл-младший – Фигаро, Хоакина Сирес – Бертю, а старшая (судя по всему, от предыдущего брака) дочь, 18-летняя Мария, в будущем знаменитая Малибран (по фамилии мужа), пела Розину. Полина в спектакле не участвовала, ей было всего пять лет. Вскоре после этого Лоренцо да Понте, знаменитый либреттист

опер Моцарта, встретившись с Гарсия, уговорил его поставить в Нью-Йорке оперу «Дон Жуан». Спектакль прошел почти в том же семейном составе. Задача Хоакины Сирес на этот раз усложнилась, она исполнила партию Эльвиры; ее супруг предстал в баритональном репертуаре в заглавной роли, Мария была Церлиной, а Мануэл-младший – Лепорелло.

Глава семьи Гарсия был также выдающимся педагогом по вокалу; по его инициативе в разное время в Лондоне и Париже открывались школы пения. Обе дочери и сын стали его учениками; за их образованием он очень следил. Так, Полина занималась игрой на фортепиано под руководством Листа. В отличие от нее Мария, также способная и к композиции и рисованию, к тому же замечательная красавица, не проявляла усердия в занятиях, часто была непредсказуема и, уже прославившись на европейских сценах, продолжала вызывать возмущение сурового и требовательного отца своей несерьезностью. По-видимому, безудержность нрава и была причиной ее смерти в 28 лет от падения с лошади, что вызвало сочувственный отклик во всей Европе. Второй муж Марии Малибран, знаменитый скрипач и известный композитор Шарль Берио, временами выступал с супругой во время гастролей. Он позаботился о посмертном издании пьес жены в сборнике «Dernières pense'es musicales de Marie – Fe'licite Garcia de Beriot». Эти опусы временами включала в свои концерты Полина. На смерть М.Малибран Альфред де Мюссе откликнулся одним из лучших своих стихотворений, а через сто лет после смерти певицы была поставлена опера композитора Баннетта «Мария Малибран».

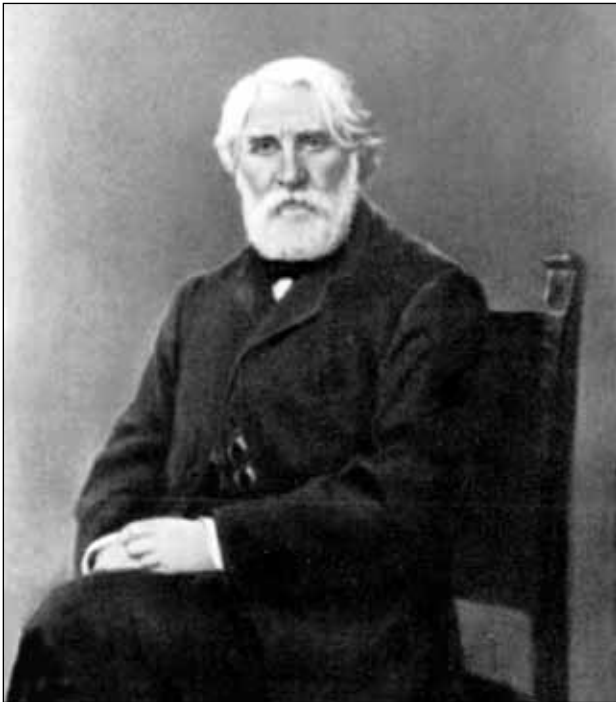
Сын Гарсия, Мануэл-младший, вошел в историю музыки как музыкальный просветитель и преподаватель вокала. Критически относясь к своим певческим способностям, видимо, на фоне выдающихся голосов отца и сестер, на каком-то этапе он оставил сцену и всецело ушел в преподавание вокального мастерства сначала в Парижской консерватории, затем в Лондонской королевской музыкальной академии. Многие его ученики стали гордостью певческого искусства 19 и начала 20 века (родившись в 1805 году, маэстро прожил

▼ Полина Виардо

101 год). Дон Мануэл стал ученым, изобретя ларингоскоп – прибор для обследования горла. Его задачей было изучение особенностей физиологии певческого аппарата, взаимосвязи голосовых связок с процессом образования певческого голоса. Свое открытие Гарсия не собиравшись афишировать, однако Кенигсбергский университет присудил ему почетную степень доктора.

К такому семейству принадлежала околдовавшая молодого Тургенева Полина. Она прекрасно рисовала; об этом позволяет судить проникнутый экспрессией портрет молодого Тургенева; очевидцы вспоминали, что с холста смотрел красавец с узким лицом, благородными чертами и пылающими глазами. Музыкаль-

▲ Иван Тургенев

ным сочинительством Полина занималась всю жизнь. Ее оперы принадлежат к комическому жанру, а романсы чаще всего писались на стихи русских авторов – Пушкина, Фета, Тютчева, Лермонтова, Кольцова, Тургенева. В память о художественной дани русской поэзии и исполнении русских романсов (наибольшее впечатление производил «Соловей» Алябьева) Тургенев подарил певице кольцо-талисман Пушкина и медалью с прядью поэта.

Тургенев специально не обучался музыке, что необычно для выходца из российской дворянской семьи. Но, страстно ее любя, он изучил это искусство настолько, что в своих отзывах воспринимается как тонкий и высокообразованный музыкант, и судя по выступлениям в прессе, профессиональный критик.

Тургенев впервые увидел Полину Виардо в «Севильском цирюльнике». В 1843 году она дебютировала в Петербурге в роли Розины. «Ваша жена, я не скажу – величайшая: это, по моему мнению, единственная певица в мире», - писал Тургенев уже в первые дни знакомства мужу Полины Луи Виардо, руководителю итальянской труппы в Париже, известному литератору, художественному критику и переводчику. Мне не удалось выяснить, когда опера Россини впервые была показана на русской сцене, но она была хорошо известна петербургским меломанам задолго до приезда Рубини (тенор), Тамбурини (баритон) итальянской труппы, в которой и начала выступать Виардо. О том, как популярна была в Петербурге музыка Россини, можно заключить по литературе того времени. Так, невольник моды

граф Нулин, промотав свое состояние, возвращается из Парижа «с мотивами Россини, Пера». Слушателем оперы Россини представлен Евгений Онегин в «Отрывках из путешествия» с прекрасным портретом автора музыки. Вспомним также эпизод из повести Достоевского «Белые ночи», где квартирант приглашает Настеньку с бабушкой в театр. «Севильский цирюльник» - закричала бабушка, - да это тот самый «Цирюльник», которого в старину давали (...). Я сама (...) в домашнем театре Розину играла».

Описание выступления Виардо перед столичной публикой, на первый взгляд, поражает несоответствием внешности певицы с обликом красавицы Розины, за которой увивался граф Альмавива. Часто приходится читать, что она была не просто некрасива, но чудовищно некрасива. Однако при первых же звуках актриса превращалась в волшебницу, завораживающую каждым звуком бархатистого голоса потрясающей красоты, каждым вздохом, движением.

Полина Виардо и ее отношения с Тургеневым определили не только жизненный путь великого писателя, но и фабулу в его сюжетах. Ее черты угадываются в образе разлучницы, обрекающей героя на жизнь без семьи и медленное угасание в старости. Это и Марья Николаевна, взявшая «мертвой хваткой» юного Санина («Вешние воды»); и балерина из «Переписки», холодная стяжательница; и далекая от нравственности Варвара Павловна из «Дворянского гнезда». Лишь однажды Тургеневу одарил героя личным счастьем – в романе «Дым». Однако, Татьяна, одна из светлых героинь Тургенева, к которой, пройдя страдания, с покаянием возвращается Григорий Литвинов, в художественном отношении значительно уступает своей сопернице Ирине, воплощению зла и коварства.

Этим женским образом соответствует галерея автопортретов, запечатленная в роковых героях Тургенева – безвольных, нерешительных, отворачивающихся от тех, кто безоглядно отдался пробужденному им чувству.

Правда, писатель пощадил Джемму («Вешние воды»), дав ей познать семейное счастье, и Наталью Ласунскую, утешившуюся в браке с Волынцевым. Но в других случаях исход героинь трагичен. Так, Сусанна, распознав истинное лицо Фустова, кончает самоубийством («Несчастливая»). Верочка из «Фауста» сгорает в пламени нахлынувшего чувства. Самоубийцей становится и Клара Милич. Иногда такие образы связаны с реальными участницами любовных историй автора, как правило, прерываемых в разгаре отношений. Такова Ольга Тургенева. Ее знаменитый кузен, имея самые серьезные намерения, в решающий момент уехал в Париж, став причиной тяжелой болезни Ольги. По мнению знатоков, эта несостоявшаяся невеста – прототип философствующей героини «Переписки». Пробразом Верочки из «Фауста» многие считают Марию Николаевну Толстую, сестру Льва Николаевича. «...одно из привлекательнейших существ, какие мне удавалось встретить. Мила, умна, проста, глаз бы не отвел. Давно не встречал столько грации, такого трогательного обаяния», - писал Иван Сергеевич П. Анненкову. Роман с Тургеневым привел к разводу с мужем, однако, виновник событий и на этот раз уклонился от брака, уехав за границу. Мария Николаевна приняла монашеский постриг. Поступок ее в дальнейшем повторила Лиза Калитина («Дворянское гнездо»).

Последствия великого романа были горестными. Пронзительной болью отдаются запоздалые сожаления о несостоявшемся семейном очаге, игнорировании угрозы одинокой старости. Тема «без гнезда», проникавшая в отдельные сочинения Тургенева и прежде, отныне становится лейтмотивом.

Мария КИРАКОСОВА

▲ Иванэ Мачабели

КАК ФРАНЦУЗ ПАТЛЕН СТАЛ МЕЛАДЗЕ

Имя Иванэ Мачабели неразрывно связано с его переводами произведений Шекспира, которые явились новым этапом в истории художественного перевода в Грузии. Однако его перу принадлежат и некоторые другие переводы, сделанные в конце 1870-х – начале 1880-х годов. В это время усилиями передовой общественности была создана постоянная грузинская театральная труппа, которую надо было поддерживать как материальными средствами, так и репертуаром. Нужны были и оригинальные пьесы, и переведенные. Сделанные в эти годы переводы Мачабели были предназначены для немедленной постановки на сцене и некоторые из них даже не были опубликованы. Именно в этот период Мачабели работал над средневековым французским фарсом «Адвокат Патлен»; первое представление его состоялось в 1880 году, а текст перевода был опубликован только в 1899 году.

Фарс – комический жанр средневекового французского театра, который получил большую популярность в XIV-XV веках. Его герои – горожане, в том числе и представители низов, которые пробивают себе дорогу изворотливостью и находчивостью. Отображение реальной действительности, сатирические элементы, интересный сюжет с комическими ситуациями сделали этот жанр широко популярным.

Наиболее известный фарс «Адвокат Патлен» был создан в XV веке. Автор неизвестен, текст был опубликован около 1486 года. Фамилия главного героя, происходящая от французского слова «вкрадчивый», «хитрый», впоследствии стала употребляться для обозначения лукавца, плута, мошенника. В сатирическом ключе представлены и другие герои пьесы. Купец-суконщик известен всем своей скупостью. К нему в лавку отправляется Патлен, который, не имея денег, хочет сшить себе новый костюм. Льстивыми речами он располагает к себе купца и забирает сукно, обещая дать за него исключительно высокую цену. Деньги суконщик получит вечером, когда придет к Патлену на ужин. Скрыга купец радуется, что получит за свой товар завышенную сумму, но, когда он приходит к Патлену, тот притворяется больным, сумасшедшим и так пугает суконщика, что он

убегает, ничего не получив. Следующая сцена происходит в суде. Купец ничего не платил своему пастуху и тот потихоньку стал продавать баранов. Узнав об этом, купец обратился в суд. Пастух просит Патлена помочь ему и, следуя его совету, на суде притворяется идиотом и на все вопросы отвечает бляением – бее... Комизм сцены состоит в том, что купец, начавший в суде говорить о пропавших баранах, видит Патлена и переходит на тему об украденном сукне. Рассерженный этой путаницей судья отпускает пастуха. Патлен торжествует и хочет получить от пастуха плату за услуги. Но этот с виду простак оказывается таким же хитрецом: на слова адвоката он отвечает бляением и убегает.

Образ Патлена был столь популярным, что в 1706 году в Париже была поставлена на сцене комедия в трех актах «Адвокат Патлен»; ее авторы Д.Брюэс и Ж.Палапра. Именно этим французским текстом пользовался Мачабели. На это прямо указывается в материалах цензурного комитета, опубликованных в 1913 году; в списке пьес, разрешенных к представлению, она значится как «переделка» комедии Брюэса и Палапра. Действительно, это переделка, ибо грузинский вариант Мачабели сильно отличается от французской комедии; он состоит только из двух актов, но сохраняет основные сюжетные моменты средневекового фарса.

Отличительная черта перевода Мачабели – перенесение действия в местную обстановку. Соответственно изменены имена действующих лиц. Пьеса озаглавлена «Адвокат Меладзе». Фамилия главного героя от грузинского слова «мела» (лиса), как и во французском тексте определяет характер главного персонажа. Пастух носит имя Сесика, а в роли торговца-суконщика представлен армянин Серго Пирумов. Это весьма показательно, ибо в то время в сфере коммерции было очень много армян. Все актеры должны были быть одеты в местные костюмы, как это указано в специальных ремарках к списку действующих лиц. Помимо измененных имен и костюмов, в тексте встречаются и другие сугубо местные упоминания, которые подчеркивают, что действие происходит в столице Грузии. Например, в первой сцене Меладзе старается завести дружбу с Пирумовым и уверяет, что давно его знает. Сначала это не удается. Но постепенно льстивые речи адвоката оказывают свое действие и купец готов даже поверить, что они учились в одной и той же школе в Харпухи (район в старой части Тбилиси). Текст «Адвоката Меладзе» скомпонован очень стройно, совсем не имеет длинот, но все основные элементы интриги в нем сохранены и сделаны понятными для местного зрителя. Пьеса имела большой успех и, помимо столицы, ставилась и в других городах. Первое представление «Адвоката Меладзе» состоялось в Тбилиси 14 марта 1880 года и получило самую положительную оценку в рецензии С.Месхи, одного из ведущих публицистов того времени. Отмечая, что перевод Мачабели был прекрасно принят публикой, Месхи писал, что главный герой – «жулик-адвокат, подобные которому нередко встречаются и у нас, особенно в маленких провинциальных городах».

О сценичности пьесы, ее блестящем комизме, яркости образов идет речь и в других рецензиях. С.Мгалоблишвили в своей корреспонденции по поводу представления пьесы в Гори указывал, что особенно удачно представлены и непревзойденны по комизму сцены покупки сукна и сумасшествия. Илья Чкония дает пьесе ту же оценку, но критикует в своей рецензии исполнителей, которые все время смотрели на суфлера. «Если зрители и остались довольны пьесой, то это объясняется сценическими достоинствами самого фарса», – заключает он.

Пьеса продолжала успешно ставиться в последующие годы и в 1899 году была напечатана Иосифом Имедашвили в сборнике театральных произведений.

Наталья ОРЛОВСКАЯ

▲ На концерте памяти великой скрипачки

ВСПОМИНАЯ МАРИНУ ЯШВИЛИ

В музее истории Тбилисской консерватории состоялся вечер, посвященный памяти великой скрипачки, народной артистки Грузии Марины Яшвили. Инициатором и главным творческим участником вечера стала народная артистка Грузии и заслуженная артистка России, близкая подруга Марины Яшвили, Маргарита (Топа) Чхеидзе, которая поделилась воспоминаниями о последних годах жизни – профессора Московской и Тбилисской консерваторий, а затем мастерски исполнила фортепианные произведения Шопена, Рахманинова и Дебюсси. О жизненном и творческом пути Марины Луарсабовны рассказала известный музыковед Манана Ахметели.

Вплоть до окончания музыкальной школы-десятилетки (1947), Марина была яркой, харизматической фигурой тогдашнего юного музыкантского поколения. Имя Марины Яшвили – воспитанницы профессора Луарсаба Яшвили стало известно музыкальной общественности в 1940 году, когда, прослушав исполнение 8-летней девочки, выдающийся скрипач с мировым именем, профессор Мирон Полякин восторженно воскликнул: «Так чисто у нас играет только Давид Ойстрах», предсказав ей большое артистическое будущее.

Продолжив после окончания десятилетки занятия в Тбилисской консерватории под руководством отца, Марина вскоре вышла на широкую исполнительскую арену, став первой в Грузии музыкантом – лауреатом международного конкурса (Прага, 1949).

В 1950 г. Марина поступает в Московскую консерваторию в класс профессора Константина Мостраса. Это были годы ее высокого профессионального становления, что подтвердили успехи на международных конкурсах в Познани (1952) и Брюсселе (1955).

Марина Яшвили вошла в когорту выдающихся

▲ Марина Яшвили

скрипачей мира. 1950-1970-е годы – период расцвета ее концертной деятельности, когда были исполнены фактически все лучшие образцы мирового скрипичного репертуара.

Марина была первой грузинской исполнительницей замечательного концерта Алексея Мачавариани (1950), запись которого остается высокообразцовой и эталонной. Не раз звучали в ее исполнении сочинения и других грузинских композиторов. Параллельно (с 1958 г.) М.Яшвили вела педагогическую деятельность в Московской консерватории, возглавляя кафедру скрипичного исполнительства.

В 1966-1972 гг. вместе со своим супругом, талантливым музыкантом Игорем Политковским, возглавляла грузинский Государственный камерный оркестр, в 1967 г. была удостоена звания народной артистки Грузии, в 1967 г. - премии им. З.Палиашвили, а в 2003 г. - премии им. Ш.Руставели.

Говоря о Марине Яшвили, нельзя не упомянуть ее талантливых сестер, скрипачек Ирину и Нану, в игре которых ярко отразились принципы педагогической школы их отца профессора Луарсаба Яшвили.

В памяти любителей музыки навсегда запечатлелся юбилейный концерт семьи Яшвили, посвященный 80-летию главы семьи Луарсаба Сеитовича Яшвили.

Марина Луарсабовна Яшвили скончалась 9 июля 2012 года, не дожив нескольких месяцев до своего 80-летия, но имя великой скрипачки навечно останется в истории грузинского музыкального искусства.

Гулбат ТОРАДЗЕ

კინძმარაული მარანი

KINDZMARAULI MARANI

KINDZMARAULI MARANI

WINES

ბობონ

Shikhvi

Dry White Wine
2006

Alc 11.5% Vol

PRODUCT OF GEORGIA

0.75 L

KVARELI DISTRICT, VILLAGE GAVAZI, KAKHETI, GEORGIA

Tel./Fax: +995 (32) 36 18 50

Mob.: +995 (99) 54 00 18

E-mail: info@kmwine.ge ; km.wine@hotmail.com

www.kmwine.ge

МОНАСТЫРЬ КИНЦВИСИ. XII-XIII вв.

фото Александра Сватикова

1512-2972